

В. В. АКУЛЕНКО

ВОПРОСЫ ИНТЕРНАЦИО- НАЛИЗАЦИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Под редакцией
профессора А. В. Федорова

730879

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Харьков 1972

Книга является первым в научной литературе всесторонним исследованием интернациональных элементов в лексике языков и путей их становления. Понятие интернационализма в языке устанавливается на материале многих языков Европы, Азии и Африки.

Особенности формирования и функционирования интернационализмов подробно показаны на материале русского языка, сопоставляемого с западноевропейскими.

Рассчитана на научных работников, аспирантов и студентов-филологов, преподавателей языков и всех, кто интересуется вопросами языковедения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной теоретической лингвистике вопросы изучения интернациональных элементов в языках еще не нашли своего законного места: они затрагиваются в различных разделах языковедения, но обычно вскользь, без всестороннего рассмотрения этой теоретически и практически важной категории.

Прежде всего интернационализмы (понимаемые узко, как интернациональная лексика в языках Европы) упоминаются в работах по лексикологии конкретных языков. Как правило, это делается при описании исторических пластов словаря и путей его развития, причем выглядит лишь как уступка традиции: синхроническая категория интернационализмов подменяется одной из связанных с нею диахронических категорий — лексическим заимствованием, в результате чего специфика интернационализмов остается неясной. Исследователи лексики современных языков видят еще меньше оснований для выделения международных элементов: действительно, с точки зрения одного отдельно взятого языка интернационализмы не могут быть выделены, так как в одном языке эта категория просто не существует. Значительно труднее понять причины не всегда достаточного интереса к интернационализмам в работах по сопоставительному анализу языков, двуязычию, переводу и по лингвистическому обоснованию преподавания иностранного (и шире — второго) языка. Ведь именно синхроническое сопоставление языков позволяет установить важнейшие лингвистические характеристики этой межъязыковой синхронической категории. Социальная лингвистика (включая и теории языковой политики и языкового строительства как прикладные аспекты социальной лингвистики) оказалась наиболее внимательной к интернационализмам, что объясняется особенно наглядной связью интернациональных элементов с общественно-истори-

ческими условиями развития языка и их несомненной практической важностью для языковой политики. Но понимание международных элементов осталось и здесь традиционным.

Среди основных причин недооценки категории интернационализмов нужно назвать, прежде всего, неточность соответствующего понятия, которое возникло в языковедении без достаточного теоретического обоснования. Первые случаи его трактовки встречаются в интерлингвистических работах на рубеже XIX и XX веков, причем авторы их нередко были не языковедами, а полиглотами-практиками (такими, как врач Л. Заменгоф, математик Дж. Пеано и мн. др.). Среди лингвистов фактически первым обратил внимание на эту категорию А. Мейе, который в ряде статей начала XX века касался вопроса об исторических слоях интернационализмов в европейских языках. Он первым пришел к убеждению, что аналогичные явления должны существовать и в других ареалах, сложившихся вокруг «великих языков человеческой цивилизации» [237, 138—146], то есть международных языков эпохи феодализма, оказавшихся языками-учителями для сменивших их национальных языков. Наконец, Мейе приближался и к мысли о существовании в языках каких-то иных форм международной общности, кроме интернациональных слов. Последняя мысль более отчетливо прозвучала в известных исследованиях 30-х гг. В. М. Жирмунского [79] и представителя техники в языкознании — Э. Вюстера [274], но после этого не получила должного развития. Начиная с работы Э. Рихтер [248], в лингвистике распространилось мнение, что интернационализмы — это только международные слова, причем представленные лишь в европейских языках (или даже уже — слова греко-латинского происхождения). При этом их стали рассматривать как частный случай заимствованных слов, приписывая им чисто этимологический характер (хотя большинством авторов эксплицитно или имплицитно признаются и некоторые критерии, связанные с синхроническим соотношением интернационализмов).

Таким образом, мы еще не располагаем единым и адекватным определением рассматриваемых явлений; нуждаются в пересмотре методы изучения интернационализмов и процессов их формирования. В результате недостаточной определенности ряда языковедческих понятий, существенных при определении интернационализмов, и под влиянием неверного выбора методов исследования отдельные авторы вообще склонны отрицать возможность существования соответствующих явлений. Правда, в обширной языковедческой литературе реальность этой категории считается само собой разумеющейся, но, к сожалению, при этом сложилось убеждение в

тривиальности вопроса и будто бы неизбежной приблизительности в определении интернационализмов. Не случайно большинство словарей лингвистических терминов отказывается включить термин «интернационализм» в число узаконенной терминологии современного языковедения*. По-видимому, углубленное рассмотрение проблемы интернациональных элементов осложняется ее комплексным характером: решение ее возможно лишь на путях одновременного использования методов ареальной лингвистики, сопоставительного языкознания, теорий двуязычия и перевода, социальной лингвистики с обращением также к этимологии, истории языков и к смежным наукам (прежде всего, истории и этнографии). Однако, по замечанию Л. В. Щербы, «трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствия искомого» [174, 70]**.

В настоящее время теоретическая и прикладная лингвистика не может игнорировать ни уже сформировавшиеся фонды интернационализмов в лексике современных языков, ни межъязыковые тенденции в развитии языков. Об этом убедительно свидетельствует опыт языковой политики многих стран, изучение вопросов двуязычия и многоязычия, перевода, преподавания языков и мн. др. Особенно велико значение международных элементов в лексике в новейшую эпоху в связи с непрерывным нарастанием темпов языковых контактов и ростом количества одновременно вовлекаемых в контакты языков в ходе международного, точнее, глобального обмена информацией. Сказывается также общее повышение роли науки и техники в современном обществе (разумеется, весьма неравномерное в различных социально-экономических условиях) и небывало быстрая популяризация культурной лексики и специальной терминологии, в том числе часто интернациональной, в результате ее распространения при помощи средств массовой коммуникации.

В этой книге рассматриваются интернациональные элементы в словарном составе языков (наиболее детально — интернациональная лексика) и пути их возникновения и развития. Представляется, что привлечение в ряде глав сравнительно ограниченного круга языков для исследования не должно мешать установлению некоторых общих закономерностей формирования и функционирования фондов интернационализмов в различных языках мира. Такие закономерности в основном являются едиными для многих язы-

* Исключением являются новейшие советские словари [20, 104 и др.].

** Здесь и далее первая цифра в скобках означает номер цитируемого источника в списке, данном в конце книги, вторая — страницу. Источники отделяются друг от друга точкой с запятой.

ков, хотя несомненна и специфика их реализации в языках неодинаковой структуры и разных культурно-лингвистических ареалов.

Первая часть книги строится с привлечением достаточно разнообразного материала, преимущественно языков Европы и Азии, входящих в разные ареалы. Задачей здесь является уточнение понятия интернационализма в языке, установление существующих типов интернационализмов и их основных ареалов. Вторая часть, в которой показываются некоторые особенности функционирования интернациональной лексики и пути ее образования, базируется на материале русского языка, сопоставляемого с английским, французским и немецким языками. Более спорадически используются факты других языков европейско-американского ареала и ареала языков народов СССР. Таким образом, именно русский язык является центральной областью анализа, «точкой отсчета» соответствующих явлений, не превращаясь, однако, в самоцель исследования. Классическим образцом для исследований подобного типа служит работа В. М. Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты», решающая кардинальные вопросы связи языка и общества на материале прежде всего немецкого языка, но одновременно и в связи с анализом данных других языков.

Хотя аналогичное исследование могло бы основываться на материале других современных литературных языков, выбор русского языка как основного объекта анализа не мог не предопределить существенной специфики книги. Русский язык является в современном мире одним из наиболее развитых языков с чрезвычайно широкими общественными функциями: это один из пяти официальных языков международного общения в ООН, язык межнационального общения народов СССР, он выполняет исключительно сложные и богатые функции в жизни Советского Союза и его международных контактах и имеет огромную социальную базу. Это родной язык русского народа и — наряду с украинским и белорусским языками — второй родной язык украинцев и белоруссов (всего около 185 миллионов человек [ср. 126, 38; 183, 6]). Более того, это родной, преимущественно — второй родной язык значительной части неславянского населения СССР, особенно интеллигенции [72, 69]. Все более интенсивное изучение русского языка в послевоенный период в большинстве стран мира, прежде всего — в социалистических странах ведет к широкому знакомству с ним за рубежом.

Весьма велика роль в международном общении и обмене информацией также и других языков, привлекаемых для анализа. Английский язык (материалы которого в книге анализируются наиболее детально

из числа языков, сопоставляемых с русским) является государственным языком Великобритании, США, Канады (наряду с французским), Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканской Республики, государственным или официальным языком ряда молодых государств Африки. Как родным им владеют 257 миллионов человек [183,6]. Велика его роль в экономической, политической и культурной жизни Индии и Пакистана; он нередко используется как язык торговли, науки, публицистики в Азии, Африке, частично — в Южной Америке, знаком миллионам людей в качестве иностранного языка. Французский язык, на котором говорят как на родном 59 миллионов человек во Франции, Бельгии, Швейцарии [183, 6], является, кроме того, государственным языком в Канаде (одновременно с английским), государственным или официальным языком в ряде стран Африки, изучается в качестве иностранного во многих странах мира. Английский и французский языки относятся к числу официальных языков международного общения в ООН. Немецкий язык является родным языком 92 миллионов человек в Европе (в ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии: см. 183,6), изучается в ряде стран как иностранный язык. На рассматриваемых языках издавна существует и издается во все возрастающих масштабах огромная литература. В новую эпоху они играют чрезвычайно активную роль в процессах контактов, взаимно влияя друг на друга, в частности, активно усваивая, создавая и распространяя интернационализмы, являясь языками-учителями для многих других языков. Поэтому следует учитывать, что изоглоссы международных элементов, прослеживаемые в настоящей работе применительно к указанным четырем языкам, фактически нередко проходят также через значительное число других европейских и неевропейских языков.

В книге в ряде случаев используется фактический материал из литературы, прямо или, чаще, косвенно относящейся к теме работы. По-видимому, нередко именно учет интернационального качества рассматриваемых элементов позволяет яснее понять пути их развития и особенности функционирования в современных языках. Но преимущественно при написании книги использованы специальные картотеки автора, отражающие роль интернационализмов при двуязычии и переводе и соотношение международной лексики в современных языках, в основе нескольких глав второй части — картотека, отражающая свыше 6500 изоглосс интернационализмов и псевдоинтернационализмов, которые объединяют русский, английский, немецкий и французский языки и встречаются в пределах 60 тысяч более распространенных слов каждого языка.

При рассмотрении некоторых слов русского языка использованы данные картотеки Словаря современного русского литературного языка Института русского языка Академии наук СССР.

Проблема интернационализации словарей языков по сути еще находится в начале своего углубленного изучения. Настоящая работа не претендует на окончательное решение многочисленных задач, возникающих в ходе такого изучения и нередко требующих последующих детальных разработок на материале различных языков. Представлялось, однако, существенным наметить основные аспекты этой сложной и многосторонней проблемы, сведя их воедино, и тем самым подчеркнуть общие стороны явлений, связь которых не всегда признается и учитывается. Естественно, предлагаемая здесь концепция не везде является оригинальной: в книге использована обширная библиография, лишь в незначительной части отраженная в приводимом списке цитируемой литературы. Вместе с тем автор иногда сознательно становится на путь разрыва с традицией, считая необходимым пересмотреть принятые взгляды или применить новые для данной области, или, во всяком случае, несколько измененные методы исследования.

Автор искренне признателен проблемной группе «Язык и общество» Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР, руководимой членом-корреспондентом Академии наук СССР А. В. Десницкой, и прежде всего академику В. М. Жирмунскому и доктору филологических наук Л. С. Ковтун, а также членам кафедры общего языкознания Ленинградского университета и ее руководителю профессору Ю. С. Маслову и своим коллегам по кафедре общего и прикладного языкознания Харьковского университета, которые приняли участие в обсуждении разделов книги и помогли советами и критическими замечаниями. Он благодарен профессору Харьковского университета А. П. Ковалевскому, с которым обсуждались использованные здесь факты арабского языка, и старшим научным сотрудникам Института востоковедения АН СССР Н. А. Сыромятникову и Л. Б. Никольскому, которые помогли ему в анализе письменностей дальневосточных языков. Самую сердечную благодарность за неизменное внимание и ценные советы автор приносит редактору этой книги — профессору Ленинградского университета А. В. Федорову.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В ЯЗЫКАХ ЗЕМЛИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ

§ 1. Направления сравнительного изучения языков. § 2. Генетическое изучение языков. § 3—4. Типология и универсалии. § 5. Сопоставительное изучение языков и теория перевода. § 6—7. Ареальное изучение языков и языковые союзы. § 8—12. Интернациональность языковых знаков и сходные явления.

§ 1. Изучение интернационализмов связано с установлением общих элементов в планах содержания и выражения языков. Поиски общих черт в языках ведутся в современной лингвистике в трех направлениях: в генетическом плане, на путях разного рода синхронического сравнения языков и путем применения ареального метода. Возможность таких направлений отметил еще в 1901 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ, указавший при этом, что сопоставляемые языки могут быть родственными или неродственными и, кроме того, могут объединяться благодаря географической, общественной и литературной смежности, историческим взаимовлияниям [39, 371—372]. Задачи при этом различны: так, Р. Якобсон видит их в установлении родства языков при генетическом подходе, изоморфизма — при типологическом подходе и сродства (или сходства) при подходе ареальном [179, 97]. Впрочем, при этом он упускает из виду специфику других типов синхронического описания ряда языков: сопоставительного изучения и методов теории двуязычия. Вместе с тем очевидны и связи между всеми этими направлениями, проявляющиеся, в частности, при изучении интернационализмов и процессов их возникновения.

§ 2. Генетический (сравнительно-исторический) метод направлен на восстановление незафиксированных прошлых языковых фактов путем планомерного сравнения материально соответствующих друг другу поздних фактов родственных языков [149, 11]. Пред-

посылками его применения являются генетическое тождество и регулярность материальных соответствий ряда элементов в сопоставляемых языках. Такая регулярность не предполагает обязательного качественного совпадения, реального сходства элементов [122, 32—33], хотя в родственных, особенно близкородственных, языках когнаты (слова общего происхождения, восходящие к одной и той же праформе в языке-основе) могут быть сходными до степени узнаваемости. Таковы, скажем, в славянских языках Р *вода*, укр. *вода*, бел. *вада*, пол. *woda*, чеш. *voda*, болг. *вода*, с.-х. *vodá* и пр. или в славянских и германских языках Р *сын*, укр. *син*, бел. *сын*, пол. *syn*, чеш. *syn*, болг. *син*, с.-х. *син*, Н. *Son*, А. *son*, швед. *son*, норв. *sønn* и т. д. Известно, что в значительной мере за счет когнат в современных славянских языках не менее 10% всех слов оказываются либо практически тождественными, либо легко идентифицируемыми на основе закономерных фонетических соответствий [94, 278].

Сходные когнаты в синхронно сопоставляемых родственных языках сближаются с категорией интернационализмов. Такие, например, слова как Ф *vin*, исп. *víno*, порт. *vinho*, ит. *vino* и пр., восходящие к лат. *vīnum*, являются в романских языках когнатами, но входят в общеевропейскую изоглоссу интернациональных слов, обозначающих понятие «вино». С генетической точки зрения возникновение собственно когнат, параллельное развитие на основе этимологически общего материала [см. 122, 45—46] и языковые контакты представляются принципиально разными процессами (хотя исследователь и не всегда может разграничить их). При синхронном же рассмотрении языков результаты всех таких процессов могут уравниваться, в частности, при их включении в изоглоссы интернационализмов — сходных переводных эквивалентов многих языков.

§ 3. Типологические исследования, направленные на установление типов языков или обнаружение общих структурных закономерностей в языках [82, 108; 67, 48], могут охватывать любые языки, независимо от их родства, распределения на лингвистической карте и даже совпадения во времени. В области близкородственных языков степень типологического сходства обычно бывает высокой, хотя данный вид сходства далеко не всегда идет параллельно с генетическим родством. Типология в ее современном понимании основана на существовании в языках общих структурных свойств, наличие или отсутствие которых в конкретном языке устанавливается на основе анализа системных отношений в этом языке.

Тем самым выявляется структурная общность (изоморфизм) и структурные отличия (алломорфизм) разных языков. Таким образом, типологический метод также основан на тождестве, но типологическом, то есть совпадении лингвистических функций элементов разных языков в системах этих языков. От сравнительно-исторического метода типологию отличает и ее преимущественно синхроническая направленность. Типологический подход принципиально неограничен и универсален по сравнению с генетическим и ареальным подходами [76, 189], которые вскрывают частные закономерности языков, являющиеся следствием генетического родства или исторических связей языков.

Вместе с тем отмечается различная эффективность типологических исследований применительно к разным ярусам языковой структуры: наиболее ограничены их возможности в лексике [147, 23] в связи с ее наименьшей системностью в языке. Здесь речь может идти, например, об относительной мотивированности слов в языках, о типологии словообразования, о закономерностях системного построения лексико-семантических групп и пр.

Структурно-типологическое тождество тех или иных участков, языковых систем облегчает изучение языков и процессы перевода, хотя, как мы увидим ниже, отношения переводной эквивалентности могут возникать и в случае структурных различий языков.

§ 4. Языковые явления, свойственные всем языкам, так наз. универсалии, по сути являющиеся предпосылкой для типологии, особенно важны для близости и, в конечном счете, взаимопонятности языков. Кроме лингвистических универсалий, в этом плане существенны универсалии человеческого существования, определяемые единством объективного мира, единством человеческой природы и общностью культур [242, 196—214]. Таковы космогонические универсалии [272, 16] — явления экологического характера, объясняющиеся жизнью людей на одной и той же планете. К биологическим универсалиям относят физиологические общечеловеческие признаки, также вызывающие определенный параллелизм в развитии всех языков [230, 104] от фонетики до семантики. Психологические универсалии, то есть общие свойства психологической структуры всех людей, общий умственный тип человеческого рода, сказываются в семантике: «существуют универсальные законы мысли, которые отражаются в законах изменения значения (семантических законах)...» [219, 208]. Кроме того, в ходе современного выравнивания культур происходит и интенсивное сближение психологии людей, что выходит за пределы универсалий, но также содействует сближению языков. Наконец, культур-

ные универсалии иногда определяют как «неизменные пункты (культур), на которые ссылаются для описания или сравнения» и как «замещающие друг друга полностью или почти полностью одинаковые явления (substitutive uniformities and near-uniformities)» [см. 222].

Собственно языковые универсалии в синхронии делятся на четыре типа: фонологические, грамматические, семантические и символические; из них первые три включают либо форму без значения, либо значение без формы, последняя же, связанная с звуковой символикой, включает связь формы и значения [205, XXI—XXII]. Например, в каждом языке должно иметься не менее 13 и не более 85 фонем, должны быть гласные и согласные фонемы. В грамматике любого языка существует антитеза имени и глагола, есть категория лица с различением трех лиц и т. п. Большая часть универсалий выражает взаимозависимость свойств языка и формулируется в виде особых логических структур — импликаций: скажем, если в языке имеется категория двойственного числа, то в нем есть и категория множественного числа (обратное необязательно), если в языке нет хотя бы одного носового согласного звука, в нем нет и носовых гласных звуков и т. д. Примером семантической универсалии может служить наличие в каждом языке метафорически перенесенных значений. Наконец, образцом символической универсалии (не неограниченной, а статистической) является высокая вероятность того, что слово, означающее родительницу, будет содержать носовой согласный звук.

Универсальные свойства языков важны при формировании в них интернациональных элементов. Так, общность фонетики, обусловленная биологическими универсалиями, а также фонологические универсалии делают возможным звуковое сходство разноязычных лексем; общность семантических переносов порождает сходные семантические мотивировки в лексике разных языков; разного рода лингвистические универсалии существенно сближают фонды понятий, а нередко и лексических значений языков. Интернациональное качество отдельных слов может вытекать из универсалий символического характера. С точки зрения диахронической универсалии и интернационализмы принципиально различны (это то, что Г. Шухардт называл *Elementarverwandschaft* и *geschichtliche Verwandschaft*), в синхронии же они могут уравниваться. И обратно, не универсальный характер ряда явлений сказывается в распространенности интернационализмов: например, интернациональная лексика не может иметь глобального распространения, так как слово в его европейском понимании не является универсалией.

§ 5. Сопоставительное изучение (англ. *contrastive study*) языков производится на уровне менее абстрактных свойств языков, чем исследования типологические. Оно имеет прежде всего синхроническую направленность, отражая плоскость функционирования языков, хотя принципиально возможно и сопоставительно-историческое изучение языков, опирающееся на сопоставление разновременных синхронических срезов. Сопоставление преимущественно бывает бинарным, хотя могут быть сопоставлены три языка и более [161, 20]. Целью здесь является установление соотносительности элементов или микросистем разных языков (независимо от происхождения элементов), а также соотносительности закономерностей построения речи. Таким образом, рассматриваются значительно более конкретные свойства языков, чем в структурно-типологических исследованиях. Основанием для установления соотносительности служит сходство элементов в плане выражения, плане содержания или в обоих планах одновременно.

Соотносительные (в частности эквивалентные при переводе) элементы далеко не всегда тождественны типологически. И наоборот: тождественные элементы не всегда сходны. Например, как показал Р. А. Будагов, французский оборот *sur la table* и испанский *sobre la mesa* коррелятивны, но не тождественны, так как французскому предлогу *sur* соответствуют в испанском *sobre* «на» и *encima de* «на (о месте более высоком, чем другое)» [41, 97—100].

В сопоставительных исследованиях, как и в типологии, могут рассматриваться любые (родственные и неродственные) языки, относящиеся к одному или разным периодам. Фактически основное внимание обращено на новые языки в связи с прикладными задачами. Теоретические выводы сопоставительного языкознания служат типологии, теориям двуязычия и многоязычия, языковых контактов, перевода. Сопоставление используется в практике переводной лексикографии и при подготовке учебных материалов по иностранному языку. Здесь сопоставляемые языки в равной мере являются объектом анализа. Но, кроме того, сопоставительное рассмотрение языков может осуществляться путем более глубокого проникновения в своеобразную сущность одного языка, установления его характерных черт, незаметных при подходе с его собственных позиций (так называемое характерологическое описание языка).

Методика сопоставительных исследований может быть двоякой. В первом случае сопоставляемые языки (два или более) описываются параллельно с позиции какого-то третьего языка (без отчетливого основания сравнения оно является малопродуктивным — ср. 181, 5—6). Языком, в терминах которого производится сравнение,

может быть естественный язык, метаязык какой-либо науки или какая-либо иная знаковая система, а также язык ситуации. Скажем, в переводной лексикографии, где коррелятивность проявляется в форме переводной эквивалентности, последняя устанавливается в терминологических словарях с позиций метаязыка соответствующей области науки или техники, в словарях типа «Bildwörterbücher» — с позиций графических изображений. Во втором случае один из двух сопоставляемых языков описывается с позиции другого, что особенно важно для лингвистического обоснования обучения языкам, для частных теорий перевода и составления переводных словарей. При этом имеется в виду не подмена категорий описываемого языка категориями описывающего языка в научном описании, что недопустимо [ср. 182, 204], а отражение каких-то элементов или микросистем описываемого языка в элементах или микросистемах другого языка. Возникающее при таком бинарном сопоставлении описание языка является односторонне направленным, необратимым и относительным. Таково, например, описание фонетики иностранного языка с точки зрения ее сходств и различий с фонетикой родного языка учащихся или в переводной лексикографии — отражение значений слов одного языка в виде их переводных эквивалентов во втором языке.

Сравнительно с фонетикой и грамматикой сопоставление сложнее в области лексики, где, по справедливому замечанию А. В. Федорова, все гораздо более единично, более «индивидуально» [161, 15]. Сопоставление лексики возможно по линиям как общих категорий семасиологии и лексикологии, так и отдельных соотносительных микросистем и единиц, рассматриваемых в их парадигматических и синтагматических связях [60, 6—9]. К числу таких микросистем нередко относят слова, фонетически и семантически сходные в языках [224, 82—84], в частности, интернациональную лексику.

Связь сопоставительного метода с лингвистическим аспектом двуязычия и теорией перевода так велика, что делаются попытки рассматривать перевод как частный случай сопоставления [209, 112]. Но сопоставление отражает соотношение элементов или участков языковых структур в общем виде, и даже сопоставительная стилистика может показать лишь соотношение общих закономерностей построения речи. Теория же перевода, как бы продолжая сопоставление, изучает эквивалентность соотносительных элементов в еще более конкретных условиях — в реальных текстах в ситуациях двуязычного обмена информацией, анализируя и обобщая множество частных случаев. Скажем, при изучении вопросов перевода лекси-

ки нельзя ограничиться не только типологическими характеристиками слов, но и эквивалентами, рекомендуемыми в двуязычных словарях: «словарные соответствия, основывающиеся на сходстве семантического ядра слов, не всегда отражают их реальную роль в речи» [161, 22].

Пользуясь понятиями известной концепции Э. Косериу, типологические исследования можно отнести к уровню системы, сопоставительные исследования — к уровню нормы, теорию двуязычия (и теорию перевода как ее частный случай) — к уровню индивидуальной речи. Универсалии же, по-видимому, преимущественно относятся к уровню системы, но могут проявляться и на уровне нормы.

§ 6. В добавление к генетической и типологической классификации языков возможно установление географических группировок языков, связанных культурно и исторически; строго говоря, оно не является классификацией, но роль его в ряде случаев даже более велика, чем роль генетической классификации [272, 34]. Изучением данного вопроса занимается ареальная лингвистика, которая исследует новые лингвистические общности, возникающие в результате взаимовлияния языков, расположенных на смежной территории. Ареальная лингвистика является аспектом лингвистической географии [158, 19] и пользуется той же методикой, устанавливая изоглоссы, их пучки, районы, пограничные пояса и пр. Как известно, лингвистическая география успешно применена в плане «биологии языка» (стилистическая стратификация языка, борьба старого и нового в лексике, воздействие частичных обновлений на систему), социологии языка и изучения отношений слов и вещей [216, 19]. Вместе с тем в методике изоглосс, в случае ее абсолютизации и превращения в методологическое понятие, таится опасность отхода от понимания диалекта или языка как единого взаимосвязанного целого [80, 6] — отхода, превращенного неолингвистами в теоретический принцип [134, 48]. Эти сильные и слабые стороны лингвогеографии свойственны и ареальной лингвистике. Здесь сохраняется направленность не на констатацию синхронных фактов, а на восстановление их истории (но не происхождения): географическое распространение языковых явлений рассматривается лишь как отражение истории языка, географических условий и социальной среды, нуждающееся в объяснении [195, 26, 47, 191].

Ареальная лингвистика опирается на понятие «сродства» языков (нем. *Affinität*, англ. *affinity* и пр.), выдвинутое Н. С. Трубецким в противовес понятию генетического родства. Под сродством

понимаются соответствия (структурный изоморфизм или — особенно в области лексики — сходство), которые не объясняются генетической связью языков и не относятся к *Elementarverwandtschaft*, то есть неограниченным или статистическим универсалиям. Установление родства подразумевает изучение диффузии, посредством которой наблюдаемые явления могут быть объяснены, в самом же синхроническом сходстве видят лишь сырье для диахронического исследования [233, 121—123]. Между тем установление синхронических соответствий может быть и самоцелью, при этом результаты ареального описания дополняются синхронно-сопоставительным рассмотрением соответствий. Именно так устанавливаются изоглоссы интернационализмов, хотя они отличаются от проявлений родства в лексике смежных языков тем, что включают в себя также и когнаты, и случаи *Elementarverwandtschaft* при условии их синхронического сходства, то есть не допускают никаких диахронических ограничений.

Изоглоссы родства объединяются в ареалы, не совпадающие с генетически однородными областями, что было доказано Пражским лингвистическим кружком и служило предметом обсуждения, в частности, на I, IV и VII Международных конгрессах лингвистов. Особенно наглядны не всегда совмещающиеся с фонологическими и грамматическими ареалами ареалы лексического родства. Последнее проявляется в сохранении фонематического или графического сходства слов, которые распространяются за пределы генетических границ, или в создании параллельных элементов путем калькирования. Как и в диалектографии [см. 216, 44—45], лексические ареалы могут быть описаны, исходя из идей или из слов, то есть построены на ономаσιологической или семасиологической основе.

Ареалы родства изучены недостаточно и нередко трактуются сравнительно свободно: здесь представлены у различных авторов и все индоевропейские и только западноевропейские языки, языки Юго-Восточной Азии, кавказские, балканские языки и т. д.

§ 7. С понятием ареала родства сближается и порой совпадает с ним понятие языкового союза, занявшее важное место в ряде концепций. У Н. С. Трубецкого [159] оно противопоставлено генетическому родству языковых семей, которые растворяются в языковых союзах, постепенно переходя друг в друга. Это положение полностью разделяется неолингвистикой; в частности, В. Пизани ставит на место праязыков языковые союзы [134, 52—54]. Однако обычно признается, что языковые союзы, в отличие от семей, основаны прежде всего на типологическом схождении языков, причем типологические критерии выделяются из структурных

особенностей входящих в союз языков [69, 278; 87, 12; 160, 29—39]. Правда, наряду с этим в союзах нередко встречается и материальное сходство ряда элементов, в частности, интернационализмов, регулярность соответствий которых напоминает отношения генетически тождественных когнат в языковой семье, хотя проявляется в более новых и изменчивых областях языка [ср. 149, 50].

Наиболее наглядны языковые союзы исторической эпохи и особенно нового времени, встречающиеся в истории языков, взаимодействующих в течение длительного времени на смежных территориях. Наблюдения над ними показывают, что далеко не во всех областях языка схождения одинаково значительны [69, 74—75]. Поэтому было бы несомненным преувеличением рассматривать языковой союз как единый язык, по отношению к которому отдельные языки союза играют роль диалектов, как это делает, например, В. Порциг, считающий английский, французский и немецкий языки, во всяком случае, в синтаксическом аспекте диалектами общего «языка Запада» [см. 69, 274]. Существование определенного сходства (типологического и материального) во всех языках Европы общеизвестно*; намечаются здесь, главным образом в лексике и синтаксисе, и более частные субареалы, несколько упрощенно определяемые иногда как атлантическая, центральная и восточная группы языков [247, 442]. Но черты союза данным языкам придают, прежде всего, общеевропейские лексические, семантические, синтаксические, стилистические особенности, а не особенности отдельных групп языков. Поэтому нельзя согласиться с встречающимся в литературе резким противопоставлением западноевропейской группы остальным европейским языкам.

Современные языковые союзы играют значительную роль в процессах межъязыкового обмена информацией. Черты типологического тождества и материального сходства практически ощутимы при изучении языков и в процессах переводов в пределах союза. Так, известно, что венгру тяжелее учить близкородственный вогульский язык, чем неродственные индоевропейские языки, принадлежащие к одному с ним языковому союзу [285, 11]. Языковые союзы облегчают обмен духовными ценностями между народами, обеспечивают большее взаимопонимание народов. По словам Г. Беккера, сопоставление соседних языков (*nachbarschaftlicher Sprachvergleich*) имеет, в отличие от генетического и типологического языкознания, особое общественное значение: здесь лингвистика доказывает народам их близость с соседями, ставя на место предрассуд-

* Сравн. понятие «среднего европейского стандарта» (SAE) у Б. Уорфа.

ков, чуждости и озлобленного непонимания знание, близость и исполненное понимания дружелюбие [285, 530].

§ 8. Понятия ареала лексического сродства и языкового союза сближаются, но не совпадают с понятием ареала лексических интернационализмов. Во-первых, об интернационализмах принято говорить применительно к явлениям уровня языковой нормы; окончательно же устанавливается качество интернациональности языкового знака, как это будет показано ниже, только на уровне индивидуальной речи. Структурный изоморфизм или алломорфизм при этом не учитывается. Во-вторых, ареалы интернационализмов определяются строго синхронически: здесь не подразумевается диффузия рассматриваемых явлений и не допускаются этимологические соображения, благодаря которым к лексическому сродству традиционно относят результаты конвергентного сближения языков, объясняемого субстратом, двуязычием и параллельным развитием [233, 121—122], но не относят случаи генетической близости и *Elementarverwandschaft*. Фактически диахронические ограничения накладываются в ареальных исследованиях на синхронические по своей природе факты, что превращает ареалы сродства в своеобразное вспомогательное исследовательское построение. Существуют различия также между ареалами интернационализмов и языковыми союзами: первые далеко не всегда сопровождаются региональными проявлениями сходства в грамматике и фонологии языков. Поэтому ареалы интернационализмов нередко оказываются намного шире языковых союзов, хотя наличие интернационализмов значительно меньше говорит о степени близости языков.

Интернациональность языковых знаков в синхронически сопоставляемых языках представляет собой объективное явление межъязыкового плана. С диахронической точки зрения она может быть результатом любых процессов, ведущих к возникновению в языках семантически идентичных или близких знаков со сходной формой. Сложившаяся в лингвистике традиция позволяет относить к интернационализмам, в отличие от других типов межъязыковой общности, только знаки различных языков, сходные до степени отождествления как в плане содержания, так и в плане выражения. Последнее обстоятельство означает сходство не только фонематической (и/или графической) оболочки, но и мотивировки («внутренней формы») знаков, достаточное для их узнавания и отождествления в сопоставляемых языках. Сходство и основанная на нем идентификация знаков различных языков могут иметь место в любых двух языках и проявиться в случае их соприкосновения и сопостав-

ления; применительно к нескольким языкам (за пределами близкородственных) говорят обычно об интернациональности знаков.

В частности, наиболее признанным в научной литературе является факт существования международных деривационных морфем и слов. Фактически существует больше типов международной общности знаков в лексике языков: среди связанных форм это интернациональные лексические и деривационные морфемы и основы, а среди свободных форм — интернациональные слова и аналоги (фонетические, словообразовательные, семантические и фразеологические)*. Очевидно, что степень сходства, а следовательно, и легкость узнавания, существенно различна в таких случаях, как Р *анти*-, А *anti*-, Н *anti*-, Ф *anti*-, или Р *биология*, А *biology*, Н *Biologie*, Ф *biologie* и, например, Р *расшифровывать*, А *decipher*, Н *entziffern*, Ф *déchiffrer* или Р *бросить взгляд*, А *cast a glance*, Н *einen Blick werfen*, Ф *jeter un coup d'oeil*, вследствие чего можно говорить соответственно о явной и полускрытой международной общности знаков, но их особый характер в любом случае объективно подтверждается их функцией в ситуациях соприкосновения и сопоставления языков, когда они регулярно и массово отождествляются по форме и, действительно, выражают одно и то же или почти одно и то же содержание, тем самым облегчая обмен информацией носителям разных языков.

§ 9. Наряду с лексическими интернационализмами можно отметить несколько напоминающие их явления в синтаксисе значительных групп языков. Имеются в виду сходные конструкции — модели синтаксических словосочетаний, простых и сложных предложений, закрепленные за общими для ряда языков грамматическими значениями. Правда, схождения в синтаксисе имеют не материальный, а чисто структурный характер [70, 74], и степень сходства таких моделей еще ниже, чем в международных элементах полускрытого типа, но существование сходства очевидно, что и учитывается в явной или неявной форме при обучении языкам и переводе.

Например, изоглоссы аналогичных моделей сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями времени, места, условия и пр., вводимыми идентичными в разных языках группами союзов и союзных слов и помещаемыми в препозиции или постпозиции по отношению к главному предложению, охватывают сейчас не только языки Европы, но и множество языков за ее пределами.

* Положение об интернационализмах в широком смысле слова, продолжающее мысли Э. Вюстера и особенно В. М. Жирмунского, неоднократно обосновывалось нами, начиная с 1958 г. [4, 91; 10, 68—74 и др.].

Отмечается значительное сближение синтаксиса в языках народов СССР, где распространились многие общеевропейские модели, свойственные русскому языку, а в младописьменных языках представлены, кроме того, некоторые модели более узкого распространения, общие с русским языком, типа назывных предложений; все это позволяет говорить об «интернационализации» (в пределах СССР) некоторых синтаксических форм языкового мышления» [72, 303]. Ряд синтаксических моделей первоначально только европейского ареала встречается в языках развивающихся стран, где их появление тесно связано с возникновением новых общественных функций языков: так, в публицистическом стиле современного тайского языка широко употребляются распространенные сложные предложения с разветвленной системой зависимостей, обороты с фразовыми субстантивирующими морфемами *ти* или *канти*, которые соответствуют русскому обороту *то, что* . . . в начале предложения, калькированные с европейских языков обороты типа *там* — «в соответствии с», *дой анулом* — «согласно», пассивные конструкции и т. д. [125, 150].

Основным способом распространения таких сходных синтаксических моделей является синтаксическое калькирование (Lehn-syntax — см. 190, 296 и т. д.). Своеобразным отрицательным подтверждением ощущения сходства моделей в разных языках служат попытки пуристов устранить общие с другими языками модели или отдельные их признаки и внедрить специфические признаки. Такой характер имели, например, попытки в украинском языке 20 — начала 30-х гг. XX в. культивировать специфические двучленные союзные слова типа *що його* для введения определительных придаточных предложений за счет семантически сходных с русским и многими другими языками Европы относительных местоимений *який, котрий* (ср. Р *который*, А *which*, Н *welcher*, Ф *quel* в составе слов *aucuel, duquel*).

Именно наличие сходства в синтаксических моделях различных языков дает основание некоторым авторам рассматривать данное явление как граничащее с интернационализмами, хотя, строго говоря, оно относится уже к области структурно-типологических соответствий. Тем более относятся к области типологии соответствия морфологических моделей, также охватывающие иногда группы неблизкородственных и даже неродственных языков, где, однако, обычно не приходится говорить о совпадении моделей в пределах больших ареалов.

§ 10. Наконец, наряду с существованием сходных элементов в языках, наблюдаются значительные схождения в области построе-

ния речи в большой мере в тех же ареалах, в пределах которых встречаются лексические интернационализмы и общие черты синтаксиса. Они были ранее всего замечены в европейских языках, на основании чего исследователи говорят «о европейском языковом единстве» [184, 198], «европейском стиле» [246, 27]. Но аналогичные явления развивались и в пределах других ареалов. Кроме того, общие черты первоначально только европейского ареала, охватывающие литературные формы речи и прежде всего некоторые функциональные стили книжного типа, быстро распространяются в современном мире в ходе переводов и создания аналогично построенных у различных народов форм массовой речевой коммуникации. Развитие любого языка не может теперь избежать некоторых общих форм организации речевых сообщений, тогда как другие формы, ограничиваемые структурными особенностями определенных языков и степенью их исторической связи, по-видимому, сохраняют ареальный характер.

В разных языках путем калькирования, перевода, образования по аналогии распространяются формулы и обороты, нередко сходные по форме и являющиеся переводными эквивалентами друг друга, типа* *Р во-первых, во-вторых, в-третьих*, *A firstly, secondly, thirdly*; *H erstens, zweitens, drittens*, *Ф premièrement, secondement, troisièmement*; *Р с одной стороны, с другой стороны*, *A on the one hand, on the other hand*, *H einerseits, andererseits*, *Ф d'un côté, de l'autre côté*; *Р между тем*, *A meanwhile*, *H inzwischen, unterdessen*, *Ф cependant*; *Р в то же время*, *A at the same time*, *H gleichzeitig*, *Ф en même temps*; *Р в результате*, *A as a result*, *H in Ergebnis*, *Ф en résultat*; *Р таким образом*, *A thus*, *H solcherweise*, *Ф de cette façon*; *Р первый, последний* (при избегании повторов), *A the first, the latter*, *H der erste, der letzte*, *Ф le premier, le dernier*; *Р вышеупомянутый*, *A abovementioned*, *H oben erwähnt*, *Ф susmentionné*; *Р нижеупомянутый*, *A undermentioned*, *H untererwähnt*, *Ф ci-dessous mentionné*; *Р нижеподписавшийся*, *A undersigned*, *H unterzeichnet*, *Ф soussigné*; *Р например (напр.)*, *A for instance (e. g.)*, *H zum Beispiel (z. B.)*, *Ф par exemple (p. ex.)*; *Р то есть (т. е.)*, *A that is (i. e.)*, *H das heißt (d. h.)*, *Ф c'est-à-dire (c. a. d.)*; *Р и так далее (и т. д.)*, *A and so on (etc.)*, *H und so weiter (usw.)*, *Ф et cætera (etc.)* и мн. др. Сами по себе подобные факты преимущественно относятся к области лексики, однако за ними скрывается принципиальное сближение

* Список имеет чисто иллюстративный характер и включает далеко не все возможные словарные соответствия приводимых слов и выражений.

языкового мышления, интернационализация манеры речи, отражающаяся в построении сообщений, типичном их порядке, членении на части, формах указания на традиционные типы логических взаимоотношений между частями, формах речевой эстетики. Формы построения текстов унифицируются в пределах аналогичных функциональных стилей и жанров, но, кроме того, постепенно происходит сближение самих систем функциональных стилей.

Наконец, в рамках не только книжных, но и разговорных стилей определенных ареалов языков возникает огромное число прямых переводных аналогов — стандартных высказываний («речевых клише») типа: Р *Продолжение следует* А To be continued, Н Vortsetzung folgt, Ф À suivre, Р *Добрый день!* А Good afternoon! Н Guten Tag! Ф Bon jour! Р *Как дела?* А How are you? Н Wie geht's? Ф Comment ça va? и т. п., не обязательно сходных по форме.

Все эти явления, выходя за пределы собственно языковых интернационализмов, вместе с тем свидетельствуют о международном сближении норм речи, стилистик разных языков. Показательно, что И. К. Белодед относит исследование вопросов стилистического взаимообогащения языков, выработки интернациональных, межъязыковых элементов в стилистике к важнейшим задачам лингвистической стилистики [31, 179].

§ 11. Возвращаясь к вопросу об интернационализмах, необходимо отметить, что они не отгорожены китайской стеной от других проявлений общности в языках, ведущей к эквивалентности множества элементов языков при всем из различии.

Наиболее непосредственное отношение к процессам интернационализации словарей языков имеет возникновение во многих языках обширных фондов более или менее регулярно соответствующих друг другу переводных эквивалентов. За этим фактом, в конечном счете, скрывается развитие в языках общей или близкой семантики, а также — уже за пределами собственно языков — распространение одних и тех же понятий и концепций. Многоязычные ряды переводных эквивалентов возникают, прежде всего, в ходе контактов языков, но нельзя недооценивать и независимое от контактов сближение языков как отражение процессов сближения культур, интернационализации всех форм современной жизни. Здесь представлены как полные эквиваленты (терминология, слова, обозначающие категории, общие для данных языков), так и неполные — с совпадением основных смысловых характеристик. При этом, если в случаях типа: Р *хлеб*, А bread, Н Brot, Ф pain, ит. рапе, алб. bukë, фин. leipä, перс. нан и т. д. мы имеем просто семантические изоглоссы, или многоязычные ряды изолированных

элементов с общей семантикой, то ряд типа: Р *азот*, А nitrogen, Н Stickstoff, Ф nitrogène, ит. azoto, алб. azot, фин. typpi, перс. *азот* и т. д. отражает, кроме того, типологическое тождество, изоморфность терминологических систем неорганической химии, а ряд: Р *телефон*, А telephone, Н Fernsprecher, исл. sími, лтш. talrunis, фин. puhelin, кит. *дяньхуа*, вьетн. điện thoại, яп. denwa и т. д. — изоморфность систем названий средств связи.

Здесь синхронная общность лексики языков имеет, в отличие от явной и полускрытой международной знаков, скрытый характер*. Тем не менее и этот тип близости лексики языков очевиден и давно привлекает внимание исследователей. Переводчикам известно, что около 40% полнзначных слов в европейских языках при переводах общественно-политических текстов постоянно соответствуют друг другу [139, 123]. Именно подобного рода факты позволили А. Мейе отметить, что европейские языки издавна выражают понятия общей цивилизации [239, 344]; Э. Перуцци вслед за Л. Шпитцером говорит о существовании «европейской семантической койнэ» [246, 26]. Прежде всего семантическая близость слов и оборотов европейских языков, часто независимо от синхронного соотношения формы этих слов и оборотов, подразумевается и В. М. Жирмунским, когда он констатирует в языках эпохи капитализма широкое развитие «интернациональной семантики», благодаря которой «национальная форма слов во многих случаях выражает интернациональное идеологическое содержание...» [79, 200].

В настоящее время процессы семантического сближения словарей языков вышли далеко за пределы европейских языков. По определению В. В. Виноградова, «... в силу значительной интеграции науки и техники с их терминологией, в силу наличия отражений так называемых искусственных вспомогательных языков в материале разных языков мировой цивилизации, особенно в их фразеологии, существуют и постепенно расширяются зоны общего международного словесно-понятийного соответствия и соотношения» [54].

§ 12. Качество интернациональности, то есть массовой и регулярной отождествляемости по форме знаков разных языков и способности этих знаков служить переводными эквивалентами друг друга в условиях двуязычия и многоязычия, отражает объективные свойства языков, а отнюдь не заложено в методике исследования. Но это

* В семантических изоглоссах могут встречаться и международные знаки: ср. хотя бы русское, итальянское, албанское, персидское слова в изоглоссе «азот».

межъязыковое качество имеет вероятностно-статистический характер подобно многим внутриязыковым качествам плана синхронии языков, лежащим в основе так называемого языкового чутья.

Во-первых, не приходится говорить об обязательном тождестве форм и значений интернационализмов в разных языках: речь может идти лишь о сходстве, а понятие сходства относительно. Неслучайно структурно-типологический метод не оправдывает себя при рассмотрении интернационализмов и может даже привести исследователя к попытке отрицания этой категории [см. 116, 91]. Адекватными методами изучения международных знаков, отражающими их основные, существенные свойства, являются: а) ареальный метод, позволяющий установить изоглоссы и районы распространения интернационализмов на лингвистической карте мира; б) синхронно-сопоставительный метод, отражающий основные моменты сходства и различия в массах интернационализмов пар или групп языков; в) метод анализа индивидуальной речи в условиях двуязычия (в частности перевода), позволяющий проверять реальную способность рассматриваемых знаков облегчать передачу информации от языка к языку. Все эти методы как раз и позволяют учитывать относительный характер основных признаков интернационализмов и показывают, как эти разноязычные знаки могут идентифицироваться, несмотря на их неизбежные национальные особенности.

Во-вторых, относительным является само понятие интернациональности, или международной: оба русских термина, несомненно, означают одно и то же вопреки искусственным попыткам их противопоставления [144, 149; 115, 46]. Здесь подразумеваются явления, «распространяющиеся на несколько или на все народы, не ограниченные рамками одного народа» [91; 92] или, по другому аналогичному определению, «относящиеся к различным народам, нациям» [215а]. Следовательно, количественные критерии здесь крайне расплывчаты, колеблясь от двух до всеобщности. По-видимому, нельзя отрицать определенной международной явлений, свойственных уже двум народам, странам*, хотя обычно имеется в виду большее число народов. Возможно в исключительных случаях сближение данного понятия с абсолютным понятием универсальности: например, интернациональная изоглосса детских названий матери построена на универсальной закономерности. Вместе

* Ср. употребление *A* (а.м.) *international* в значении «свойственный двум странам: США и Канаде».

с тем интернациональность включает одно ограничение: сюда едва ли относятся безоговорочно явления, свойственные лишь ближайшему родственному народу, как бы представляющим до настоящего времени ветви одного народа. Так, особенности только восточнославянских или — даже шире — всех славянских народов (или языков) — еще не бесспорно международное явление. Но уже дальнейшие степени родства в пределах тех же индоевропейских языков не ощущаются в настоящем. Речь идет не об историческом критерии, а об ориентации на степень близости народов (культур, языков), какой она дана современному наблюдателю. Отсюда ясно, что подлинно интернациональное явление встречается в культурах или языках не только близкородственных, но и неблизкородственных народов. По определению Е. Юстера, интернациональными являются языковые знаки, «которые понятны и за пределами данной языковой области» [58, 83].

Относительность интернациональности заставляет прибегать в методике исследований к созданию условных рабочих критериев. Было бы серьезной ошибкой абсолютизировать такие критерии, смешивая методы изучения объекта с особенностями самого объекта. Фактически рассматриваемое качество в определенной мере возникает в знаках соприкасающихся языков, начиная с двух языков [246, 20; 7, 209]. При этом для его возникновения несущественны как языковые курьезы (типа отмеченного А. Мейе и Ж. Вандриесом совпадения *A bad* «плохой» с перс. *bād* «плохой» или отмеченного Л. Блумфилдом совпадения нгр. *tó ráti* «глаз» с индон. *mata* «глаз»), так и этимологически понятные, но единичные совпадения в мало или вовсе не соприкасающихся языках (типа укр. *tato* «отец, папа» — фин. *taatto* «отец» или укр. *терези* «весы» — перс. *tārazu*). Отождествление сходных слов становится массовым и регулярным лишь в условиях такого двуязычия, при котором билингв исходит из уверенности, что отождествление будет вести его к пониманию [ср. 150, 242].

Впрочем в научной практике сходные знаки двух языков почти никогда не квалифицируются как интернационализмы. Ряд авторов считает три языка минимальной изоглоссой международного элемента, причем обычно требуется, чтобы эти языки представляли две или три неблизкородственные языковые семьи [30, 79; 149, 206; 4, 98]. Но и здесь только две языковые семьи реже считаются базой для интернационализмов: так, большинство лингвистов лишь с оговорками согласится признать интернациональными не только сравнительно ограниченные ряды слов типа: чеш. *kovač*, слов. *kovač*, болг. *ковач*, с.-х.

ковач . . . — и венг. *kovács* или Р *кухня*, укр. *кухня*, пол. *kuchnia*, чеш. *kuchyně* . . . и лтш. *kukņa*, но и более репрезентативную изоглоссу «луна» (русск., болг., чеш., франц., исп., порт., рум., молд.) Е. Вюстер ориентируется на знаки шести крупных европейских языков («*Weltsprachen*»*), относящихся к трем семьям [58 84]. В настоящей работе анализируются интернационализмы, встречающиеся в четырех или более языках, относящихся по меньшей мере к трем семьям.

Вместе с тем количество языков в изоглоссе небезразлично для авторитета, статуса в языках и перспектив развития интернационализмов не только в плане престижа тех или иных языков, но и потому, что в современном мире создались возможности одновременных многоязычных контактов, тем активнее затрагивающих интернационализмы, чем большее число языков участвует в контактах. Далее, не меняет принципиально факта международной знаков социальная база языков изоглоссы (т. е. количество людей, говорящих на этих языках) вопреки мнению О. Есперсена, видевшего в социальной базе основной критерий интернациональности знаков [218, 11]. Вряд ли основательны сомнения в интернациональности слов, представленных только в малых, хотя и неблизкородственных языках [30, 77—78]. Но количество говорящих на языках должно учитываться при определении значения интернационализмов для процессов международной коммуникации, поэтому было бы целесообразным различать не только трехязычные, четырехязычные и т. д. изоглоссы, но и изоглоссы с широкой или узкой социальной базой. Аналогичный интерес представляет учет стоящих за языком научных, технических и культурных ценностей, что в определенной мере отражается в количестве выходящих на данном языке публикаций [ср. 58, 83, 185].

Наконец, чрезвычайно важна степень активности изоглосс интернационализмов в целом и на отдельных их участках. Особенностью международных языковых знаков является их активная роль в процессах соприкосновения языков, ведущая, как мы увидим ниже, к появлению у них в определенной мере особого статуса в языках и возникновению некоторых специфических закономерностей их изменений. Однако на ранних этапах становления изоглосс соответствующие знаки не выделялись в языках, и качество интернациональности в них было дремлющим, латентным. В новейшую же эпоху, в ходе нарастающих массовых языко-

* К *Weltsprachen* («мировым языкам») традиционно относили языки *AGRFIN*, т. е. английский, немецкий, русский, французский, итальянский и испанский.

вых контактов, изоглоссы интернационализмов активизируются, но нередко в очень различной степени, что сказывается в этом случае на различии их статуса в языках. Без учета латентности или активности и относительной степени последней невозможна правильная оценка интернационализмов. Так, например, В. Р. Кипарский увидел проявление сознательной «русификации» в приводившихся нами случаях оттеснения активными интернационализмами пассивных интернациональных слов в современном украинском языке*. Между тем, анализ синонимических пар типа упоминавшихся нами *валіза* — *чемодан* показывает несостоятельность такого утверждения. Слово *валіз(к)а*, взятое из польского языка, всегда имело книжный характер и в большей степени, хотя и не исключительно, было свойственно словоупотреблению Западной Украины. В настоящее время оно оказалось на периферии словарного состава несмотря на интернациональный характер (ср. итал. *valigia*, Ф *valise*, исп. *valija*, рум. *valiză*, нгр. *ἡ βαλίτσα* алб. *valizhe*, А (ам.) устар. *valise*, голл. *valies*, тур. *valiz* и даже вьетн. *va-li*): связи украинского языка с другими языками данной изоглоссы весьма спорадичны и ограничиваются письменными переводами. Находящееся же в широком общенародном употреблении слово *чемодан* (отмеченное уже в словарях конца XIX — начала XX в. в просторечной форме *чамайдан*) входит в активнейшую изоглоссу, объединяющую украинский язык с русским и многими другими языками народов СССР и некоторых соседних зарубежных народов. Сходные слова персидского происхождения (перс. *чѣмъ-дан*) через тюркские языки и через русский получили широкое распространение: Р *чемодан*. бел. *чамадан*, лтш. *ĉemodans*, эст. *sumadan*, молд. *чемодан*, груз. *чѣмодани*, аз. *чамадан*, осет. *чемодан*, чеч.-инг. *чамда(н)*, тадж. *чемодан*, башк. *сумаџан*, кирг. *чемодан*, каз. *чемодан*, узб. *чемодан*, тат. *чемодан*, чув. *чемодан*, удм. *чемодан*, мар. *чемодан*, морд. *чемодан*, бурят. *чемодан* и пр., ср. и монг. *чемодан*, рум. *geamantan*. Таким образом, здесь за, казалось бы, чисто внутриязыковыми причинами или за сознательной нормализацией словаря на самом деле скрывается спонтанно действующий межъязыковой фактор — конкуренция двух интернационализмов, из которых активный одерживает победу над латентным.

V. K i p a r s k y. Comparative and historical semantics. В кн. «Current trends in linguistics». [Ed. by Th. A. Sebeok]. Vol. 1. Soviet and East-European linguistics». The Hague, 1963, стр. 95.

ГЛАВА 2. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ

§ 13. Межъязыковые категории в лексике соприкасающихся языков. § 14—16. Международные морфемы и основы. § 17. Интернациональная лексика. § 18. Фономорфологический аспект интернациональных слов. § 19. Графическая оболочка интернациональных слов. § 20. Степень интернациональности формы слова. § 21—23. Семантика интернациональных слов. § 24. Роль мотивировки в международной языковой знаке. § 25. Международные фонетические аналоги. § 26. Международные словообразовательные аналоги. § 27. Международные семантические аналоги. § 28. Международные фразеологические аналоги. § 29. Сводная таблица типов международной лексических знаков.

§ 13. Все типы общности в языках: универсалии, черты типологического изоморфизма, соотносительные и эквивалентные элементы (в том числе и объясняемые генетической общностью лексические соответствия в языках, и случаи родства), взаимодействуя и переплетаясь между собой, порождают сеть возможных взаимоотношений между знаками словарей синхронически сопоставляемых языков.

Любые два языка, приходящие в соприкосновение, становятся, как известно, базой для образования объективных категорий межъязыкового характера, возникающих из сопоставления элементов и целых подсистем этих языков. В частности, слова таких языков с точки зрения выражаемых ими значений становятся в отношении безэквивалентности или чаще — особенно в языках близкой культуры — эквивалентности (относительной или абсолютной). С учетом также и форм слов можно говорить о категориях межъязыковой абсолютной и относительной синонимии (в пределах эквивалентной лексики), омонимии и паронимии (в пределах лексики как эквивалентной, так и безэквивалентной). При этом межъязыковые синонимы могут иметь либо совершенно специфическую, либо сходную в обоих языках форму [6, 62]. Эта система отношений, которая охватывает наиболее употребительные лексические знаки языков, сталкивающихся в сознании двуязычных лиц, описывается Э. Хаугеном как возникновение синонимичных и омологических диаморфов [212, 109]. Развивая данную точку зрения, следует разграничить собственно диаморфы (лучше — диамор-

фемы) и диалексемы [83, 11], а также диафраземы, относя к первым только взаимно отождествляемые морфемы и основы двух языков, ко вторым — слова, к третьим — устойчивые словосочетания, которые в контактирующих языках регулярно отождествляются и соотносятся между собой.

Примерами синонимичных диаморфем, диалексем и диафразем могут служить межъязыковые абсолютные синонимы типа*:

A {re- > *пере* —} P,
A {carbon > *углерод*} P,
A {to begin with > *прежде всего*} P

и межъязыковые относительные синонимы типа:

A {hand «кисть руки» > *рука*} P.
A {to put out of action «останавливать; выводить из строя» > *выводить из строя*} P.

Ошибочно отождествляемые омонимичные диалексемы нередко основываются на этимологически близком материале, хотя возможно и случайное сходство звуковых последовательностей фонем:

A {actual «фактический» > *актуальный*} P,
A {originally «первоначально» > *оригинально*} P.

Омонимия диафразем, могущая порождать массовые ошибочные отождествления, основывается на совпадении их мотивировок:

A {high school «средняя школа» > *высшая школа*} P,
A {to go to rest «умереть» > *уйти на покой*} P.

Наконец, омологичные диаморфемы, диалексемы и диафраземы сочетают синонимичность со сходством форм. Понятие формы при этом трактуется широко: наряду со звуковой (и/или графической) оболочкой слова, внутренняя форма (мотивировка) знака, если она достаточно отчетливо ощутима в плане синхронии, может содействовать отождествлению разноязычных знаков. Таким образом, сюда относятся не только сходно звучащие (или пишущиеся) морфемы и слова, но также сложные и производные слова со сходной морфологической мотивировкой, полисемичные слова со сходной переносностью значений и сходно мотивированные фразеологизмы.

* В данном типе формул, обозначающих отношения между знаками соприкасающихся языков, знак > означает отождествление. В этимолого-исторических формулах так обозначается источник происхождения элемента.

Например:

A	{anti- >	анти- }	P
A	{astronomy >	астрономия }	P
A	{waterfall >	водопад }	P
A	{decipher >	расшифровывать }	P
A	{to touch «1) прикасаться; 2) волновать» >	трогать	
		«1) прикасаться;	
		2) волновать» }	P
A	{yellow press >	желтая пресса }	P

Те же типы межъязыковых отношений могут встречаться не в двух, а в трех и более синхронно сопоставляемых языках; в этом случае естественно говорить о полиморфемах, полилексемах и полифразахе. Сходные до степени отождествления, омологичные полиморфемы, полилексемы и полифразаемы и представляют собой различные типы международной общности знаков в лексике языков (интернационализмы в широком смысле слова). К ним относятся среди связанных форм международные лексические и деривационные морфемы и основы, а среди свободных форм — интернациональные слова (интернационализмы в собственном, или узком, смысле слова) и международные аналоги (фонетические, словообразовательные, семантические и фразеологические).

§ 14. В пределах связанных форм во всяком случае в европейских языках, различаются международные непроизводные и производные основы, суффиксы и префиксы. Подобно любым связанным формам этих языков, они не существуют в нашем сознании как самостоятельные элементы, а воспринимаются в составе слов. Это не мешает отождествлению морфем и основ различных типологически близких языков и возникновению при этом отношений полиморфности. Здесь проявляется относительная самостоятельность значения таких элементов, позволяющая даже употреблять некоторые интернациональные суффиксы как окказиональные слова с широким категориальным значением представителей целых классов слов*. Переходя из языка в язык в составе интернациональных слов и преимущественно употребляясь в их же составе, данные элементы способны, кроме того, сочетаться с интернациональными элементами, образуя «гибриды». Впрочем гибридность нередко

* Показателен их перевод в данной функции соответствующими диаморфемами, например: «Isms and ocracies. Give me facts» (G. Greene, The Quiet American. Moscow, 1959, стр. 107) передается как «Ах, уж мне эти ваши «измы» и «кратии». Дайте мне факты» (Г. Грин, Наш человек в Гаване. Тихий американец. Пер. с англ. Е. Голышевой и Б. Изакова. М. 1959, стр. 339).

не ощущается массовыми носителями данного языка, а устанавливается этимологическим анализом и может проявляться при двуязычии. Способность проявляться при двуязычии обязательна для интернационализмов, которые должны обладать сходством и отождествляться в синхронии, а не быть лишь достоянием этимологии. Кроме того, как мы увидим ниже, одно лишь сходство отрезков полилексем еще не доказывает существования полиморфем во всех языках изоглоссы: обладать сходством могут и не вычленяющиеся части слов. Интернациональные же морфемы и основы, подобно всем остальным, должны вычленяться с точки зрения синхронического состояния именно данного языка.

Говоря о явлениях интернациональности морфем, следует учитывать, что, хотя понятие морфемы как «минимального линейно выделяемого элемента языка, обладающего смысловой или структурной функцией» [119, 152], универсально, все же статус морфем весьма различен в языках различных типов. С этой точки зрения языки делятся на непосредственно вычленяющие прежде всего слова, которые затем поддаются членению на морфемы, и на непосредственно вычленяющие именно морфемы, которые затем объединяются в слова. Например, если индоевропейские языки относятся к первому типу, то иное положение занимает современный китайский язык. Здесь первичной единицей — носителем смысла является однослог «цзы», определяемый иногда как слово в языке в отличие от слова в речи — «цы» [138, 116], но по сути играющий роль морфемы с той оговоркой, что морфемой он является только внутри слова, а не как реально существующий вне слова материальный элемент [153, 128]. Специфично соотношение морфемы и слова в японском языке, где равная отчетливость всех морфемных швов в речи с трудом позволяет выделить среди них те, которые одновременно являются и границами слова [113, 67].

Нередко и расхождения семантики сходных классов морфем разных языков делают отношения полиморфемности невозможными. Скажем, в корейском языке, как и в индоевропейских, есть префиксы, но значения их обычно не имеют соответствий в префиксах индоевропейских языков (таковы приименные префиксы *нал* — «сырой», *ол* — «ранний», *хат* — «ватный», *мэн* — «голый» и т. п.: см. 169, 23).

§ 15. Наиболее известны международные суффиксы греко-латинского происхождения, распространившиеся в составе европеизмов и получившие во многих языках статус суффиксов, не только вычленяющихся, но иногда и активно используемых для образования новых слов. Существуют и международные суффиксы иного про-

исхождения типа тюрского агентивного суффикса *-чи* (*-джи*) в тюркских, монгольских языках, таджикском и языках Балкан; арабского суффикса — *-и* в прилагательных арабского языка, тюркских языков, персидского языка и пр.; *-вад* в санскритизмах с абстрактным значением (*-ism*) в языках Индии, Юго-Восточной Азии (напр.: хинди *-vād*, урду *-вад*, бенг. *-бат(д)*, бирм. *wadā* и пр.) и соответствующих ему китайского *-чжу'и* и его рефлексов в дальневосточных языках (кор. *-дюи*, яп. *-shugi**, ср. тж. вьетн. *-chúngthĩa* и пр. *-ism***; довольно регулярно соответствующих европейскому *-ist* региональных агентивных суффиксов тех же ареалов (хинди — *vādī*, урду *-vādi*, бенг. *-бади*, бирм. *wadi* и пр. и на Дальнем Востоке: кит. — *чжу'ичже*, яп. *-shugisha*, кор. *-дюидя*) и т. д. Даже единичные последние примеры позволяют предположить возникновение почти глобальных типологических соответствий между некоторыми международными суффиксами разных ареалов в ходе современного сближения языков (типа *-ism* = *-vād* = *-чжу'и*) — явления, более широкого сравнительно с интернационализмами и связанного с возникновением определенного универсализма в планах содержания и выражения современных языков. В самом деле, исследование, например, терминологических новообразований в хинди показывает, что словообразовательные элементы терминов санскритского происхождения стали полностью или частично адекватными интернациональным формантам латинского и греческого происхождения: кроме *-vād* «-изм», здесь можно назвать *-tanta* «-кратия», «*-i-karaṇ*» «-изация»/«-фикация», *-śāstra* «-логия», *-ātmak* «-альный» и т. п.; ср. также приставки типа *vi-*, *ava-*, «де-», *antra-* «интер-», *prati-* «контр-», *pava-* «нео-» [27, 16].

Суффиксы греко-латинского происхождения не только являются образцом, на который нередко ориентируются международные словообразовательные форманты других ареалов, но и в ряде случаев особенно широко распространены в различных языках. Они свойственны европейско-американскому ареалу и ареалу языков народов СССР, наряду с чем встречаются в некоторых языках зарубежного Востока и Африки. Таковы рефлексy греко-лат. *-ismus* (< *ισμός*) или *-ista* (< *ιστής*): Р *-изм*, укр. *-izm*, бел. *-izm*,

* Японские слова и морфемы приводятся преимущественно в латинской орфографии «ромадзи», слова и морфемы всех остальных языков, не пользующихся латинским или славянским письмом, даются в русской транскрипции.

** Китайская, японская и корейская морфемы интернациональны, прежде всего, в письменной форме, передаваясь на письме абсолютно тождественными иероглифами.

пол. -izm, чеш. -ismus, слц. -izmus, с.-х. -изам, слвн. -izem, болг. -изъм, лтш. -isms, лит. -izmas, А -ism, Н -ismi, голл. -isme, дат. -isme, шв. -ism, норв. -isme, Ф -isme, исп. -ismo, ит. -ismo, порт. -ismo, рум. -ism, молд. -изм, нгр. -ισμός, алб. -izëm, арм. -изм, тадж. -изм, осет. -изм перс. -изм (исм), афг. -изм, хинди -изм, урду -изм, бенг. -иджм, фин. -ismi, эст. -ism, венг. -izmus, удм. -изм, мар. -изм, морд. -изм., монг. -изм, бурят. -изм, калм. -изм, груз. -изми, тур. -izm, аз. -изм, башк. -изм, кирг. -изм, каз. -изм, узб. -изм, тат. -изм, чув. -изм, чеч. -инг. -изм. -индон. -isme и пр.; Р-ист, укр. -ист, бел. -ист, пол. -ist, чеш. -ista, слц. -ista, с.-х. -ист, слвн. -ist, болг. -ист, лтш. -ists, лит. -īstas, А -ist, Н -ist, голл. -ist, дат. -ist, шв. -ist, норв. -ist, Ф -iste, исп. -ista, ит. -ista, порт. -ista, рум. -ist, молд. -ист, нгр. -ιστής, алб. -ist, арм. -ист, тадж. -ист, осет. -ист, перс. -ист, афг. -ист, хинди -ист, урду -ист, бенг. -ист, фин. -isti, эст. -ist, венг. -ista, удм. -ист, мар. -ист, морд. -ист, монг. -ист, бур. -ист, калм. -ист, груз. -исти, тур. -ist, аз. -ист, башк. -ист, кирг. -ист, каз. -ист, узб. -ист, тат. -ист, чув. -ист, чеч. -инг. -ист, индон. -is, суах. -isti и пр. Впрочем, изоглоссы большинства суффиксов греко-латинского происхождения ограничены европейско-американским ареалом и многими языками народов СССР.

Интернациональные суффиксы сочетают в себе общее для ряда языков и специфическое для каждого конкретного языка, что проявляется в произношении (и/или написании), сочетаемости с корневыми морфемами, иногда — частично в семантике. Об их международной можно говорить до тех пор, пока они сохраняют в основном общее значение и могут отождествляться благодаря внешнему сходству. Такое сходство еще достаточно явно в случаях типа: Р -изирова(ть), -изова(ть), укр. -изувати, бел. -ізаваць, пол. -izowa(ć), чеш. -isovati, А -ize, Н -isier(en), голл. -iseer(en), Ф -is(er), ит. -izz(are), исп. iz(ar), порт. -iz(ar) и пр. Но оно отсутствует в случаях типа Р -ирова(ть), Н -ier(en), Ф -er, с одной стороны, и довольно регулярно соответствующих им: укр. -ува(ти), бел. -ава(ць) (наряду с ірава(ць)), пол. -owa(ć), чеш. -ova(tí), венг. ál(ni), — él(ni), фин. -oi(da), алб. -oj и пр., с другой стороны, где только в первых трех языках наблюдается определенное сходство морфем (с французской — лишь в письменной форме), и изоглосса в целом отражает не интернационализмы, а типологически тождественные явления. Кроме того, международные суффиксы в точном смысле этого термина могут встречаться лишь в типологически близких языках: так, тюркским языкам свойственны не суффиксы (это понятие противостоит понятиям префиксов и инфик-

сов), а особого рода аффиксы, форманты, прибавляющиеся к корню справа [74, 44, 73]. Правда, именно интернациональная лексика приносит сюда новые структурные типы слов с международными суффиксами, существующими, в отличие от остальных аффиксов, в стабильной фонетической форме [72, 257; 137, 54—58] как в башк. *социал-изм, коммун-ист, революцион-ер, директ-ор*. Таким образом, распространение международных суффиксов в ряде случаев имеет место в ходе типологического сближения структуры слов в языках, морфологических систем, примером чего может служить появление в тюркских языках категории относительных прилагательных (типа башк. *социалистик, политик, революцион, социаль*; узб. *социалистик, циклик, прогрессив, оригинал и т. п.*).

Интернациональные суффиксы вне интернациональных слов встречаются в сочетании как с интернациональными, так и с неинтернациональными корнями и помогают понять деривационное, а нередко и все лексическое значение соответствующего слова двуязычным представителям других языков изоглоссы. Например, русский билингв, как правило, поймет в контексте значение слова *A processionist* — «участник процессии», зная слово *procession* «процессия» и суффикс *-ist*, англичанин узнает в *P свя-зист* и *значкист* названия лиц, а в случае знакомства с корнями поймет значения этих слов. Впрочем догадка о лексическом значении слова может быть затруднена, а в ряде случаев и невозможна ввиду определенной идиоматичности слов, лежащей в основе таких рядов псевдоинтернационализмов, как *P активист* «лицо, принадлежащее к наиболее деятельной части организации, коллектива», *H Aktivist* «активный, целенаправленный человек; (нов., ГДР) передовик производства, известный своими трудовыми успехами», *F activiste* (полит., неодобр.) «сторонник насильственных действий, экстремист (в частности, участник экстремистского движения ультраправых элементов 50-х гг. во Франции)».

Интернациональные префиксы греко-латинского происхождения малочисленны сравнительно с суффиксами, а возможности их распространения более ограничены в типологическом плане вследствие отсутствия префиксации в ряде языковых семей (тюркской, угро-финской и др.) Все же некоторые международные префиксы выходят за пределы индоевропейских языков: например, наряду с *P анти-*, *A anti-*, *H anti-*, *F anti-* и аналогичными префиксами других славянских, германских и романских языков, а также лтш. *anti-*, лит. *anti-*, алб. *anti-*, нгр. *αντι-* мы встречаем венг. *anti-*, фин. *anti-*, эст. *anti-*, тур. *anti-* и нек. др. В ряде слу-

чаев такие явления свидетельствуют о появлении новых типов строения слов в языках, о сближении морфологических систем. Однако вопрос о существовании в данном языке международного префикса нужно решать с позиции самого языка, не подменяя доказательства наличия префикса, пусть пассивного, ссылкой на сходство отрезка нечленимого корня слова в этом языке с префиксами других языков.

§ 16. Значительно более распространены в различных языках многочисленные международные непроеизводные основы (корни). В большом числе случаев они встречаются в составе интернациональных слов в сочетании с национально-специфическими словообразовательными морфемами. При условии определенных регулярных соответствий таких морфем и строения слов в сопоставляемых языках, а также сходства в их функциях слова могут отождествляться несмотря на фонематическое (графическое) сходство только корневой части. Примерами могут служить корни слов — относительных определений (в ряде языков — прилагательных): Р *советский*, бел. *савецкі*, чеш. *sovětský*, слц. *sovietsky*, с.-х. *sovjetски*, слвн. *sovjetski*, болг. *съветски*, А *Soviet*, Н *sowjetisch*, *Sowjet-*, голл. *Sowjet*, дат. *sovietisk*, шв. *sovjetisk*, норв. *sovjetisk*, Ф *soviétique*, исп. *sovietico*, ит. *sovietico*, порт. *sovietico*, рум. *sovietic*, молд. *советик*, нгр. *соѳіетіко́с*, алб. *sovjetik*, арм. *советакан*, тадж. *советӣ*, осет. *советом*, хинди *совийам*, урду *совийам*, бенг. *шобьет*, венг. *szojvet*, коми *сѳетскѳой*, удм. *советской*, мар. *совет(ский)*, морд. *советской*, монг. *зѳвдлт(ийн)*, бур. *совет(скэ)*, калм. *советин(советск)*, тур. *Soviet-(s)i*, башк. *совет*, кирг. *советтик*, каз. *совет(тік)*, узб. *совет-и[-си]*, тат. *совет(лар)* . . . *ы*, чув. *советлӑ*, чеч.-инг. *советски*, яп. *sowjetto-но*, кор. *советыы*, индон. *Sovjet*, суах. *kisoviet* и др. Наряду с международными корнями европейского происхождения (греко-латинскими, неоклассическими и новоязычными), выходящими иногда далеко за пределы европейско-американского ареала и ареала языков народов СССР, встречаются аналогичные явления в языках других ареалов, где они обычно имеют более узкий региональный характер. Так, в единичных языках Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы представлен особый корень, встречающийся в названиях табака (араб. *дугӑн*, сербохорв. *дуван*, алб. *duhӑn*, венг. *dohӑny*) и производных от них словах.

Международные корни, если они не только вычленяются, но и участвуют в словообразовании, нередко ложатся в основу производных интернациональных слов (типа: А *dramatics* «драматическое ис-

кусство» или венг. dohányozni «курить табак»). Неинтернациональные лексемы, если в их состав входит международный корень, легко усваиваются двуязычными и многоязычными лицами, знакомыми с этим корнем, а в случае знания словообразовательной модели могут быть поняты и без перевода. Так, русские, знакомые с английским языком, нередко поймут в контексте уже при первом знакомстве глаголы типа: *A to corrupt* (ср. Р *коррупция*), *A to distribute* (ср. Р *дистрибуция*), *A to act* (ср. Р *акт*), *A to disperse* (ср. Р *дисперсия*) и т. п., даже если они не уверены в существовании соответствующих интернациональных английских имен существительных.

Наиболее универсальны, прежде всего в европейско-американском ареале и ареале языков СССР, греко-латинские основы, употребляемые только в качестве препозитивных блоков (аналитических определителей) или постпозитивных блоков в интернациональных сложных терминах (типа Р *аэро-*, *био-*, *гео-*, *гидро-*, *микро-*, *морфо-*, *теле-*, *фото-*, *электро-*, *-грамма*, *граф-*, *графия*, *-лог*, *-логия*, *-навт*, *-скоп*, *-скопия* и мн. под.). Некоторые из них вместе с соответствующими группами терминов вышли далеко за границы этих ареалов: напр.: Р *теле-* укр. *теле-*, бел. *тэле-*, пол. *tele-*, чеш. *tele-*, слов. *tele-*, сербохорв. *теле-*, болг. *теле-*, лтш. *tele-*, лит. *tele-*, Н *теле-*, голл. *tele-*, дат. *tele-*, шв. *tele-*, норв. *tele-*, Ф *télé-*, исп. *tele-*, порт. *tele-*, ит. *telè-*, рум. *tele-*, молд. *теле-*, нгр. *тэлэ-*, алб. *tele-*, тадж. *теле-*, перс. *тэле-*, хинди *тэлй-*, урду *тэлй-*, эст. *tele-*, венг. *tele-*, удм. *теле-*, мар. *теле-*, морд. *теле-*, груз. *тэле-*, аз. *теле-*, тур. *tele-*, башк. *теле-*, кирг. *теле-*, каз. *теле-*, тат. *теле-*, чув. *теле-*, монг. *теле-*, бур. *теле-*, калм. *теле-*, чеч.-инг. *теле-* и пр.

С международными блоками не следует смешивать усеченные первые основы в составе сложных слов, распространенные в некоторых языках, в особенности в русском (напр., Р *авиа-*, *драм-*). Они могут сближаться с блоками по этимологическому материалу (resp. звучанию и/или написанию), вплоть до прямой омонимии морфем. С другой стороны, они иногда бывают омонимичны по отношению к усеченным словам с усечением на морфемном шве. Таковы соотношения в случаях типа Р *авто*¹ — «само»-, *авто*² — «автомобильный» и *авто*³ — «автомобиль», Р *фото*¹ — «свето» —, *фото*² — «фотографический» и *фото*³ «фотография» (ср. те же соотношения в немецком и французском языках). Но такое сходство не дает оснований для вывода о международном характере усеченных основ и, тем более, включающих их слов, даже построенных полностью на интернациональ-

ном этимологическом материале. Подавляющее большинство этого рода усечений не выходит за пределы одного языка, в тех же случаях, когда аналогичные усеченные основы встречаются в нескольких языках, их сочетаемость со вторыми основами обычно различается в разных языках. Например, даже зная об интернациональности распространности основ: Р *авто*²-, Ф *auto*²-, — (в образованиях типа *autoroute*), Н *Auto*²- (в сочетаниях типа *Autofahrt*), исследователь не должен априорно делать вывод о международном распространении в европейских языках такого слова, как Р *автобаза* [ср. 32, 73]: сходные слова представлены лишь в румынском (*autobază*) и некоторых языках СССР (укр. *автобаза*, узб. *автобаза* и др.), тогда как в большинстве европейских языков этому слову соответствуют специфические образования (А *motor depot*, Н *Kraftwagendepot*, Ф *dépôt d'automobiles*, исп. *parque de automoviles*, венг. *gésokocsitelep*, фин. *autovarikko* и пр.).

Международные производные основы встречаются преимущественно в составе интернациональных лексем, где они, как известно, могут совмещаться с неинтернациональными суффиксами и окончаниями. В большом числе интернациональных слов сходство охватывает не всю фономорфологическую оболочку производной основы, а только ее первую часть (корневую и префиксальную), тогда как некоторые суффиксы могут различаться по форме, при условии если они близки типологически и более или менее регулярно соответствуют друг другу; флексии же, если они имеются, всегда специфичны [4, 107]. Например: Р *практич|еск|ий*, укр. *практич|н|ий*, бел. *практыч|н|ы*, пол. *praktycz|n|y* чеш. *praktic|k|ý*, болг. *практич|еск|и*, с.-х. *практич|ан*, А *pract|ical*, Н *prakt|isch*, Ф *pratique* и т. д. Кроме того, международные производные основы могут входить в состав неинтернациональных лексем (типа А *antisovieteering*, *prosovieteering*). Подобно любым интернационализмам интернациональные производные основы могут быть установлены строго синхронически с учетом как их сходства с элементами синхронно сопоставляемых языков, так и реального статуса в данном языке. Здесь неправомерна апелляция к предыдущим состояниям этого языка или к производному характеру аналогичных основ в любых состояниях иных языков.

§ 17. Международная лексика является наиболее наглядным и наиболее общепризнанным проявлением международной общности в словарях языков; многие авторы сводят к лексике этого рода само понятие лексического интернационализма. Существует также мнение, что подлинно интернациональные слова не должны иметь явных признаков происхождения из какого-либо живого языка,

поэтому сюда преимущественно следует относить слова-термины греко-латинского происхождения и особенно новообразования на базе греческих и латинских основ, «не имеющие родины» [ср. 105, 45]. В каждом из этих случаев действительно выделяется некоторая частная группа фактов, особенно наглядно обладающих свойством интернациональности, однако это не может служить основанием для отрицания интернациональности других языковых явлений, существенные признаки которых, а также их функции в ситуациях двуязычия и многоязычия оказываются теми же, что и у предыдущих явлений. Поэтому при всей специфике международных морфем, слов и аналогов различных типов мы, несомненно, имеем дело с принципиально единым явлением. Точно так же наличие определенных различий в международных словах новоязычного, старшего (в частности, классического) и неоклассического происхождения не меняет факта их интернациональности.

§ 18. В соответствии с требованиями, предъявляемыми к форме интернационализмов, слова можно считать международными только при условии такого сходства их фономорфологической (звуковой и/или графической) оболочки, которое делает возможным их узнавание в одних языках по аналогии к их полилексемам в других синхронически сопоставляемых языках. При этом речь идет именно об омологических полилексемах, а не об одном слове, одновременно принадлежащем ряду языков (что принципиально невозможно), и, естественно, не о вариантах одного слова. Приписывание наднационального характера интернациональным словам нередко сопровождается ссылками на неуместный здесь этимологический критерий (якобы обязательное общее происхождение таких слов)*. Иное обоснование «единства» интернационализмов в ряде языков встречается у лингвистически неподготовленного человека, склонного считать интернациональное слово в чужом языке неточно произнесенным словом его родного языка**.

Сходство отнюдь не означает типологического тождества, хотя степень типологической близости фонологических систем языков в значительной мере предопределяет возможность сходства лексики языков. Так, специфика ряда языков Дальнего Востока

* См. ряд высказываний, приводимых в [4].

** Так, в «Поднятой целине» М. Шолохова Макар Нагульнов говорит об английском языке: «Много у них слов, взятых от нас, но только они концы свои к ним поприделали. По-нашему, к примеру, «пролетариат» и по-ихнему так же, окромя конца, и то же самое слово «революция» и «коммунизм». Они в концах какое-то шипение произносят, вроде злобствуют на эти слова, но куда ж от них денешься?» (Кн. I, гл. 32).

и Юго-Восточной Азии сравнительно с европейскими языками крайне затрудняет для европейцев отождествление со знакомыми международными словами языков «среднеевропейского стандарта» этимологически совпадающих слов (европеизмов, советизмов), например, в китайском, корейском, тайском и т. п. языках [129, 126, 129; 125, 132, 155]. Даже зная и учитывая разницу европейского «континентального» и английского произношения таких слов (что существенно, так как именно английский язык явился их передатчиком в ряд языков Востока), многие люди не смогут или смогут лишь с затруднениями идентифицировать: Р *sport*, А *sport* [spɔ:t] и кор. *сыпхчы*, япон. *supōtsu*; Р *анархизм*, А *anarchism* ['ænekɪzəm] и кор. *энкахиджым*; Р *санкция*, А *sanction* ['sæŋkʃən] и тайск. *сэнчанг*; Р *линза*, А *lens* [lenz] и тайск. *лен*, япон. *rensū*; Р *большевик*, А *Bolshevik* ['bɒlʃəvɪk] и кит. *буэртишвейке* и т. п. Более того, именно типологически различный характер слова в языках разных районов и, кроме того, специфика фонологической структуры слова и слога в разных группах языков, мешают мировому распространению интернациональных слов.

Вместе с тем, структурно-типологический подход к фонологической оболочке интернациональных слов оказывается в такой же мере неадекватным, в какой неуместен и историко-этимологический подход в качестве основного способа рассмотрения интернационализмов. В практике двуязычия и многоязычия типологические различия фонологических систем языков в значительной мере преодолеваются благодаря влиянию нескольких факторов. Прежде всего, отождествление лексики языков на основе определенного сходства их звучания достигается даже в типологически отдаленных языках в результате наличия существенных общих черт, наряду со специфическими, в форме языков и в использовании ими фонетической субстанции. Эти черты частью имеют характер универсальный, частью — ареальный. Например, типологическое сопоставление фонологического аспекта сорока одного языка Нигерии показало, что в этих языках имеется значительное количество общих фонологических свойств как универсальных, так и региональных (типа идентичных или близких систем тонов, противопоставлений согласных *m—n—ñ*, *g—l*, в значительных группах языков также *b—d—j*, *p—t—č* и т. п. [см. 273]), что облегчает узнавание в этих языках сходных слов. Кстати, число общих характеристик фонологических систем языков (появление новых фонем, сочетаний фонем и пр.) увеличивается, в частности, благодаря распространению в языках интернациональной лексики. Так, общепризнано сближение в этом плане многих языков СССР, хотя сте-

пень усвоения новых фонем фонологическими системами является нередко различной; отмечается сближение иносистемных языков типа вьетнамского с европейскими и т. д. Такие общие черты и позволяют отождествлять в генетически или исторически связанных языках сходную лексику*, чему не мешает неизбежная фонологическая переоценка сходных лексем чужого языка (фонологизация, дефонологизация, перефонологизация отдельных элементов фономорфологической оболочки слов). Слово нормально воспринимается как фонетическое единое целое, а не как совокупность отдельных фонем, благодаря чему многие признаки, фонемы и даже сочетания фонем не принимаются во внимание [180, 234], так как слушатель способен выхватывать из потока информации (в том числе лингвистической) отдельные данные, представляя в основных чертах весь поток. Такая же фильтрация речевого сигнала от несущественных, с точки зрения нашего языка, подробностей происходит при восприятии лексики (в частности, сходной) другого языка. Значительную роль играет при этом избыточность любой фонологической системы, доходящая до 50% [213, 8—28], а отсюда и избыточность многих элементов в сообщении, благодаря которой некоторые мешающие черты могут игнорироваться представителем чужого языка **.

Далее, специфика интернационализмов проявляется в ситуациях двужычия и многоязычия, когда человек способен в большей или меньшей мере переключаться с одной фонологической системы на другую. При этом вырабатываются механизмы переключения, помогающие идентифицировать более или менее регулярно соответствующие черты в сходных элементах лексики (это же явление наблюдается и при опознавании когнат в близкородственных языках). Таким «ключом» может быть, например, учет специфики слога в чужом языке или фонемных соответствий. Так, европеец даже при ограниченном практическом ознакомлении с японским или индонезийским языками обнаружит в них значительные группы европейских интернационализмов и научится узнавать их, учитывая особенности японского слога (ср. япон. *basu* «бас», *bifuteki* «бифштекс», *chekku* «чек», *fagotto* «фагот», *guramu* «грамм», *jazu* «джаз», *yōdo* «иод», *mattoresu* «матрац», *metoru* «метр», *ōkesutora* «оркестр», *sakisofon* «саксофон» и т. п.) или же тот факт, что европейским [l] и (r) в японском всегда соответствует [r] (ср. япон. *atori'e* «ателье»,

* Ср. также отождествление сходных, но не вполне идентичных звуков различных языков, используемое при применении к ним общего алфавита.

** О значении избыточности языковых средств для речевой коммуникации в условиях помех см. исследование Дж. Ликлайдера [226].

barukoni «балкон», gorira «горилла», j̄anarisuto «журналист», karenda «календарь», katarogu «каталог», mandorin «мандалина», propopera «пропеллер», sarada «салат», waserin «вазелин и т. п.», а европейским [l], [v] в индонезийском нередко соответствует [p] (напр., индон. koper — ср. Н koffer «чемодан», pakánsi — ср. Ф vacances «каникулы», paktur «фактура», fantasi «фантазия», positif «позитивный», propesor «профессор», propinsi «провинция» и т. п.).

§ 19. Близость графической оболочки значительно более наглядна и важна, чем сходство произношения, для идентификации основной массы интернационализмов (кроме некоторой части международной бытовой лексики, часто более узкого, регионального распространения). Степень этой близости при общих или сходных алфавитах намного выше, чем у фономорфологической оболочки слов; в некоторых языках написание определенных групп интернационализмов совпадает полностью. В случае же идеографического письма графическая оболочка может быть единственным сходным или даже тождественным моментом в полиморфемах, полилексемах и полифразах, что создает особый тип интернационализмов.

Сходство интернационализмов в письменной форме не может быть мировым: оно ограничено различиями современных письменностей языков Земли. В настоящее время существует немногим более 30 письменностей, основная часть которых используется единичными языками (часто — младописьменными) или немногими соседними языками небольших стран (типа Сепегала). Подавляющее большинство языков Земли, пользующихся письмом, в том числе большинство языков с богатыми литературными традициями, объединяется всего в пять групп*. Славянский алфавит, включая все созданные на его основе письменности, объединяет 61 язык; все восточнославянские языки, ряд южнославянских (болгарский, македонский, сербский вариант сербохорватского языка), монгольский, все угро-финские, тюркские и другие неславянские языки народов СССР, кроме балтийских, эстонского, армянского и грузинского. Латинский алфавит объединяет 67 языков (не считая искусственных), в том числе все германские, романские (кроме молдавского), балтийские, западнославянские, хорватский вариант сербохорватского языка, словенский язык, албанский, уэльский, бретонский, финский, эстонский, венгерский, турецкий, индонезийский, вьетнамский, мальгашский, суахили, фульбе, хауса и другие языки Африки. Арабская письменность в настоящее время охватывает 10 языков (для

* В обзоре учтены около 200 наиболее изученных и распространенных языков, имеющих письменность.

ряда языков — параллельно со славянским или латинским письмом, в зависимости от страны) и, прежде всего, арабский, персидский, афганский языки, урду и синдхи. Письменность деванагари объединяет пять больших языков Индии: хинди, непали, неварский язык, маратхи, санскрит (ограниченно используемый в качестве живого языка). Наконец, китайские иероглифы, бывшие когда-то письменным общим языком Дальнего Востока и — частично — Юго-Восточной Азии, в некоторой мере объединяют сегодня лишь три языка: китайский, японский и корейский. Правда, в двух последних употребляется смешанное письмо (в корейском — только в Южной Корее, так как КНДР с 1949 г. полностью перешла на национальный алфавит), но и оно благодаря общей иероглифической основе с китайским языком позволяет до некоторой степени понимать текст на любом из трех языков и, в частности, объединяет эти языки общим фондом письменных интернационализмов. Что касается алфавитных письменностей, то они делают возможной идентификацию сходных полиморфов и полилексем не только в пределах языков одного алфавита, но даже и в пределах закономерно соотносящихся алфавитов, таких, как славянский и латинский, а также греческий алфавит новогреческого языка.

Кроме собственно графических различий, существует специфика орфографии в каждом языке, сказывающаяся при отождествлении интернационализмов. Постоянных одинаковых соответствий между звуком и буквой нет даже в основных европейских языках, хотя в целом соотношение это намного более интернационально, чем соотношение между звуковой формой и значением [ср. 58, 86]. Например, *A sh*, *H sch*, *Ф ch*, итал. *sc(i)*, польск. *sz* и т. д. обозначают приблизительно один и тот же звук в соответствии с особой буквой ряда языков (ср. *Р ш*, рум. *ș*, чеш. *š* и т. п.), хотя в венгерском языке диграфом *sz* обозначается именно звук [s], а буквой *s* передается звук, аналогичный предыдущим (ср. также псевдоинтернациональное качество диграфа *sh* в японском письме «ромадзи», где он передает звук [s']). Диграф *ch*, в свою очередь, псевдоинтернационален, передавая звук [tʃ] в английском, [ʃ] — во французском, [k] — в итальянском, [ç, x] — в немецком, [x] — в польском, чешском и т. д. Однако подобные различия в орфографии на практике сравнительно быстро преодолеваются при ознакомлении с новым языком, когда в сознании билингва устанавливается система регулярных соответствий между графемами обоих языков.

Тот факт, что большая часть интернациональных слов отождествляется, прежде всего, в письменной форме (особенно в изоглоссах европейско-американского ареала и нередко одновременно ареала

языков СССР), отнюдь не уменьшает их значения в процессах коммуникации. В настоящее время «официальные языки представлены письменной формой, большей частью фиксирующей все их детали, и именно с этой формой знакомится прежде всего иностранец» [118, 500]. Письменная коммуникация явно преобладает над устной в основных областях интеллектуальной деятельности, несмотря на определенное повышение удельного веса устной речи в последнее время благодаря некоторым средствам массовой коммуникации. Особенно велика роль письменной коммуникации в процессах межъязыкового обмена информацией. В области науки и техники языки изучаются и используются прежде всего в письменной форме. По утверждению Г. Глисона, для ученого, живущего не в странах английского языка, но пользующегося этим языком в работе, «... английский язык по сути не имеет фонетики. И все же он эффективно функционирует... Английский язык, который использует этот ученый, имеет три системы: систему письменности, грамматику и семантику ...» [200, 108—109].

§ 20. В научной литературе делались попытки вычисления степени интернациональности, потенциальной «усвояемости» звуковой формы международных лексем. Они основывались на эмпирическом учете степени сходства звучания полилексем в языках изоглоссы и на подсчете количества лиц, говорящих на этих языках: так, по устаревшим данным В. Вюстера (1931 г.), устные формы европеизмов в немецком, русском, французском, испанском и итальянском языках понятны для 312 млн. людей, а в оформлении английского языка — только для 170 млн. [58, 226]. В подобных подсчетах, которые должны проводиться отдельно для устной и письменной форм международных слов, следует учитывать не просто факт проживания людей на той или иной территории, а фактическое владение языками, включая случаи двуязычия и многоязычия. Кроме того, за любыми общими утверждениями о соотношениях интернационализмов в тех или иных языках неизбежно скрывается ряд более ограниченных закономерностей, характеризующих не все представленные в ареале изоглоссы, а лишь некоторые группы их.

§ 21. При отождествлении семантики интернациональных слов единственным адекватным критерием является их взаимопонятность при соприкосновении языков, их способность служить эквивалентами друг друга при переводе. Здесь неуместен структурно-типологический подход, создающий впечатление полной несопоставимости словарей языков (за исключением стандартизованных терминологических систем), в частности, невозможности существования интернационализмов [см. 116, 91]. Если изоморфизм

языковых систем. в том числе лексико-семантических групп, или словарных полей, и ведет к возникновению постоянных эквивалентов в лексике, то эквивалентность вовсе не обязательно является результатом изоморфизма. Поэтому большие или меньшие расхождения в строении многих лексических микросистем (resp. микронаборов, семантических полей, лексико-семантических групп и т. д.) различных языков не мешают существованию множества двуязычных и многоязычных прямых семантических эквивалентов.

Кроме того, нередко отмечаются [172; 199; 98 и др.] значительные расхождения семантической структуры многоязычных интернационализмов: действительно, сопоставление их структуры в толковых словарях и даже данные переводных словарей могут привести к выводу о преобладании различий в семантике интернационализмов. Но если рассматривать не сложные парадигматические построения, какими являются семантические структуры слов в словарях (построения, отражающие языковые ассоциации всего языкового коллектива в определенный период), а соотношение синтагматических значений слов при двуязычии, то это намного уменьшит семантические расхождения интернационализмов. Во-первых, в таких ситуациях, в частности при переводе, обучении языкам и пр., когда именно и должен проявиться международный характер знаков, соприкасаются не общенародные языки в целом, а подязыки отдельных областей человеческой деятельности*. В процессе речи для говорящего вообще существует только одно синтагматическое значение слова, «отбираемое» внутри структуры его значений в соответствии с коммуникативным заданием речи [см. 97, 53]; в специализированных подязыках такое значение нередко является единственным. Схождения нарастают по мере специализации значений [199, 215], т. е. прежде всего характерны для подязыков разных областей науки и техники.

Во-вторых, многие специфические значения интернационализма в чужом языке не вызывают в плане анализа затруднений у слушателя (читателя) и понимаются без помощи словаря благодаря наглядности связей с семантическим центром общего для обоих языков значения, универсальности типов семантических переносов, опоре на контекст и пр. Однако при синтезе чужой речи возможны и ошибки, полностью нарушающие семантику высказывания. Только семантические расхождения сходных полилексем, делающие полностью невозможным их употребление в качестве переводных

* Подязыком в прикладной лингвистике называют минимальный набор лексических и грамматических категорий и элементов, необходимых для общения в определенной сфере действительности и описания определенной предметной области [см. 139, 51; 14. § 5. 4. 1.].

эквивалентов друг друга, позволяют квалифицировать сходные полилексемы как псевдоинтернационализмы [9, 78]. Таким образом, соответствие семантики международных слов имеет относительный, хотя и объективный характер.

§ 22. Говоря о международных словах в их смысловых соотношениях, необходимо сделать некоторые ограничения. Прежде всего, сюда не могут быть отнесены служебные слова, которые, хотя в некоторых отношениях и выступают как слова, являются носителями чисто грамматических функций. По сути сюда примыкают и междометия, служащие для выражения аффективной модальности или выполняющие вспомогательные функции в типовых речевых ситуациях, хотя среди них может встречаться своеобразная интернациональность. К интернационализмам не могут относиться деиктические слова (местоимения) ввиду их семантической «пустоты», а также и своеобразия форм в любых неблизкородственных языках. Интернационализмы встречаются в пределах назывных слов, обладающих свойствами надситуативности, семантической устойчивости и объективности, что роднит их с понятиями [ср. 97, 6].

При этом имеются в виду прежде всего нарицательные имена, так как имена собственные, хотя они также относятся к назывным словам, настолько отличаются своим лексическим значением, что само существование последнего нередко ставится под сомнение. Поэтому ряд авторов отказывается признать собственные имена любого типа интернационализмами даже в случае их сходного звучания в ряде языков [68; 30 и мн. др.] Рассмотрим, однако, специфику значения собственных имен и соотношение их форм в различных типах имен. В значении ономастической единицы, относится ли она к топонимике, этнонимии, антропонимии или зоонимии, нет обобщения, выделения существенных признаков предмета, а имеется лишь подведение предмета под ряд однородных (типа названий лиц определенного пола, деревень, городов, рек, горных массивов, территорий и т. п.) с одновременным обозначением единичного, неповторимого предмета*. Здесь возможны три плана значения: собственно ономастическое значение (отношение имени к отображению объекта в сознании), до-ономастическое (этимологическое) и от-ономастическое (переносное) значение [ср. 130, 57—62].

* Впрочем последнее обстоятельство требует уточнения. По А. Гардинеру, только индивидуальные, «воплощенные» имена (*embodied names*) являются в языке знаками неповторимых предметов. «Невоплощенные» же имена (*disembodied names*) в языке служат знаками знаков, а способность их обозначать какой-либо из предметов соответствующей группы относится к речи [199а, 8—12].

Этимологическое значение может вообще не ощущаться в синхронии; в то же время именно на нем (т. е. на мотивировке) может строиться сходство форм имен разных языков, служащих переводными эквивалентами друг друга в области наиболее известных топонимов и антропонимов (типа: Р *мыс Доброй Надежды*, А the cape of Good Hope, Н Kap der guten Hoffnung, Ф le cap de Bonne-Esperance или Р *Петр Великий*, А Peter the Great, Н Peter der Große, Ф Pierre le Grand) и играющих роль интернациональных аналогов в области имен.

Собственно ономастическое значение может объединять ряд имен в разных языках (делая их переводными эквивалентами) только в области наиболее известных топонимов, а также этнонимов; по отношению к «невоплощенным» антропонимам и зоонимам вопрос о переводе фактически вообще не встает [ср. 162, 190]. При этом даже макротопонимы-полилексемы далеко не регулярно объединяются сходством звучания или написания, которое, естественно, делает их в этом случае своеобразными интернационализмами (напр. Р *Европа*, А Europe, Н Europa, Ф Europe, но ср. случаи типа: Р *Венгрия*, А Hungary, Н Ungarn и венг. Magyarország). Также и среди этнонимов нередко расхождение форм, особенно в случае старейших наименований различного в разных языках происхождения типа: Р *немец*, А German, Н Deutsch, Ф Allemand; ср. международные в письменной форме: Р *русский*, А Russian, Н Russe, Ф Russe и т. д. при специфических лтш. krieivs, фин. venelainen и несходных по звучанию венг. orosz или чеч. *оврси*).

Переносное значение может объединять собственные имена разных языков в области топонимов, иногда — антропонимов (главным образом имен мифических лиц или исторических деятелей*); здесь возможны сходные, в частности интернациональные слова (типа Р *Уолл-стрит* «улица в Нью Йорке; финансовая олигархия США» — то же в А Wall-Street, Н Wallstreet, Ф Wall-Street или Р *Крез* «легендарный царь Лидии; богач» — то же в А Croesus, Н Krösus, Ф Crésus) или международные аналоги (типа Р *колосс Родосский* «исподинская статуя Гелиоса на о. Родосе; огромный человек или предмет» — то же в А Colossus of Rhodes, Н Koloss von Rhodos, Ф Colosse de Rhodes). В последнем случае имеет место переход от собственных имен к нарицательным, полностью реализующийся в случаях типа *макинтош*, где связь с ономастическим значением утрачена.

* В случае наименования изобретений по фамилии изобретателя возникает не полисемия, а омонимия (ср. Р *Рентген* — рентген, *Макинтош* — макинтош).

Соотношение имен со сходным звучанием (написанием) и со сходной мотивировкой в целом обуславливается традицией, но в новейший период в связи с нарастанием международного обмена информацией, вовлекающего в свою сферу множество языков, кальки стали уступать место единым для разных языков названиям (130, 127).

§ 23. Среди требований к интернационализмам в ряде случаев выдвигалось требование международного характера обозначаемого этими словами понятия [напр., 40, 113; 4, 97—98]. Строго говоря, для отождествления интернационализмов необходимо не совпадение понятий, ибо понятия не являются языковой категорией, а соотносительность значений, делающая эти слова переводными эквивалентами друг друга. Не играет роли и международный или местный характер обозначаемого ими понятия. Тем не менее представляет интерес степень близости понятия посетителям данной культуры и языка, которая не может не сказываться на месте слова в словаре языка и на его функционировании в качестве интернационализма. Именно последнее обстоятельство лежит в основе противопоставления международных слов и «слов, общих для ряда языков», выдвигавшегося А. И. Смирницким. Фактически грация является здесь более сложной, так как в данном аспекте проблемы интернационализмов, как и в остальных, проявляется относительность этой категории.

Дело в том, что в духовную культуру народа могут входить понятия, отражающие не только непосредственную действительность его собственной жизни, но и знания о жизни других народов, о природных явлениях, выходящих за рамки его собственного опыта и, более того, опыта обитателей Земли. В этом случае иногда говорят о «двукультурности» в отличие от «однокультурности» [258], хотя можно было бы говорить и о «многокультурности», стоящей за словарями прежде всего наиболее развитых европейских языков и в настоящее время постепенно распространяющейся во всем мире.

§ 24. Наряду со значением и фонеморфологической (графической) оболочкой для многих слов* и для всех лексикализованных словосочетаний приходится учитывать третий компонент — мотивировку, разумеется, лишь в синхронически «прозрачных» (transparent, по С. Ульманну) знаках. Мотивировка нередко оказывает влияние на значение и употребление знака и является заметным для говорящих признаком, способствующим его опознаванию и закреплению в памяти и играющим роль в ситуациях двуязычия и многоязычия.

* Ввиду специфического соотношения морфемы и слова в дальневосточных языках мотивировка встречается здесь также в пределах морфем.

Существуют три вида мотивировки слов: 1) прямая связь звучания со значением — фонетическая мотивировка, 2) синхроническая словообразовательная структура сложных и производных слов — морфологическая мотивировка, 3) осязаемая в синхронии переносность значения — семантическая мотивировка [262, 221—226]. Мотивировка же лексикализованных сочетаний складывается из значений составляющих слов и грамматической формы словосочетания [см. 10, 69].

Соответственно возможны полилексемы и полифраземы со сходной до степени отождествления мотивировкой, узнаваемые в сопоставляемых языках даже в случае расхождений в их реальном звучании. Совпадение мотивировки возможно и в международных словах со сходной фономорфологической оболочкой: оно неизбежно в случае фонетической мотивированности таких слов, но не обязательно в морфологически или семантически мотивированных словах. Поэтому морфологическое строение и семантическая структура интернациональных слов далеко не всегда совпадают в разных языках.

§ 25. Сходная фонетическая мотивировка в сочетании с общностью значений исключительно редко встречается в большом числе языков ввиду неизбежной условности звуковой символики. При этом в основе таких единичных изоглосс лежит не вторичная ономотопея, обусловленная сложными ассоциациями (referential symbolism Э. Сепира*), а прямое звукоподражание, первичная ономотопея (expressive symbolism). Но и в этом случае нечленораздельные звуки мира природы членятся представителями разных языков в соответствии с их фонологическими системами, вследствие чего даже здесь мотивированность является не природной и не универсальной, а в известной мере относительной [60, 18—19]. Естественно, что степень сходства ономотопей в различных языках прямо пропорциональна точности подражания звуку.

Одной из наиболее бесспорных изоглосс интернациональных фонетических аналогов является название кукушки во многих языках: Р *кукушка*, пол. *kukułka*, чеш. *kukačka*, слов. *kukučka*, с.-х. *кукавица*, слов. *kukavica*, болг. *кукавица*, Н *Kuckuck*, А *cuckoo*, голл. *koekekek*, дат. *kukker*, Ф *cooco*, исп. *ciso*, порт. *ciso*, ит. *cuculo*, рум. *cuc*, молд. *кук*, нгр. *ó kókox*, алб. *quqe*, перс. *куку*, тадж. *куку*, осет. *гаккук*, хинди *кокил*, урду *кокила*, бенг. *кóкил*, фин. *käki*, эст. *kägu*, венг. *kakuk*, мар. *куку*, морд. *куко*, удм. *кiky*, тур. *guguk*, аз. *гугу* [*guşu*], башк. *кэкук*,

* См. [227].

кирг. *кукук*, каз. *кӨкек*, узб. *какку* [к_{уи}], тат. *куке*, *кәккүк*, чув. *куккүк*, груз. *гугули*, араб. *какат* и др. Здесь очевиден оноματοпоэтический эффект не только гласных, вопреки утверждению М. Граммона [202, 132, 377—424], но и согласных (ср. затруднения в отождествлении турецкого, азербайджанского и грузинского слов с остальными). В области гласных интернациональность достигается здесь преимущественно лабиализованными гласными (ср. определенные затруднения в отождествлении финского, удмуртского, арабского и нек. др. слов). Ряд языков, несмотря на звукоподражательный характер соответствующих слов в них, оказывается за пределами изоглоссы, так как синхронически слова оказываются несходными: напр., монг. *хӨхӨӨ*, бур. *хухы*, кит. *бугуняо*, вьетн. *chim cu*, *chim gáu*, индон. [burung] *engkuk* и пр. Не исключено, что в колебаниях звуковой формы, кроме чисто языковых причин, сказываются и определенные различия криков кукушки, так как известны 126 видов этих птиц. Значительно более ограничены изоглоссы фонетических интернациональных аналогов для выражения понятий типа «кукарекать», «мяукать», «квакать» и т. п. [см. 268, 127—132; 10, 69—70].

Едва ли следует преувеличивать также интернациональность близких к оноματοпоэтическим словам слов детского («лепетного», англ. *babbling*) происхождения [ср. 59, 87]. Нередко отмечается «общечеловеческий» характер слов, служащих названием матери* [напр., 217]; он объясняется высокой вероятностью того, что в этих названиях встретится носовой звук [205], в частности, губной носовой [m]. Действительно, изоглосса, включающая детские названия матери, охватывает множество языков: Р *мама*, укр. *мама*, бел. *мама*, пол. *тата*, чеш. *тата*, слов. *тата*, сербохорв. *мама*, слов. *тата*, лтш. *tāti*, лит. *тата*, А *та*, *тамма*, Н *Мама*, голл. *та*, *тата*, дат. *тата*, швед. *тамма*, норв. *тамма*, Ф *тапан*, исп. *та*, *та*, порт. *тамãе*, ит. *тамма*, рум. *тапã*, молд. *мамэ*, нгр. *т̃ ма̃т̃*, алб. *тата*, *тѐтѐ*, хинди *мã*, урду *мã*, бенг. *ма*, эст. *тамма*, венг. *тата*, удм. *мумы*, араб. *мãмã*, кит. *ма*, *мама*, яп. *тата*, кор. *omma*, бирм. *меме*, вьетн. *ме*, индон. *та*, *тата*, суах. *тата* и т. д. Но некоторые языки стоят в стороне от этой изоглоссы или имеют параллельные с приведенными несходно звучащие образования: такова изоглосса названий матери, включающих звук [n]: укр. *ненья*,

* Здесь следует говорить, прежде всего, о фамильярно-обиходных, интимных формах, а не о литературных: ср. напр., Р *мать*, Ф *тѐге*, ит. *madre*, хинди *мãтã*, яп. *okaşan* и Р *мама*, Ф *тапан*, ит. *тамма*, хинди *мã*, яп. *тата*.

нгр. *уеуё*, алб. *пёпё*, тадж. *она*, осет. *нана*, чеч.-инг. *нана*, тур. *анне*, аз. *ана*, башк. *инэй*, *эне*, каз. *ана*, узб. *она*, *эна*, тат. *эни* и др., а также специфические названия типа груз. *дэдда*, каз. *апа*, кирг. *апа*, чув. *апи*, монг. *ижий*, *эжж*, бур. *эжы*, калм. *баав*, *жк*, мар. *ава*, морд. *ава* и пр. Кроме того, здесь существует опасная межъязыковая омонимия (груз. *мама* — «папа», арм. *мам* — «бабушка», хинди и урду *мāмā* — «дядя по матери», перс. *мāмэ* — «сосок груди» и т. д.). Еще меньше существует оснований для утверждений [см. 219, 217] об универсальности или интернациональности аналогичных названий ближайших родственников и других первичных понятий, раньше всего формирующихся в сознании ребенка.

§ 26. Сравнительно часты словообразовательные интернациональные аналоги, основанные на общности значений и морфологической мотивировки слов, входящих в изоглоссу. Степень сходства особенно велика, когда такие аналоги состоят только из идентичных международных компонентов (слов, основ, морфем), то есть представляют собой одинаково морфологически мотивированные сложные или производные интернациональные слова (напр., Р *колонизация*, А *colonization*, Н *Kolonisation*, Ф *colonisation* или Р *динамометр*, А *dynamometer*, Н *Dynamometer*, Ф *dynamomètre*, Р *фотоэлектрический*, А *photo-electric*, Н *photoelektrisch*, Ф *photo-électrique* и т. п.). В многочисленных словообразовательных аналогах интернациональные элементы сочетаются с неинтернациональными, но функционально соответствующими друг другу в данных языках словообразовательными элементами (типа Р *гуманность*, А *humanity*, Н *Humanität*, Ф *humanité*). В этих случаях категория словообразовательных аналогов совмещается с категорией интернациональных слов. В случае же всех национально специфичных компонентов нередко те или иные расхождения. Так, наряду с точно соответствующими друг другу Р *полупроводник*, А *semi-conductor*, Н *Halbleiter*, Ф *semi-conducteur*, Р *громкоговоритель*, А *loud-speaker*, Н *Lautsprecher*, Ф *haut-parleur* или морфологически менее совпадающими Р *железная дорога*, Н *Eisenbahn*, Ф *chemin de fer*, рум. *drum de fer*, кит. *те-лу* и пр., мы встретим существенные расхождения в значениях компонентов в сходных в десятках языков названиях небоскреба [10, 76]. Строго говоря, здесь сложились две перекликающиеся изоглоссы аналогов, явно различающиеся значением одного из компонентов («небо» — «облако») при менее заметных и последовательных различиях другого компонента («скрести», «царапать», «чесать»): в первую изоглоссу с английским образцом *skyscraper* попадают

скандинавские языки, романские, кроме румынского, русский, белорусский, болгарский, словенский, литовский, латышский, новогреческий, турецкий и др., во вторую с немецким образцом *Wolkenkratzer* входят голландский, финский, венгерский, чешский, словацкий, польский, украинский, румынский и др., тогда как сербохорватский с его *облакодер*, *небодер* включается в обе изоглоссы.

Морфологическая мотивировка слов не является универсалией ввиду значительных различий в морфологической структуре слова в языках различных типов. Даже в генетически близких языках возможности образования производных и сложных слов далеко не всегда одинаковы. Так, в европейско-американском ареале они намного значительнее в большинстве германских языков и в угро-финских языках, затем в славянских, балтийских (при заметном варьировании и в них), чем в романских языках, и среди германских — в английском. Отсюда неизбежность существования многочисленных изоглосс, в которых сочетаются международные словообразовательные аналоги с обычными интернациональными словами, а также национально-специфичными словами разного звучания и нередко разной мотивировки.

Аналоги определяются чисто синхронически, с позиций реального сходства словообразовательной структуры слов в существующих языках. Здесь неуместна апелляция к этимологии, так как этимологически взаимосвязанные ряды слов синхронически могут совершенно не соответствовать друг другу. Например, *Р секретарь*, *A secretary* и пр. сейчас никак не связываются с «секретом, тайной», вследствие чего даже при условии ощущения мотивировки калькированных с общеевропейской модели слов типа чеш. *tajemník*, серб-хорв. *тајник*, венг. *titkár*, араб. *амин ас-сирр* мы не ассоциируем указанные европеизмы с последними словами ни по звучанию, ни по мотивировке. Именно поэтому калькирование далеко не всегда приводит к образованию международных знаков, даже если его результаты и проявляются в возникновении ряда семантических эквивалентов (ср. также *A civilization* и т. п. — этимологически от лат. *civis* — «гражданин», *civilis* — «гражданский» и, по-видимому, скалькированное отсюда араб. *маданийа* «цивилизация» от корня *мдн* «город», входящие в различные изоглоссы интернациональных слов; или *A electricity* и т. п. от греч. *ἤλεκτρον* — «янтарь», араб. *кахраба́* — «электричество» от *кахраба́*, *кахрама́н* — «янтарь» и исл. *raftmagn* — «электричество» от *raf* — «янтарь» — и *magn* — «сила», которые в синхронии никак не ассоциируются по форме). Нарушением синхронно-сопоставительного подхода

к аналогам была бы и ссылка на мотивировку сходного слова в другом языке (например, Н *Kölnischwasser* и Р *одеколон* синхронически не связаны*, хотя каждое из них ассоциируется с Ф *eau de Cologne*: первое по мотивировке, второе — по звучанию).

§ 27. Международные семантические аналоги потенциально возможны в любых языках мира, так как переносы являются языковыми универсалиями. Практически, несмотря на существование одинаковых семантических мотивировок в хронологически и географически удаленных и, как представляется, не взаимосвязанных языках, значительные синхронические изоглоссы наблюдаются в ареалах общей культуры и общих центров языковых влияний. В ряде случаев одинаковость семантических мотивировок совмещается с интернациональной формой слов, что проявляется в совпадении, обычно частичном, семантической структуры интернациональных слов. Например, в Р *адрес*, А *address*, Н *Adresse*, Ф *adresse* совпадают значения: «1) указание места адресата; 2) письменное приветствие», в Р *аксиома*, А *axiom*, Н *Axiom*, Ф *axiome* — «1) основное, исходное положение, не требующее доказательств, 2) *матем.* истина, не требующая доказательств, 3) самоочевидный факт», в Р *театр*, А *theatre*, Н *Theater*, Ф *théâtre* «1) драматическое искусство, 2) помещение, где происходят представления, 3) совокупность драматических произведений, 4) *воен.* место, где происходят военные действия», и т. п. Но чаще семантическая структура многозначных интернационализмов расходится.

Основная масса семантических аналогов представляет собою ряды слов с различным звучанием, что не мешает им регулярно отождествляться по значению и форме (мотивировке) и служить переводными эквивалентами друг друга.

Наряду с семантическими конвергенциями, здесь представлены многочисленные результаты взаимовлияний языков. В синхронии эти исторически разнородные случаи полностью уравниваются. Примером могут служить, с одной стороны, совмещение в одном слове во многих языках значений «1) сладкий, 2) пресный — о воде» (А *sweet water*, Н *Süßwasser*, швед. *södvatten*, Ф *eau douce*, ит. *acqua dolce*, исп. *agua dulce*, болг. *сладка вода*, польск. *śłodka woda*, чеш. *sladká voda* и т. д.) или исторически более трудно объяснимое совмещение значений: «1) дымить; 2) курить табак» в одной группе языков и «1) пить; 2) курить табак» — в другой (см.

* Именно поэтому является ошибочным и непонятным для русского читателя перевод Н *Kölnischwasser* как *кельнская вода* (Г Белль, Глазами клоуна, Пер. с нем. Л. Черной. М. 1965 стр. 47, 55 и др.)

о последнем случае 29, 213, 10, 73] и, с другой стороны, недавно возникшие в результате калькирования ряды слов типа Р *пронуть*, А move, touch, Н rühren, Ф toucher, ит. toccare и пр. — «1) прикасаться, дотрагиваться; 2) волновать, вызывать чувство жалости; Р *движение*, А movement, Н Bewegung, Ф mouvement и пр. — «1) перемещение, 2) массовая общественная деятельность, преследующая определенные цели» или Р *круг*, А circle, Н Kreis, Ф cercle и пр. — «1) окружность; 2) прослойка, группировка людей» и т. п.

Семантические аналоги являются фактом языка, а не речи. Так, следует отличать наличие сходной семантической мотивировки в Р *огонь*, А fire, Н Feuer, Ф feu и пр. («1. пламя; 2. стрельба») от возможности использования этих слов в качестве военной команды, что отражает уже интернациональные особенности построения речи в европейских языках.

§ 28. Сравнительно с предыдущим случаем более наглядно сходство международных фразеологических аналогов — лексикализованных сочетаний в ряде языков, объединяемых общностью значений и мотивировок. Степень их лексикализации и неразложимости весьма различна (ср. известную классификацию фразеологизмов В. В. Виноградова). В одних аналогах значение с точки зрения синхронии всех сопоставляемых языков не может быть выведено из мотивировки. Конечно, такое выведение возможно при условии знания соответствующего исторического факта или мифа, но точка зрения специалистов не отражает здесь позиции языковых коллективов в целом (так же, как при анализе строения сложных и производных слов в синхронии не должны приниматься во внимание этимологические справки лингвистов). Многие такие аналоги, широко распространенные в европейско-американском ареале, восходят к античности и Библии: таковы, например, Р *яблоко раздора*, А the apple of discord, Н der Zankapfel, Ф le pomme de discord и пр., Р *пиррова победа*, А Pyrrhic victory, Н Pyrrhussieg, Ф victoire à la Pyrrhus и пр., Р *соломоново решение*, А judgement of Solomon, Н salomonisches Urteil, Ф jugement de Salomon и пр., Р *тьма египетская*, А Egyptian darkness, Н ägyptische Finsternis, Ф ténèbres d'Égypte и пр., Р *золотой телец*, А the golden calf, Н goldenes Kalb, Ф le veau d'or и т. п. Сюда же относятся ряды аналогов позднейшего происхождения типа Р *крокодиловы слезы*, А crocodile tears, Н Krokodilsträne, Ф larmes de crocodile или совсем недавних Р *синий чулок*, А blue stocking, Н blauer Strumpf, Ф bas bleu или Р *желтая пресса*, А the yellow press, Н die gelbe Presse, Ф presse

jaune; Р *железный занавес*, А the iron curtain, Н der eiserne Vorhang, Ф le rideau de fer и мн. др.

В следующей группе аналогов во всех языках есть определенная ощутимая в синхронии связь между мотивировкой и значением: например, Р *метать бисер перед свиньями*, А to cast pearls before swine, Н Perlen vor die Säue werfen, Ф jeter les perles devant les pourceaux, Р *странствующий рыцарь*, А a knight errant, Н ein fahrende Ritter, Ф un chevalier errant, Р *порядок дня*, А order of the day, Н Tagesordnung, Ф ordre du jour, Р *шаг за шагом*, А step by step, Н Schritt für Schritt, Ф pas à pas и мн. под. Наконец, в последней, весьма многочисленной группе аналогов значение выводится из мотивировки, устойчивость же проявляется в традиционности компонентов и грамматической формы сочетания. Таковы, например, Р *навязчивая идея*, А a fixed idea, Н eine fixe Idee, ein Zwangsgedanke, Ф une idée fixe, Р *делать секрет (тайну) из чего-либо*, А to make a secret of smth., Н ein Geheimnis aus etw. machen, Ф faire un secret de qch., Р *со всех сторон* («с разных точек зрения, всесторонне»), А on all sides, Н von allen Seiten, Ф de tous les côtés, Р *как песок морской*, А like the sand of the sea, Н wie Sand am Meer, Ф comme le sable de la mer, Р *око за око, зуб за зуб* А eye for eye, tooth for tooth, Н Auge um Auge, Zahn um Zahn, Ф oeil pour oeil, dent pour dent и т. п.

Особую группу международных фразеологизмов в европейских языках образуют достаточно многочисленные выражения типа alter ego «близкий друг и единомышленник», á livre ouvert «с листа», dolce far niente «приятное безделье», homo sapiens «человек как разумное существо», comme il faut «в соответствии с правилами приличия» и т. п. Они сохраняют в различных языках общее написание и сходное произношение, ориентированное на произношение языка-источника. Некоторые из них с течением времени заменяются фразеологизмами предыдущих типов или сосуществуют с ними (как в Р *местный колорит* — couleur locale). Одинаковое в разных языках написание и сохранение оформления латинскими буквами в языках со славянским письмом не являются основанием для признания их окказиональными чужеродными инкрустациями или надъязыковым общим фондом.

Как убедительно свидетельствуют работы А. М. Бабкина, такие выражения имеют свою различную историю в конкретных национальных языках и становятся их достоянием, приобретая способность грамматического сочетания с контекстом и семантико-стилистические особенности [24; 25].

Роль многоязыковых аналогов, в том числе интернационального распространения, могут играть и грамматикализованные сочетания типа книжных предложных оборотов европейских языков: Р *в соответствии с*, А *in accordance with*, Н *im Einklang mit*, Ф *en conformité de*; Р *за исключением*, А *with the exception of*, Н *mit Ausnahme von*, Ф *à l'exception de* или Р *в сравнении с*, А *in comparison with*, Н *im Vergleich zu*, Ф *en comparaison avec* и мн. под.

Близки к фразеологическим аналогам, но выходят, строго говоря, за пределы лексики языков «речевые фразеологизмы» международного распространения, включающие известные цитаты («крылатые слова»), пословицы и поговорки, штампы разговорных и книжных стилей.

§ 29. Таким образом, принципиально возможны всего семь типов интернациональной общности лексических знаков; все они представлены в современных языках. Качество интернациональности — явление относительное и объективное: оно проявляется в обеих сторонах лексических знаков: во-первых, в сходстве значений разноязычных языков и, во-вторых, в сходстве их внешних признаков (звучаний и/или написаний и/или мотивировок). Естественно, знаки тем в большей степени являются интернациональными, чем большее количество их аспектов сходно в сопоставляемых языках:

Свойства Тип интернациональ- ности	Сходство			
	А значения	В звучания	С написания	Д мотивировки
I. ABCD	+	+	+	+
II. ABC	+	+	+	—
III. ABD	+	+	—	+
IV. ACD	+	—	+	+
V. AB	+	+	—	—
VI. AC	+	—	↔	—
VII. AD	+	—	—	+

Понятие сходства, в свою очередь, также относительно; оно включает случаи как полного тождества, так и наличия только части общих признаков, достаточной для отождествления разноязычных деривационных морфем, основ, слов или словосочетаний.

В приводимой ниже иллюстративной таблице* интернационализмы разных типов показаны на примере ограниченных перечней разноразличных соответствий. При этом схема типов интернационализмов, по-видимому, включает в себя соответствующие новые факты любых других языков. Графа же «Уровни лексики» не имеет окончательного характера и может быть дополнена при расширении круга описываемых материалов; кроме того, грани между морфемой и словом, сложным словом и словосочетанием несколько различаются в разных языках. Но уже сейчас можно констатировать, что международные морфемы и основы могут быть сходны только в устной (I) или письменной (VI) формах или в обеих формах одновременно (II); в некоторых языках они могут быть также сходными по мотивировке (VI). Международные словообразовательные и семантические аналоги могут ассоциироваться независимо от сходства устной или письменной форм слов (VII), но могут и совмещаться со сходством письменной (IV) или устной и письменной форм (I). Международные фразеологические аналоги, основанные на сходстве мотивировок, в языках с иероглифической письменностью ассоциируются независимо от сходства в устной или письменной форме (VII); Впрочем, такое сходство не исключается (I, II, возможно, и все иные типы). В языках с иероглифической письменностью фразеологические аналоги могут совпадать только в письменной форме (IV). Наконец, интернациональные слова — интернационализмы в собственном, или узком, понимании этого термина — могут быть внешне сходными по звучанию (V), звучанию и графической оболочке (II), причем в обоих случаях возможно совпадение также и мотивировки — фонетической, словообразовательной или семантической (I, III).

В языках с иероглифической письменностью возможны также интернациональные слова, совпадающие исключительно в письменной форме с одновременной общностью мотивировки (IV) или без нее (VI). Впрочем, соотношение некоторых интернационализмов в континентальных языках Европы и в английском несколько приближается к VI типу.

В таблице морфемы, основы, слова и фразеологизмы приводятся в письменных формах, принятых в соответствующих языках. Для языков, не пользующихся славянским, латинским или греческим письмом, указывается произношение в русской транскрипции, Знаком = вводятся толкования значений; *букв.* означает мотивировку.

* См. стр. 64.

§ 30. Пути определения ареалов интернациональной лексики. § 31—33. Европейско-американский ареал и его субареалы. § 34—35. Ареал языков народов СССР. § 36. Языки Ближнего и Среднего Востока. § 37. Языки Индостана и района Индийского океана. § 38. Дальневосточный ареал. § 39. Некоторые выводы. Распространение межареальных, «мировых» изоглосс в новейшее время.

§ 30. Установление ареалов интернационализмов, в том числе и рассматриваемой в данной работе международной лексики, производится с помощью лингвогеографических методов, значение которых при изучении распределения, миграции, изменений слов (включая заимствованные слова) общепризнано. При этом вначале сопоставляются, как и в любых ареальных исследованиях, смежные языки, но конечной целью здесь является, во всяком случае в идеале, глобальный охват языков. Практически, однако, исследователи до настоящего времени ограничивались, по распространенной односторонней традиции, европейскими — или даже уже — западноевропейскими языками.

Особенностью описания ареалов интернационализмов является установка на сопоставление прежде всего литературных или общих языков, а не диалектов. Это объясняется не отсутствием международных слов в диалектах (где они могут встречаться, хотя и намного реже, чем в литературных языках; более того, там бывают представлены некоторые интернационализмы, обычно бытового характера, отсутствующие в соответствующих литературных языках). Но в ситуациях культурного двуязычия и многоязычия, в которых реально проявляется специфика основной массы интернациональной лексики, участвуют почти исключительно носители литературных языков, а не носители диалектов и говоров. Поэтому и в приводимых в настоящей работе материалах всегда учитываются данные только литературных или общих языков. Например, мы считаем, что азербайджанский язык представлен в изоглоссе «чай» формой *чай*, а не *цай* (встречающейся в орубадских говорах), татарский язык — также формой *чай*, а не *цай* (встречающейся, скажем, в мишарском диалекте) и т. п. Это не означает, конечно, отрицания ценности и диалектных данных, особенно при историческом рассмотрении интернационализмов.

Лингвогеография и ареальная лингвистика склонны видеть в зарегистрированных изоглоссах лишь сырье для исторического объяснения [195, 141; 233, 122]. Но установление изоглосс интернационализмов представляет и в синхроническом плане вполне самостоятельный интерес теоретического и прикладного порядка, позволяя видеть факты не только во внутриязыковых, но и в межъязыковых связях. В диахроническом же аспекте факты таких изоглосс могут использоваться не только для исторических разысканий, но и для прогнозирования определенных черт языкового развития.

В лингвистической географии грубой ошибкой является абсолютизация методики изоглосс. В случае с интернационализмами она может привести к истолкованию ряда ассоциируемых и соответствующих друг другу слов разных языков как одного слова, одновременно принадлежащего этим языкам. Такое допущение принципиально неверно: каждое интернациональное слово, представленное в изоглоссе, принадлежит только одному конкретному языку [4, 95]. Таким образом, изоглосса международных слов представляет собой ряд омологичных полилексем, постоянно отождествляемых (в ситуациях двуязычия и многоязычия), сходных по значению и форме слов различных сосуществующих во времени языков. Участки лингвистической карты мира, на которых концентрируются одинаковые или сходные по представленным языкам изоглоссы, и называются ареалами интернационализмов.

В соответствии с определением международных слов мы не отнесем сюда изоглоссы, включающие межъязыковые омонимы, то есть псевдоинтернационализмы, хотя необходимо учитывать их распределение на карте и отношение к ареалам интернациональных слов. Впрочем, обычно псевдоинтернационализмы образуют не самостоятельные изоглоссы, а мешающие участки в изоглоссах интернационализмов (в случаях типа: Р *фабрика*, Н *Fabrik*, Ф *fabrique*, пол. *fabryka*, сербохорв. *фабрика*, болг. *фабрика*, лтш. *fabrika*, эст. *vabrik*, узб. *фабрика* и мн. др. «промышленное предприятие» в соответствии с А *fabric* «ткань; изделие; строение»). Также не относятся сюда семасиологические изоглоссы, объединяющие межъязыковые синонимы с несходной фономорфологической оболочкой. Интернационализмы отражаются только при ономасиологическом подходе, и их изоглоссы нередко представляют собою лишь отрезки указанных семасиологических изоглосс. Например, несмотря на общность семантики слов, являются тремя различными изоглоссами интернационализмов: 1) Р *абрикос*, укр. *абрикос*, бел. *абрыкос*, лтш. *aprikoze*, лит. *abrikosas*, А *apricot*, Н *Aprikose*, голл. *ab-*

rikoos, дат. abrikos, шв. aprikos, норв. aprikose, Ф abricot, молд. абрикоасэ, осет. абрикос, фин. aprikoosi, эст. aprikoos, каз. абрикоє, тат. абрикос, чув. абрикос, бур. абрикос, удм. абрикос, мар. абрикос, морд. -э́рз. абрикос, суах. apicot-, индон. buah abrikos и пр.; 2) сербохорв. зерзелија, болг. зарзала, рум. zarzără, алб. zerdeli, тадж. вардалу, перс. зәрдалу, афг. зардāлу, урду зардālū, узб. зардоли и пр; 3) сербохорв. kajсија, болг. кайсия, рум. caisă, нгр. το καΐσι, алб. kaisi, венг. kaiszinbarack, аз. гайсы, тур. kaysi и пр. Даже эти единичные примеры отражают типичное варьирование фonomорфологических оболочек слов в пределах изоглоссы при сохранении общего сходства. Иногда степень сходства становится невысокой, как во французской и особенно в английской и суахили формах в первой изоглоссе; зато в ту же первую изоглоссу совсем не попадают семантически и даже этимологически общие с остальными, но полностью специфические по форме слова: исп. albaricoque, ит. albicосса, нгр. το βερύχοχο(ν). Некоторые языки (в данном случае сербохорватский, болгарский, румынский, албанский) включаются одновременно в разные изоглоссы интернационализмов. В ряде языков наряду с интернационализмами употребляются национально-специфические синонимы типа афг. манда́та, хинди хѹба́ни, урду хѹба́нӣ, аз. эрик, узб. ѳрик, тат. брек, осет. чѳерами и под. Наконец, интернациональные элементы могут сочетаться со специфическими в сложных словах и словосочетаниях, ведя к частичной утрате сходства фonomорфологических оболочек: индон. buah (букв. «плод») aberikos; венг. kaiszinbarack, где второй элемент означает «абрикос».

Наряду с совмещением нескольких изоглосс интернациональных слов в пределах одной семантической изоглоссы, распространено такое же совмещение различных типов международной общности знаков. Интернациональные слова, относящиеся к типам I, II, III, V в нашей таблице, нередко перемежаются международными словообразовательными аналогами, относящимися к VII типу (наряду с чем в некоторых языках возможны и специфические формы слов и словосочетаний). Например, в соответствии с Р аэропорт, укр. аеропорт, бел. аэрапорт, болг. аеропорт, лит. aeropórtas, А airport, Ф aéroport, исп. aeropuerto, ит. aeroporto, рум. aeroport, алб. aeroport и др. встречается ряд международных словообразовательных аналогов, построенных на специфическом материале: Н Lufthafen, голл. lufthaven, норв. lufthavn, нгр. ὁ ἀερολιμένας, перс. бāндār-э һāваи, афг. һавāи бандар, урду һаваи бандаргаһ, индон. bandar udara (букв. «воздушный порт»). Реже встречаются ряды международных семантических аналогов, сосуществующие

с изоглоссами интернациональных слов, примером чего могут служить: Р *совет*, А *Soviet*, Н *Sowjet*, Ф *soviet* и мн. др. при укр. *рада*, пол. *rada*, лтш. *radome*, лит. *tarūba*, арм. *хорурт*, перс. *шбӯра*, афг. *шурā*, фин. *neuvosto*, эст. *поўкогу*, груз. *сабчо*, суах. *Baraza* (ma-) (везде 1. «распорядительный или совещательный коллегиальный орган»; 2. «орган государственной власти, осуществляющий диктатуру пролетариата»). Наконец, в значительной массе семантических изоглосс традиционным интернациональным словам со сходной фонематической и/или орфографической оболочкой соответствуют особые международные слова дальневосточного ареала, сходные лишь на письме (полное или преимущественное совпадение иероглифов). Так, наряду с Р *генерал*, А *general*, Н *General*, Ф *général* и аналогичными словами десятков других

языков на Дальнем Востоке встречаем общий иероглиф 將軍

(букв. 'предводитель войска') для кит. *цзянцзюнь*, яп. *сѣгун*, кор. *чанггун*, произношение которых не является сходным.

С сосуществующими изоглоссами не следует смешивать подрайоны в пределах одной изоглоссы интернациональных слов, не нарушающие ее единства [ср. 241, 43; 4, 106]. Такие подрайоны могут основываться на частичных расхождениях в звучании слов (ср. группы языков с *-oa-* и с *-ya-* в изоглоссе «туалет», с начальными *c-* и *z-* в изоглоссе *сун* в европейском ареале и ареале языков СССР) или написании слов. Кроме того, они могут отражать частичные расхождения в морфологической структуре слов (ср. группы языков с основами типа А *-theoret-* и Ф *-theor-* без *-et-* в изоглоссах «теоретик», «теоретический» в тех же ареалах). Наконец, существуют семантические подрайоны в изоглоссах как международных слов общего значения, так и терминов (например, в изоглоссах «лингвист» наряду с общим значением «языковед» встречается второе значение «полиглот» в ряде европейских языков в отличие от русского языка и большинства языков народов СССР).

Констатируя факт включения языка в изоглоссу, важно учитывать реальный статус интернационализма в языке: слово может быть малоизвестным специальным термином, варваризмом, архаизмом, жаргонизмом и пр., что скажется и на активности его как члена изоглоссы международных слов. Нередко именно подобными внутриязыковыми факторами объясняется параллельное включение языка в две или более изоглоссы для передачи одного понятия или наличие у интернационализмов национально-специфических синонимов.

Исходя из описанных принципов можно установить пять основных ареалов, охватывающих все наиболее развитые языки мира. Это европейско-американский ареал, ареал языков народов СССР, ближневосточно-средневосточный ареал, языки Индостана и района Индийского океана и «дальневосточный» ареал. Названия в определенной мере приближительны, так как ареалы лишь относительно разграничиваются, в ряде же случаев постепенно переходят друг в друга. Некоторые из них заметно членятся на субареалы. Принадлежность языка к одному из ареалов не мешает ему быть частично связанным и с языками других географически и/или исторически близких ареалов. В каждом из ареалов представлены интернационализмы I, II, III, V и VII типов; однако в дальневосточных языках преобладают IV и VI типы.

Лингвист не может обойти молчанием вопрос о путях возникновения и перспективах развития подобных ареалов. Известно, что все они сформировались вокруг немногих великих языков человеческой цивилизации. В силу ряда причин удельный вес и устойчивость различных ареалов неодинаковы. Кроме того, в последнее время все ареалы в ряде моментов заметно сближаются, все более утрачивая свой первоначально сравнительно замкнутый характер.

§ 31. Существование международной лексики в европейских языках было замечено особенно давно, и, возможно, поэтому данный ареал долго представлялся единственным. При этом интернациональные слова вначале недифференцированно рассматривались наряду с другими видами интернационализмов и фактами сближения языков в синтаксисе и стилистике как проявление общеевропейского типа мышления. Так, еще Ж. де Сталь говорила о возможности «мыслить по-европейски» (*penser en européen*), в XX веке Ш. Балли говорит о существовании «европейского склада ума» (*mentalité européenne*) [184, 198]. Распространение интернационализмов, конечно, свидетельствует о нарастании общего фонда понятий у разных народов и сближении культур, но интернационализм — факт языка, и он должен определяться в терминах лингвистики. Собственно об интернациональных словах с употреблением этого термина речь идет с начала XX в.: это *vocabulos internationale* Дж. Пеано [245, 489], позже *internationale Wörter* Э. Рихтер [248, 97] и др., причем всегда подчеркивается сугубо европейский характер этой лексики.

Говоря о европейских языках, не следует иметь в виду только языки Европы [см., напр., 32, 5]: очевидно, что речь идет также о Северной и Южной Америке, Австралии и т. д., т. е. о европейско-американском ареале [ср. 197, 335]. Кроме того, одни лишь изоглоссы еще не полностью отражают известность «европеизмов» в сегодняшнем

мире: некоторые из входящих в эти изоглоссы языков широко употребляются в качестве официальных языков ряда стран или в качестве языков межнационального общения в различных районах и используются в работе международных организаций.

Общепризнана особая роль исходных этимологических источников интернационализмов европейской цивилизации: греческого и латинского. Впрочем нельзя забывать и о стоящих за ними более древних слоях: малоазийском, индийском, семитском-вавилонском [236, 299; 44, 102]. Правда, конкретные этимологии, связанные с этими слоями, нередко гипотетичны. В частности, доиндоевропейские языки Средиземноморья нам неизвестны или мало известны [134, 66]. Так, Мейе настаивал на доиндоевропейском характере таких слов, как гр. *Γαῖνος* «вино», *ἐλαίον* «масло», *κυμαρῖδος* «кипарис», в которых он видел реликты эгейской цивилизации [236, 300—302]. Но в последнее время против этого выдвинуты серьезные возражения Вл. Георгиевым [63, 58—59].

Эпоха эллинизма заложила основы не только европейской культуры, но, в определенной степени, и мусульманской цивилизации при всем своеобразии последней; влияние эллинизма опосредствованно ощущается сегодня во всем мире [259, 232—233]. Лингвистическими центрами влияний, не прекращающихся и до настоящего времени, стали греческая койнэ и латынь, — по определению В. М. Жирмунского «не национальные, а скорее интернациональные языки, объединяющие разноплеменные и разноязычные государственные образования эллинистической эпохи и Римскую империю» [79, 62]. Передача греческого языкового материала в языки нового времени часто происходит через посредничество латыни. Таким образом, греческие элементы международного словаря, играющие огромную роль в современных специальных терминологиях, оказываются исторически и с точки зрения путей их распространения очень различными: одни пришли в современные языки (нередко недавно) через классическую латынь, другие — через средневековую или новую латынь, третьи взяты непосредственно из греческого языка часто с переосмыслением, четвертые представляют по этимологическому материалу и по форме греческие слова, но были впервые образованы в одном из новых европейских языков (ср., например, ит. *macchina*, *democratia*, *tachicardico*, *psicologo* [см. 187, 44—55]. Для восточноевропейских языков, включая русский, в свое время существовали также пути непосредственных контактов со среднегреческим языком Византии и опосредствованных заимствований из него же через старославянский язык.

Многообразны и пути влияния латинского языка на лексику современных языков. Нередко отмечают, что книжный латинский язык был сплошной калькой с греческого при сохранении в основном своеобразного звучания словаря со многими, впрочем, греческими вкраплениями [237, 138]. Но именно латыни — интернациональному языку не только античности, но и средневековья и Возрождения в католической Европе — суждено было заложить основы международного фонда европейских языков. В эпоху феодализма латынь функционировала и развивалась как международный язык с ограниченными специальными функциями: она была орудием клерикальной письменности, в рамках которой долгое время развивалась и наука [ср. 79, 185]. По образному определению А. Мейе, «имитация» с трудом оттесняла «оригинал» в зоне его влияния: латынь лишь постепенно завоевывала позиции в Восточной Европе в ходе экспансии католицизма и вследствие распространения общеевропейских научных традиций. Схоластически-церковная средневековая латынь, сохраняя классические формы склонений и спряжений, широко использовала лексику народных языков и допускала многие новообразования, нередко различные в разных странах. Это отличало ее от латинского языка гуманистов, стремившихся к словесной и стилистической чистоте классиков [131, I, 22]. В эпоху Возрождения в латыни смешались античные, схоластические, гуманистические и народные элементы, что чрезвычайно обогатило ее словарь, «соединивший в себе все элементы духовной жизни Европы» [131, II, 45]. Впоследствии, сохраняясь как язык богослужения в католицизме, латынь в качестве международного языка науки вышла из употребления: процесс этот в основном завершился к XIX веку, когда уже только пережиточно появляются некоторые научные публикации на латинском языке. Естественно, что, когда переход науки и просвещения на национальные языки потребовал от последних создания специальной терминологии, эта терминология была взята ими из латыни, приобретая характер интернационализмов. В. М. Жирмунский убедительно показал, что «... стихийный процесс наводнения национальных языков латино-греческими словами продолжается с растущей интенсивностью во всех странах Европы от эпохи Возрождения до наших дней» [79, 187]. Латинское влияние в ряде моментов обусловило также близость синтаксических систем и стилистических средств европейских языков. Собственно латинские системы терминов (латинские «инкрустации» в современных языках в отличие от интернациональных терминов, принадлежащих национальным языкам) сохранились только в анатомии, патологии, фармакологии,

биологии и зоологии. Латинские термины двух последних наук весьма единообразно употребляются в разных странах, тогда как в медицинской, особенно в анатомической и фармакологической терминологии отмечались местные отличия [58, 193—196].

В новое время центрами межъязыковых влияний в Европе становятся некоторые национальные языки. Трудно представить себе не только лексику, но и синтаксис и стилистику европейских языков без учета огромного авторитета, прежде всего в XVIII в., французского языка, влияние которого долго ощущалось даже после наполеоновских войн, усиливших национальные чувства и содействовавших укреплению позиций национальных языков [ср. 196, 225]. Ввиду генетической и исторической близости французского языка к латыни, его влияние не было нарушением прежней традиции. Известен также вклад в фонд интернационализмов и, в частности, международной лексики в европейско-американском ареале таких языков, как итальянский, немецкий, в меньшей степени испанский, а в XX в. особенно заметно — русский и английский. Все они не только вводят в международный обиход новый этимологический материал, но и широко используют материал греко-латинский. Переход инициативы от одного языка к другому отражает изменения удельного веса соответствующих стран в международной политике, экономике, культуре в условиях неравномерного капиталистического развития, а затем — в эпоху борьбы социалистической и капиталистической систем.

§ 32. Рассмотрение изоглосс интернациональных слов в европейских языках показывает, что эти слова, конечно, не являются достоянием только западноевропейских, «атлантических» языков, как утверждают некоторые исследователи [210, 227—228; 211, 286; 207, 120]. Интерлингвисты давно знали, что интернационализмы западных языков широко представлены, во всяком случае, в русском языке (ср. практику эсперанто, *Latino sine flexione* и продолжившей его интерлингвы и мн. др.). А. Мейе говорил о единстве культурного словаря романских, германских и славянских языков [239, 43]; сегодня это единство признается многими лингвистами [см. 58, 83; 197, 335; 243, 124]. Более того, множество интернационализмов представлено в европейских языках и за пределами этих трех семей.

Основная масса международных слов и терминов языков Европы имеет именно общеареальный характер. Сюда относятся тысячи широких изоглосс (естественно, с теми или иными частными проблемами во многих из них), при первом же знакомстве с европейскими языками придающих им наиболее наглядные черты бли-

зости. Это слова типа: Р *абсолютный, агрессивный, агрессия, академик, академия, актер, акцент, аккумулятор, активный, активизировать, арктический, археология* и т. п. и их соответствий во многих языках. Этимологически это прежде всего классические и неоклассические элементы, в меньшей мере — слова новоязычного происхождения, пришедшие в международный обиход из новых европейских языков или — через их посредство — из языков других континентов. Дж. Пеано насчитал в 1909 г. в своем «Общем словаре языков Европы», охватывавшем семь живых языков, 1151 слово греко-латинского происхождения, 450 слов из новых европейских языков, 35 арабизмов и 154 слова различного происхождения [245, 489]. В настоящее время соотношение несколько изменилось: возросло количество новоязычных элементов, хотя по-прежнему преобладают неоклассические элементы. Другая черта XX века — рост количества общеевропейских изоглосс, к которым подключаются все новые языки. По нашим наблюдениям над 28 языками Европы и Америки* они почти без исключений представлены в изоглоссах многих интернационализмов, включая отнюдь не только термины, но и культурную лексику, в том числе бытового распространения. Примерами могут быть изоглоссы, содержащие такие русские слова, как *автомобиль* (искл.** нгр.), *адвокат* (искл. нгр., фин., аз.), *атом, банк* (искл. нгр.), *барометр* (искл. арм.), *большевик, большевизм, бомба, газ* (искл. нгр., чеш., слц, слвн.), *генерал* (искл. нгр.), *декрет* (искл. нгр., слвн.), *доктор «ученая степень», инженер* (искл. нгр., венг., аз.), *иод, какао, клуб* (искл. нгр.), *коммунизм, коммунист, конференция* (искл. нгр.) *культура* (искл. аз.), *лампа, лев* (со значительными расхождениями в произношении и написании, искл. венгр, груз., арм., аз.), *ленинец, ленинизм, литература* (искл. нгр., фин., арм., аз.), *литр, метр, миллиард* (искл. нгр., исп., порт.), *миллиметр, миллион, министр* (искл. нгр., аз.), *мрамор* (искл. венг.), *музыка* (искл. венгр., чеш., слц., слвн., арм.), *отель* (искл. нгр., лит., ит., арм.), *парламент* (искл. нгр.), *партия «политическая организация»* (искл. нгр., чеш., слц.), *паспорт* (с колебаниями основы: в ряде языков — *pas* —; искл. венг., арм.), *пижама, планета* (искл. арм.), *политика* (искл. арм., аз.), *радио, сахар* (с значительными расхождениями в произношении и написании;

* Учитываются все государственные языки Европы и Америки (кроме ирландского и исландского), чешский и словацкий в ЧССР, сербохорватский и словенский в Югославии и все языки союзных республик, расположенных в европейской части СССР, а также в Закавказье.

** исключая языки, не входящие в изоглоссу.

искл. слвн.), *сахарин*, *симфония*, *совет* «орган советской власти» (искл. укр., польск., лтш., лит., эст., груз., арм., фин.), *советский* (искл. те же языки), *социализм*, *социалист*, *спорт* (искл. несходное исп. deporte), *суп* (искл. чеш., слц., лит., ит., венг.), *тайфун* (искл. арм.), *такси* (с вариантом taxi- или taxamet(e)r в некоторых языках), *театр* (искл. чеш., слц., сербохорв., слвн., венг.), *телевидение* — ср. пол. telewizja со среднеевропейским звучанием (русское слово сходно несмотря на специфику второй части основы; искл. остальные полукальки и кальки: укр. телебачення, бел. тэлебачанне, нгр. ოთელეოვრჟი, груз. телехэдва, арм. герустате-суцյոն), *телеграф* (искл. венг., фин., арм.), *телефон* (искл. фин., арм.), *трактор*, *университет* (искл. нгр., эст., венг., фин., арм.), *физика*, *химия*, *цивилизация* (искл. нгр., алб., аз., арм.), *цинк* (искл. груз.), *школа* (со значительными расхождениями произношения и написания вплоть до несходных: Ф école, исп. escuela; искл. лит. арм., аз.) и др. Разумеется, приведенный краткий список носит чисто иллюстративный характер и легко может быть продолжен. Он также не означает, что все соответствующие слова имеют равный статус в языках: у ряда из них имеются синонимы порой более употребительные; кроме того, встречаются частичные семантические расхождения (например, в изогlossах «паспорт», «суп»); встречаются и расхождения классово-идеологического характера в трактовке общественно-политических терминов (например, в изогlossе «социализм»), что уже выходит за пределы лингвистических характеристик языков. Но все это не отменяет того факта, что сегодня многие интернационализмы распространены во всей Европе и Америке, объединяя сходными до степени отождествления эквивалентами словари десятков языков.

§ 33. Наряду с общеареальными чертами существуют пучки изоглосс более местного распространения, определяющие специфику некоторых субареалов интернационализмов в Европе. Эти субареалы, сочетаясь с другими видами близости лексики языков, в частности являющимися результатом их общего происхождения, создают своеобразные «языковые ландшафты» (термин В. Бетца: 190, 297), связывающие языки чертами исторически вторичной близости.

Отметим, во-первых, западноевропейский субареал, иногда узко и весьма условно называемый «атлантическим». Его изоглоссы проходят через собственно «атлантические» — английский и французский языки [250, 337; 197, 536], лексическая близость которых подчеркивается исследователями. Несколько менее последовательно эти изоглоссы проходят и через другие романские и — в меньшей мере — германские языки, прежде всего, итальян-

ский, немецкий, часто — испанский, португальский и пр. Замкнутые в рамках романо-германских языков, они имели бы недостаточно выраженный международный характер. Однако эта замкнутость сегодня уже не грозит им: фактически довольно трудно привести примеры классических, неоклассических и даже новоязычных элементов «атлантического», точнее романо-германского, распространения, которые не встречались бы в каком-либо восточноевропейском языке или нескольких языках*. В частности, они встречаются в романском языке — румынском, в восточнославянских, балтийских языках, иногда в венгерском, но чаще в польском, чешском, сербохорватском, албанском и пр., то есть уже в новых языковых семьях, что делает слова безусловными интернационализмами). Таковы, скажем, отсутствующие в восточнославянских языках ряды англо-франко-немецких интернационализмов, включающие слова типа: *Ф abstinent, abstinence, adjectif, adverbe, affiliation, affirmation, aliénation, ambulant, ambulance, analphabète, animal* (прил.), *arrogance, charmant, coexistence, coexister, concept, continuation, continuité, direct, éclatant, énorme, exact, existence, exister, explosion, extrême, infame, invention, larve, luxurieux, nucléaire, passion, parfum, plaidoyer, prophète, qualité, quantité, rapide, rapidité, résolu, rigoureux, respecter, substantif, tolérant, tolérance, variable, vital, vitalité, violation, vicieux* и мн. под. Все они представлены в западно- или южнославянских языках, хотя часто находятся там на периферии словарного состава в качестве очень книжных или даже редких слов (как, впрочем, и в немецком). Таким образом, не их исключительно западноевропейское распространение, а употребительность именно в западноевропейских языках, прежде всего — французском и английском, делает такие слова характерными для этого субареала.

Специфические интернационализмы языков Восточной Европы едва ли позволяют так резко противопоставить эти языки западноевропейским, как это делают, например, Э. Перуцци [246, 18] и в определенной мере А. Пальяро и В. Беларди [243, 228]. В подобных попытках сказывается и влияние теории А. Тойнби и абсолютизации языковых отношений прошлого. В настоящее время местные восточноевропейские изоглоссы менее заметны, чем обще-

* Среди местной западноевропейской лексики преобладают не образования с особыми корнями (типа *Ф vipère — А vipère — Н Viper* и пр.), а образования с морфемами и моделями, известными в отдельных или многих восточноевропейских языках (типа *Ф admirable — А admirable — Н admirabel* и т. п., *Ф inventer — А invent — Н inventieren* и т. п., которым можно привести восточноевропейские соответствия).

европейские; многие из них связывают языки Восточной Европы с какими-либо из западноевропейских языков, что ведет к дополнительному взаимопроникновению обеих группировок. Наконец, трудно говорить о единстве восточноевропейской группы языков; в ее пределах намечаются два переплетающихся между собой, не слишком отчетливых субареала: центрально-северо-восточный и центрально-юго-восточный (с более резко очерченным балканским районом в пределах последнего). Черты обоих в равной степени свойственны восточнославянским и другим языкам европейской части СССР, входящим уже в ареал языков народов СССР.

Местные интернационализмы Восточной Европы отличаются своим преимущественно новоязычным происхождением и не книжным характером. Основными центрами влияний в северном субареале явились немецкий и русский языки, тогда как изоглоссы юга более пестры по происхождению: здесь встречаются немецкие, итальянские, славянские, тюркские, а также — особенно в балканских языках — румынские и новогреческие элементы. Примером общевосточноевропейских изоглосс могут служить ряды слов с Р *билет, газета, душ, кино, канцелярия, манжета, матрос, тушь* и пр., Н Koffer «чемодан» и т. п. Из этих изоглосс, однако, выпадают некоторые языки Восточной Европы и, напротив, к ним могут подключаться отдельные языки Запада (в ряде случаев — этимологические или исторические источники таких слов).

С оговорками можно говорить и о центрально-северо-восточных изоглоссах; таковы ряды слов: Р *абрикос, апельсин, аптека, библиотека, балка, ванна, вахта, грунт, кран, контора, мачта, шахта, штаб, флаг, флот* и т. п. или Н Arzt, «врач», Druck «печатание», Kreide «мел», Tasse «чашка», Tinte «чернила» и т. п. Здесь также наблюдаются перерывы изоглосс, изредка — подключение языков Запада, чаще — юга Европы. Некоторые из изоглосс весьма ограничены: ср., напр., швед. läkäre «врач», фин. lääkäri, Р *лекарь* (устар.), укр. лікар, пол. lekarz, чеш. lékař, слвц. lekár, а также болг. лекар; дат. skrin «сундук», лит. skryniá, пол. skrzynia, укр. скриня, бел. скрыня, а также сербохорв. шкрињя, слвн. skrinja; Н Lade «ларь», лтш. lāde «сундук», венг. láda, а также рум. ladă, молд. ладэ и т. п.

Отнюдь не отгорожены от соседних языков и не имеют непрерывного характера разнообразные изоглоссы центрально-юго-восточного субареала типа рядов слов с Р *арбуз, баклажан, брынза, бусоль, вишня, гуляш, картофель, каштан, кукуруза, нефть, палаш, пляж, рецепт, рута, тротуар, тут, «тутовое дерево», фасоль, шалаш, шатер*, и мн. под. или укр. килим «ковер», люлька

«курительная трубка», *паркан* «забор», *табор* «лагерь», *тютюн* «табак», *філіжанка* «чашка» и под. В большом числе случаев изоглоссы этого субареала захватывают языки Кавказа, связаны с языками Ближнего Востока, а порой — со многими языками Востока и даже Африки. Приведем лишь один, но весьма наглядный пример: бытовое, отнюдь не иностранного характера в современном русском языке, слово *сундук* (ср. в Европе сербохорв. *сандук*, болг. *сандѣк*, алб. *sënduq*, нгр. *το σεντόχι*, а также в языках СССР: молд. *сундук*, груз. *зандуки*, арм. *сэндук*, аз. *сандыг*, удм. *сандык*, морд.-эрз. *сундук* и пр.) связано с бытовыми интернационализмами Востока, такими, как араб. *сундѣк*, перс. *сәндуг*, афг. *сандук*, тадж. *сандук*, кирг. *сандык*, каз. *сандык*, узб. *сандик*, тур. *sandik*, тат. *сандык*, бурят. *сундууг*, хинди *сандѣк*, урду *сандѣк*, панджаби *сандѣк*, синдхи *сандѣк*, а также суах. *sanduku*.

Особое место в Европе занимает балканский языковый союз с его генетически необъяснимой тесной близостью языков: в ней видят результат как возможного субстрата, так и несомненного длительного и интенсивного взаимовлияния. Наряду с остальными чертами общности, описанию которых посвящена обширная литература, здесь имеется множество специфических интернационализмов, в том числе международных слов, что позволяет считать Балканы особым субареалом интернационализмов в Европе. Источниками таких элементов являются, прежде всего, греческий и турецкий языки, хотя нельзя недооценивать также и румынские и славянские элементы. Вместе с более книжными широкими европеизмами балканизмы, часто имеющие разговорно-бытовой характер, наглядно сближают языки: так, в болгарском и румынском языках отмечают не менее 38% одинаковой или сходной лексики [201, 9]. Наряду с собственно балканизмами здесь встречаются изоглоссы, объединяющие данный субареал с восточнославянскими языками, иногда — с венгерским языком, порой со многими языками СССР и зарубежного Востока. Например, тур. *çoban* «пастух» находит соответствия не только в болг. *чобан*, сербохорв. *чобан*, рум. *cioban*, нгр. *τσοπάνης*, алб. *tchoban*, но и в восточнославянских языках, языках Кавказа, Средней и Передней Азии; тур. *bahşiş* «подарок чаевые» соответствует не только болг. *бакишии*, сербохорв. *бакишии*, рум. *bacşiş*, нгр. *μπαξίσι*, алб. *bakshish*, но и сходным словам многих языков Передней Азии и Индии.

§ 34. На востоке европейский ареал граничит с другим огромным районом интернационализмов — ареалом языков народов СССР. Очень отчетливый, хотя и наиболее молодой из всех больших ареалов, он включает около 130 языков, среди которых, наряду со

многими младописьменными, имеется и ряд языков со старыми, богатыми литературными традициями и прежде всего один из влиятельнейших современных языков международного общения — русский язык.

Языки народов СССР при всем их генетическом и типологическом разнообразии объединяются многими общими чертами, в первую очередь, в лексике, синтаксисе и стилистике. Но не все проявления общности в лексике и даже не все соотносительные сходные слова этих языков, образующие их «общий лексический фонд», относятся к интернационализмам. Общий лексический фонд максимального состава в языках СССР включает, наряду со сходной лексикой и терминологией, также и сходную топонимику, ономастику, этнонимику, разные номенклатуры и т. д. [72, 179]. Между тем интернациональная лексика не включает в себя ономастику или номенклатурные знаки типа названий парфюмерных изделий, марок машин и т. п. Кроме того, об общем лексическом фонде можно говорить только применительно к большинству литературных языков советских народов; интернационализмы же существуют и в более ограниченных группах языков данного ареала.

Наконец, существуют некоторые особенности социально-культурных условий образования, распространения и функционирования интернационализмов в языках народов СССР. Общий лексический фонд в языках народов СССР формируется, как убедительно показал Ю. Д. Дешериев, в условиях многонационального советского государства с совершенно новыми отношениями между народами; особую роль в его становлении играет язык межнационального общения всех народов СССР [72, 179—184; 73, 162]. Те же факторы влияют на специфику формирования новых интернационализмов, свойственных языкам СССР: международные элементы не возникают здесь на базе общего наследия — мертвого или живого, но лишь в прошлом международного языка, а образуются в ходе межязыкового общения многих тесно взаимосвязанных народов, сейчас объединенных вторым родным языком. Добавим также, что в старых ареалах и тем более в случаях межареальных изоглосс языки нередко связаны с не вполне идентичными культурами, что ведет к случаям расхождений реалий, стоящих за интернационализмами. Расхождения идеологического порядка сказываются в различиях понятий, выражаемых словами, различиях коннотаций, оценочных окрасок слов. Языки же народов СССР связаны с единой социалистической по содержанию и во многом интернациональной по форме культурой, здесь нет и расхождений идеолого-понятийного характера. Все это создает значительно более тесное единство интернационализмов,

сближая ситуации их употребления и оценки обозначаемых ими явлений.

§ 35. Ареал языков народов СССР в основных своих чертах сложился уже в советскую эпоху, хотя тенденции его формирования проявились и в дооктябрьский период — главным образом в XIX в. и особенно заметно в начале XX в. Мейе отметил в начале XX в. факт быстрого распространения знания русского языка в Сибири и на Кавказе [235, 119—120]; но наряду с этим имело место все более заметное влияние русского языка на языки других народов в разных районах страны, что вело к обогащению и развитию их словарей. Во многих языках распространялась не только сходная новая бытовая лексика, но и терминология, — прежде всего. общественно-политическая, административная, военная.

В данном ареале широко представлены все типы интернационализмов кроме специфических IV и VI; среди очень многочисленных международных слов сравнительно нередки I и II типы, т. е. случаи совпадения семантических или также морфологических структур слов во многих языках. В письменной форме не ассоциируются с остальными интернациональные слова грузинского и армянского языков, международный характер которых проявляется только в устной форме. В последние десятилетия происходит дальнейшее сближение устных и орфографических форм многих слов, их приближение к русскому образцу в ходе как активных языковых контактов, так и нормализации литературных языков.

В наибольших изоглоссах, охватывающих основные языки народов СССР, представлены европензмы и собственно интернациональная лексика данного ареала. Русский язык явился основным источником проникновения сюда подавляющего большинства наиболее распространенных интернационализмов европейско-американского ареала (тысяч слов типа *демократия, социализм, партия, план, индустрия, атом, физика, биология, трактор* и т. п.)*. Особенно единообразно представлены они в младописьменных языках, где общесоветская лексика занимает до 70—80% среди новообразований [71, 61, 66].

В старописьменных языках можно встретить и иные варианты звучания интернационализмов, отражающие другие исторические источники их появления (типа немецкого образца в эст. *meister*, лтш. *meistars*, укр. *майстер* «мастер» или французского образца в азерб. *конфранс* «конференция»), а также национально-специ-

* Именно данная лексика (особенно классического и неоклассического происхождения), традиционно признаваемая интернациональной, получала сознательную поддержку вместе с советизмами в ходе языкового строительства в СССР.

фические образования (особенно часто в армянском) и — в соответствии европеизмам интернационализмы других, старых ареалов (обычно ближневосточного, — прежде всего, в языках Средней Азии, Кавказа). В отдельных случаях широкий европеизм представлен в единичных старописьменных языках в соответствии изоглоссе международных слов русского происхождения (ср. азерб. *гидрокен* — Р *водород* и мн. др., узб. *оксиген* и *кислород* — Р *кислород* и мн. др.).

Наряду с широкими европеизмами в языках СССР представлены и многие субареальные восточноевропейские изоглоссы, иногда свойственные только отдельным языкам европейской части СССР, но нередко распространившиеся по всему советскому ареалу. От этих достаточно бесспорных интернационализмов отличаются слова, представленные в Европе только в одном языке или в единичных языках, но ставшие благодаря русскому посредничеству международно распространенными в ареале языков народов СССР (типа слов французского происхождения *анкета*, *вагон*, *одеколон*, *пальто*, *тротуар*, немецкого или немецко-польского происхождения *бухгалтер*, *ванна*, *курорт*, *ефрейтор*, *рота* и т. п.). Такие случаи заметно менее многочисленны, а международный характер подобных слов далеко не всегда замечается, как, впрочем, и некоторых широких европеизмов, сравнительно давно освоенных многими языками СССР (типа *лампа*, *школа*, *почта*, *почтальон*).

Очень значительную прослойку интернациональных слов в языках СССР образуют слова, созданные непосредственно в русском языке (или заимствования, существенно переосмысленные в нем). Сегодня десятки языков данного ареала объединяются такими, на первый взгляд неинтернациональными русскими бытовыми словами, как *больница*, *бутылка*, *вокзал*, *врач*, *завод*, *книга*, *колбаса*, *рубль*, *самовар*, *стакан*, *стол*, *учитель*, *чайник*, *чашка** и т. п., некоторые из которых мы находим также и в соседних языках Европы или Востока. Шире распространена терминология русского происхождения, заимствованная из русского языка за последние полвека (слова типа *самолет*, *вертолет*, *райком*, *область*, *сводка*, *справка*, *миномет*, *тракторист*, *комбайнер*, *капрон*). Многие слова русского происхождения, отражающие новые черты советской социалистической действительности (так наз. советизмы) получили международное распространение не только в языках народов СССР, но и во множестве языков зарубежных народов в форме интернационализмов разных типов.

* Мы не касаемся этимологии приведенных слов.

Свой вклад в фонд интернационализмов советского ареала делают различные языки народов СССР, хотя распространителем таких слов обычно выступает русский язык: таковы известные во множестве языков *бориц* (укр.), *пельмени* (коми), *салака* (фин.), *кета* (нанайск.), *боржом* (груз.), *нарзан* (кабард.), *шаишлык* (тюрк.), *тайга* (якут.), *чемодан* (тюрк. < перс.), *буран* (тюрк.) и мн. под., не говоря уже о многочисленных этнографизмах, связанных с национально-специфическими, но популярными во всей стране элементами культуры советских народов.

Языки советского ареала связаны не только с европейско-американским ареалом, но и с другим старым ареалом — ближневосточным. Эти связи проявляются в культурной и бытовой лексике языков Средней Азии, азербайджанского языка, языков Дагестана, частично — тюркских и угро-финских языков Поволжья. Здесь (немало международных слов арабо-фарсидского происхождения чаще — письменных заимствований), которые прочно укоренились в языках, как тадж. *адабиёт*, узб. *адабиёт*, каз. *адабиет*, башк. *әдәбиәт*, кирг. *адабият*, тат. *әдәбият*, аз. *әдәбийят* «литература» (перс. < араб.) и т. п. Понятно, что активность связей языков СССР при отсутствии реальных, живых связей с языками мусульманского зарубежного Востока привела в определенных случаях к замене международных ориентализмов интернационализмами советского ареала и европеизмами (типа тат. *культура*, *политика*, а не *мэдэниәт*, *саясат*). Тем более неприемлемым оказалось большинство попыток приспособить арабо-фарсидские элементы для передачи новых понятий взамен европеизмов и советизмов (типа узб. *фирка*, *шуро* вместо естественных *партия*, *совет*).

§ 36. Следующий огромный ареал интернационализмов, сложившийся на основе старого культурного единства мусульманского мира, лишь условно, в целях краткости можно называть «ближневосточным». Он охватывает многие языки Ближнего и Среднего Востока: арабский в его единой литературной и различных разговорных формах, турецкий, персидский, курдский, в Афганистане — оба литературных языка (пушту и фарси-кабули), на территории Индостана — урду. Кроме того, по многим изоглоссам сюда приближаются в районе Индостана и Индийского океана хинди и другие новоиндийские языки, особенно на северо-западе, в СССР — в ряде случаев тюркские, а также таджикский язык, в Африке — суахили и хауса.

Первым по значению слоем интернационализмов здесь явился семитский слой, представленный и доисламскими древнейшими элементами вроде широко распространенного *танбур* или *танѳр*

«печь для выпечки хлеба» (араб. *таннур*) и, главным образом, заимствованиями из классического арабского языка, связанными с арабской экспансией эпохи халифата и ролью арабов в создании религиозного и культурного единства этого ареала. Условия и время распространения арабизмов существенно отличались в разных языках, но в настоящее время тысячи арабизмов в сходной звуковой форме (в арабском, персидском, пушту, фарси-кабули и урду — также в письменной форме) оказались как бы общим достоянием многих языков. Таковы изоглоссы типа араб. *китāб*, перс. *кэтаб*, пушту *китāб*, фарси-кабули *китāб*, тадж. *китоб*, узб. *китоб*, каз. *китап*, башк. *китап*, кирг. *китеп*, аз. *китаб*, тат. *китап*, тур. *kitap*(bi), хинди *китāб*, урду *китāб*, синдхи *китаб*, панджаби *китāб*, индонез. *kitab*, суахили *kitabu* «книга» (слово хауса *littafi*, восходящее к разговорно-арабской магрибской форме *лэктāб*, хотя этимологически и связано с предыдущими, не является интернациональным).

Арабский язык не утратил своей影响力的 и после падения арабского халифата (VII—XII вв.) в эпоху монгольских завоеваний и в последующие столетия. Но уже в X—XVI вв. параллельно с ним на Среднем и Ближнем Востоке все шире употреблялся второй международный язык этого ареала — фарси, первоначально общий литературный язык персов и таджиков, которым стали пользоваться как письменным языком многие мусульманские народы. Влияние фарси на другие языки было очень велико: наряду с собственными образованиями, распространявшимися от Северной Африки и Балкан вплоть до Индии и Индонезии (таковы даже изоглоссы бытовых интернационализмов наподобие *бадам* «миндаль», *базар* «рынок», *май-дан* «площадь» и т. п.; ср. и более ограниченные изоглоссы вроде *ханэ* «дом» или *зāминдар* «помещик»), он передавал в другие языки множество арабизмов в достаточно сходной с арабским исходным материалом форме. Знание обоих языков и сейчас нередко за пределами арабского мира и Ирана в образованных кругах мусульманских стран, что сохраняет за этими языками роль источников книжных заимствований.

Арабо-иранские элементы (слова, основы, деривационные морфемы и модели) составили очень значительный общий фонд лексики и старших слоев специальной терминологии языков Ближнего и Среднего Востока подобно греко-латинским элементам в предыдущих ареалах. Наиболее последовательно представлен этот фонд в литературном арабском языке, персидском с его 70% арабизмов, в фарси-кабули с таким же количеством арабизмов, в урду, а также пушту и турецком. В пушту, несмотря на внедрение собственных новообразований и распространение европеизмов, упот-

ребляется в речи от 15 до 40% арабо-фарсизмов. Много их и в турецкой речи, хотя современный турецкий литературный язык значительно национализировался и европеизировался сравнительно со старым, «османским» языком, который он сменил в 20-е годы XX в. и в лексике которого абсолютно преобладали арабо-фарсидские элементы. Этимология этой интернациональной лексики в ряде случаев отражает старые и живые культурные связи со многими соседними районами. Здесь представлены, наряду с собственными арабо-иранскими образованиями (типа *vāġit* «время», *doniya* «мир, вселенная», *hāva* «воздух», *sālam* «привет», *xābār* «известие, новость», *mādrəs* «школа», *kətabxanə* «библиотека», *hoķumāt* «власть» и т. п.*), также и старейшие заимствования из греческого (например, араб. *фалсафатун*, перс. *фәлсәфә* «философия», араб. *кәмийя* «химия», араб. *сундүк*, перс. *сәндуġ* «сундук»), из индийских источников (например, араб. *суккарун* «сахар», перс. *шәкәр* «сахар-песок») и т. д. Наконец, ряд арабо-фарсидских образований представляет кальки с европейских слов (например, *маданият*, *тамаддун* «цивилизация» < новолат. *civilisatio* со свободной передачей его этимологии: араб. *мдн* «город»).

Несмотря на длительное господство турок на Ближнем Востоке (династия Мамлюков в Египте в XIII—XVI вв., Османская империя в XVI—XIX вв.), вклад турецкого языка в фонд интернационализмов этого ареала сравнительно невелик (немногие широкие, хотя и прерывистые изоглоссы типа *a(r)slan* «лев», *çorba* «суп», преимущественно же субареальные изоглоссы вроде *tütün* «табак», *kazan* «котел», *usta* «мастер», *kaftan* «кафтан» и т. п.).

«Ближневосточный» ареал отнюдь не отгорожен от европейско-американского и советского ареалов. В новейшей терминологии многих языков здесь немало европеизмов: в персидский и турецкий языки они чаще всего проникают во французской форме, в пушту и урду — в английской, тогда как в арабский их приносят английский, французский и итальянский языки, причем арабский предпочитает фонетическому заимствованию европеизмов калькирование.

Так, характерно, что персидскому *оксиген* и тур. *oksijen* «кислород» соответствуют пушту *аксиджин*, урду *ākṣīdžan* и араб. *ūksīdžajn*. Некоторые слова европейских языков, ограниченно ставшие международными в Европе, приобретают интернациональный характер, распространившись в языках данного ареала

* Приводятся современные персидские формы слов.

(например, ср. А *сіпета* «кино», Ф *сіпéта*, ит. *сіпета* и араб. *синамā*, урду *синемā* и хинди *синемā*, перс. *синэма*, суах. *сіпета̄* и пр.).

Английский и французский языки принесли сюда также советизмы и русизмы. Впрочем, Персия и Афганистан уже в прошлые века имели и прямые торговые связи с Россией, отразившиеся в заимствовании некоторых бытовых слов персидским языком, пушту и фарси-кабули непосредственно из русского, что сближает сейчас эти языки с отдельными изоглоссами языков СССР.

§ 37. Обширный ареал Индийского субконтинента и Индийского океана во многом переплетается с предыдущим: здесь сильны, особенно на северо-западе полуострова, арабо-иранские и тюркские влияния, исторически связанные с многовековой властью в Северной Индии мусульманских афганских и среднеазиатских династий, а в индонезийских языках — с торгово-культурными связями с Индией и странами Персидского залива, а также с существованием в прошлом мелких мусульманских государств в Индонезии.

Вместе с тем, очевидна специфика данного района — наличие в языках огромного фонда интернационализмов санскритского происхождения, ассоциируемых друг с другом в устной форме, а в языках с письмом деванагари — и в письменной форме. Санскритизмы объединяют в Индии, Пакистане, Бангладеш и Непале многие индоевропейские и дравидийские литературные языки, а также — в меньшей мере — индонезийский язык («бахаса Индонесиа») в Индонезии и малайский в Малайзии. Этимологические же санскритизмы в языках тибето-китайской семьи, монкхмерских языках, монгольском, японском и корейском сравнительно немногочисленны и, как правило, не отождествляются по форме с лексикой языков Индостана в настоящее время.

Основу этого рода интернациональной лексики образуют литературные заимствования непосредственно из санскрита («татсама») и частично фонетически более освоенные старейшие заимствования из санскрита («ардхататсама», т. е. полутатсама), если последние не слишком изменили свое звучание. По определению С. К. Чаттерджи, «санскрит в течение последних 2500 лет был природной кормилицей всех индийских языков всякий раз, как они нуждаются в новых словах» [192, 10]. Влияние санскрита, связанное отнюдь не только с распространением буддизма и индуизма, но, прежде всего, с созданием культурного единства индийского района, было очень заметным уже в средние века. Не только в текстах религиозно-философского содержания, но и в художественной литературе XII—XVI вв. отмечают многие сотни санскритизмов типа

śarira, deha «тело», bhūmi, kṣiti «земля», tāra «звезда», taraṅga «волна», simha «лев», śiṣu «ученик», suṇḍara «красивый», gambhīra «глубокий», amara «бессмертный», मोहना «очаровательный» и т. п.* «Это в своей массе существительные и прилагательные, которые широко распространены в современном литературном хинди, бенгали, маратхи и других языках» [34, 69].

Особенно быстро растет слой санскритской культурной лексики и терминологии в языках Индии в современную эпоху. Наряду с заимствованием иногда переосмысленных слов классического санскрита здесь широко создаются новые слова из санскритских корней и основ при помощи санскритских суффиксов и префиксов. Так возникают неосанскритизмы вроде хинди *вимāн*, бенг. *биман*, маратхи *вимāн* и пр. «самолет» (в классической литературе *vimān* — «колесница богов») или скалькированных с европейских слов хинди *сāмаджвāд*, урду *самāджвāд*, бенг. *шомаджбат(д)*, маратхи *самāджасаттāвāд* и пр. «социализм». Как показывает последний пример, неосанскритизмы не всегда одинаково оформляются в разных языках, что может делать их и неинтернациональными, хотя в целом сегодня в сфере неосанскритского словообразования выработалась система соответствий интернациональным формантам греко-латинского происхождения, так как именно греко-латинская международная терминология часто выступает здесь в качестве образца для калькирования [27, 16]. Более того, в новейшей неосанскритской терминологии встречается вариантность даже в пределах одного языка.

За пределами Индостана, например в индонезийском языке, представлены преимущественно старые заимствования из санскрита (ср., скажем, хинди *б×аса*, бенг. *б×аса*, телугу *б×āс×а*, малаялам *б×āс×а* и индон. bahasa < санскр. bhāṣā «язык»). При этом изоглоссы санскритских интернационализмов перемежаются национально-специфическими словами, а иногда сталкиваются с арабскими и европейскими (в Индостане — главным образом английскими) изоглоссами, что в ряде случаев ведет к возникновению в языках синонимов. Так, санскритизмам со значением «книга» (из санскр. *pustaka* «рукописная книга» от др. перс. *post* «кожа, пергамент») соответствуют арабизмы и европеизмы, иногда совмещающиеся: хинди *пустак*, *китаб*, урду *китаб*, бенг. *бой*, *пусток*, *китап (б)*, непали *пустак*, телугу *пустакamu*, *грант×аму*,

* Ср., например, слова современного хинди: *шарīр*, *дэ́х* «тело», *та́ра* «звезда», *таранг* «волна», *си́х* «лев», *ши́шй* «ученик», *сунди́р* «красивый», *гамб́хир* «глубокий», *амар* «бессмертный», *mano-хир* «очаровательный».

малайлам *пустакам*, панджаби *kitab*, индон. *pustaka*, *kitab*, *buku* (где последнее слово пришло из голландского, как мальгаш. *boku* — из английского, а тагальск. *libro* — из испанского).

По сути лишь генетически связан с индийским ареалом, а в синхронно-сопоставительном отношении своеобразен сравнительно меньший район, расположенный к юго-востоку от Индии и включающий языки Цейлона, Бирмы, Таиланда, Камбоджи и Лаоса. Для них источником культурной лексики и терминологии, в том числе интернационализмов, издавна является второй влиятельный язык буддизма — пали, по происхождению редуцированный вариант санскрита, вытеснивший здесь санскрит. Пали (и пали-санскритские) слова широко представлены в генетически различных языках этого района, хотя часто они ассимилированы и не могут быть отождествлены в сопоставляемых языках. Европеизмы в этом районе обычно встречаются в английском варианте, кхмерский же язык взял их из французского.

§ 38. Своеобразие «дальневосточного» (восточноазиатского) ареала проявляется, прежде всего, в том, что только в нем представлены письменные интернационализмы IV и VI типов. Наряду с этими основными типами здесь встречаются, впрочем, и остальные, неписьменные типы интернационализмов (в некоторых языках — исключительно эти последние). Дальневосточным этот ареал называют весьма условно: весь советский Дальний Восток фактически не имеет с ним ничего общего, активно участвуя в становлении и функционировании другого лингвистического района — языков народов СССР. Также и монгольский язык сегодня тяготеет прежде всего к советскому ареалу, с которым его объединяет немало изоглосс новейших интернационализмов. Едва ли удачно вместе с тем было бы конкретно говорить о «китайско-японско-корейском» ареале, так как это упростило бы подлинную картину ареала в его изменениях, снимая такие вопросы, как особенности участия корейского языка нашего времени в изоглоссах международных иероглифов, выпадение из них вьетнамского языка, сохранившего, однако, тесную связь с остальными языками ареала по линии иных интернационализмов, отношение к ареалу некоторых других языков (тибетского, тайского и др.).

Основной слой интернационализмов этого ареала является результатом влияния китайского литературного языка на соседние языки. Китайский язык в течение многих прошедших веков был языком религиозно-философской, научной литературы, поэзии в Корее, Японии, Вьетнаме, китайская иероглифическая письменность до недавнего времени была государственной письменностью

в этих странах. Этим международным языком был вэньянь — старокитайский литературный язык, давно оторвавшийся в самом Китае от речевой практики народных масс: параллельно с ним с XII—XIII вв. постепенно распространился новый литературный язык — байхуа, окончательно вытеснивший вэньянь в период после 1911—1912 гг. Из вэньяня, односложные слова которого отождествлялись с иероглифами, основная часть таких слов пришла в байхуа, образуя в нем многочисленные, как правило, этимологически прозрачные (отчетливо мотивированные с возможностью выведения значения из мотивировки) сложные слова, а частично употребляясь и самостоятельно в составе старой фразеологии или — со специальными суффиксами [152] — и в свободных сочетаниях. В Корее вэньянь, употреблявшийся здесь с IV—V вв. до конца XIX в. под названием ханмуна, явился источником заимствования слов, словообразовательных элементов и моделей. Более 70% корейской лексики заимствовано из китайского; многое образовано из китайских элементов в корейском или японском языках [114, 34]. В VI—VIII вв. китайский язык и иероглифика проникли в Японию в ходе ее культурных контактов с Китаем и Кореей. С того времени в течение тысячи лет в японский язык вошло огромное число фонетически несколько японизированных, но легко отождествляемых китаизмов; при этом наряду с заимствованием собственно китайских обычно двухкомпонентных образований, здесь возникло множество новых слов из китайских основ.

Китайский слой («канго») составляет 80—85% знаменательных слов в книжной японской речи при 25—35% — в разговорной [164, 22]. Наконец, во Вьетнаме, север и частично центральная часть которого с I в. до н. э. до XV в. н. э. находились в вассальной зависимости от Китая, вэньянь и иероглифика были распространены до начала XX в. За это время вьетнамский язык, типологически сходный с китайским, заимствовал из него множество слов (главным образом — дву- и многосложных), образующих 60% вьетнамского словаря, а также словообразовательные элементы и модели.

Письменные интернационализмы данного ареала, объединяющие китайский, японский и корейский языки (до 1911 г. в зону китайских иероглифов включался и вьетнамский язык) являются результатом освоения иероглифической письменности в Японии, Корее, Вьетнаме и применения ее не только к элементам китайского происхождения, но и к исконной лексике соответствующих языков. В современной японской системе письма иероглифы сосуществуют со слоговой азбукой — «катаканой» и «хираганой», причем корни

слов и сложные слова пишутся иероглифами, японские грамматические окончания и собственные имена — «хираганой», а европеизмы — «катаканой». Иероглифами пишутся прежде всего китайские слова, но также и однозначные с ними японские слова, что создает ряды двучтений для иероглифов. Иероглифы же используются для записи собственных новообразований из китайских элементов, а также описательной передачи безэквивалентных (для китайского языка) японских и некоторых европейских простых слов. В современном корейском иероглифическо-буквенном письме Южной Кореи (в КНДР иероглифы отменены в 1949 г., сохраняясь лишь иногда в скобках для уточнения неясных слов) иероглифами записываются основы знаменательных слов, сложные слова, буквами же — основные словообразовательные, а также формообразовательные аффиксы и служебные слова. Наряду с китайскими заимствованиями иероглифами передаются здесь корейские новообразования и заимствования из японского языка, состоящие из корейских корней. Наконец, в старой вьетнамской письменности «тыи ном» (XV—XIX вв.) иероглифы использовались для передачи не только китайских слов, но и однозначных или созвучных с ними вьетнамских слов, причем здесь образовывались некоторые виды сложных иероглифов для передачи собственно вьетнамской лексики.

Так возникают тысячи изоглосс интернационализмов, в которых полностью совпадают (на сегодняшний день — в трех языках, до начала XX в. — в четырех) иероглифическое написание и мотивировка обычно при значительном расхождении, реже — при сходстве в звучании слов. Примерами могут служить кит. *ханьцзы* — яп. *кандзи* — кор. *ханчча* «иероглифы» (букв. «письмена Хань»), кит. *дяньци* — яп. *дэнки* — кор. *чонги* «электричество» (букв. «дух молнии»), кит. *гунчаньчжу'и* — яп. *кёсансюги* — кор. *конъсанджюу* «коммунизм» (букв. «учение об общем производстве»), кит. *дяньхуа* — яп. *дэнва* — кор. *чонхва* «телефон» (букв. «разговор с помощью электричества»), кит. *юаньцзы* — яп. *гэнси* — кор. *вондя* «атом» (букв. «исходное вещество»), кит. *иньюэ* — яп. *онгаку* — кор. *ымак* «музыка» (букв. «приятные звуки»), кит. *цзинь* — яп. *кин* — кор. *кым* «золото», кит. *инь* — яп. *гин* — кор. *ын* «серебро», кит. *иньхан* — яп. *гинкё* — кор. *ынхэнъ* «банк» (букв. «лавка денег») и т. п. Роль интернационализмов письменные соответствия играют независимо

от сходства или несходства устных форм слов (ср. 水 «вода»:

кит. *шуй* — кор. *су*, но яп. *мидзу*, т. е. совершенно специфич-

ческое слово при наличии, правда, и синонимичного китаизма *суй* — второго варианта чтения иероглифа).

Качество интернациональности сохраняется, пока сохраняется общая узнаваемость письменных соответствий во всех языках, хотя возможны частичные расхождения в составе компонентов, порядке следования компонентов, немотивированность слова в одном из языков (обычно — корейском), наличие специфической ненероглифической части в слове (в японском и корейском) и т. п. Таковы,

например, соотношения типа «врач» — кит. **醫士** *иши* (букв. «ме-

дицина — ученый») и **醫生** *ишэн* («медицина — специалист»), яп.

医者 *ися* («медицина — деятель») и **医師** *иси* («медици-

на — учитель»), кор. **醫師** *ыса* («медицина — учитель»); «самолет» —

кит. **飛機** *файцзи* («летать — машина») при одинаковом напи-

сании **飛行機** (букв. «летать — идти — машина») в яп. *хикōки* и

кор. *пихэнгги*; «убийство» — **殺人** кит. *шажень*, яп. *сацудзин*,

кор. *сарин* (букв. «убийство — человека») при параллельных лишь

частично совпадающих, но сходных яп. **人殺し** *хитогороси*

(букв. «человека — убийство») и кор. **살해(殺害)** *сархэ* (букв.

«убийство — вред»; плавание на дистанцию» (спорт.) **距離泳** —

кит. *цзюйлиэн* и яп. *кёриэй* (букв. «расстояние — плавание») — кор. *кёрийон* (немотивировано*). Вместе с тем, некоординированный параллелизм в использовании одних и тех же словообразовательных средств нередко приводит к псевдоинтернациональ-

ности соответствий типа **水夫** (букв. «вода — рабочий») —

* Ср. 128, 69.

кит. *шуйфу* «водовоз», яп. *суйфу* и кор. *субу* «матрос» [151, 190].

Вьетнамский язык сохранил сейчас только устные изоглоссы интернациональных китаизмов (типа вьетн. *chính trị* «политика» — кит. *чжэнчжи*, яп. *сэйдзи*, кор. *чончхи*; вьетн. *thư ký* «секретарь» — кит. *шуйцзи*, яп. *сёки*, кор. *сёги*; вьетн. *bác sĩ* «ученая степень доктора» — кит. *боши*, яп. *хакъси*, кор. *пакса* и под.). Это ослабило его связи с ареалом, хотя и сейчас, например, вьетнамский политический текст может быть понят говорящими по-китайски лицами без перевода при условии знания китайского языка в кантонском произношении [177, 6].

Нельзя, однако, не отметить постепенного сужения зоны китайских иероглифов [ср. 146, 28]: из нее выпал вьетнамский язык, корейский язык в КНДР, постепенно слабеют позиции иероглифов в японском, где все шире употребляется взамен их «хирагана», а также увеличивается значение «катаканы», в частности, в связи с быстрым ростом фонда европеизмов [17, 55].

При всей его влиятельности китайский источник интернационализмов не является единственным в этом ареале. Авторитетным источником заимствований — обычно «неокитаизмов» является японский язык, влияние которого особенно заметно в корейском. Все шире распространяются европеизмы; через европейские языки приходят и некоторые советизмы. Китайский язык обычно калькирует их, остальные берут в форме фонетических заимствований. Во вьетнамский язык европеизмы чаще проникали через французское посредничество, в японский — главным образом через английское, особенно широко после 1945 г. (сейчас до 87% европейских заимствований в японской лексике составляют англицизмы — [127]); в корейский язык они проникают через английский на юге и через русский — в КНДР. Английское звучание европеизмов, усугубленное их фонетическим освоением в корейском и японском языках (напр., кор. *энджи* < A energy, яп. *рэмон* < A lemon, *пайротто* < A pilot), порой затрудняет их отождествление с аналогичными словами континентальных европейских языков (ср. Р *энергия*, *лимон*, *пилот*). Более совершенное владение японским языком требуется для узнавания в нем европеизмов, употребляемых в форме аббревиатур (типа *интэри* от *интаригэнтсия* < A intelligentsia < Р *интеллигенция*: см. [106, 36]). Русский язык принес в корейский язык в КНДР не только общие интернационализмы советского и европейско-американского ареалов (типа *лампы* «лампа», *радио* «радио», *тракторы* «трактор», *комбайн* «комбайн»), но и международные слова языков народов СССР (типа *очерк* «очерк»). При этом харак-

терной чертой последних десятилетий является замена ряда китайских терминов европейцами или собственными образованиями в японском, корейском и вьетнамском языках.

§ 39. Принципиально синхронический подход к интернационализмам и их ареалам не означает статичного или вневременного рассмотрения их, а вполне совмещается с исторической перспективой. Всесторонняя оценка интернационализмов в плоскости синхронии подразумевает, в частности, установление их статуса в конкретных языках, степени активности или латентности изоглосс в целом, их тенденции к расширению или сужению. Тем самым интернационализмы и их ареалы должны рассматриваться в их становлении и отмирании, в движении.

Рассматривая таким образом основные ареалы интернационализмов в языках Земли, мы убеждаемся в наличии в них существенных общих, но также и особых черт и в определенных различиях тенденций их дальнейшего развития. Прежде всего все они отражают не только лингвистическое, но и культурное единство больших районов Земли. Четыре старших ареала (европейско-американский, ближне- и средневосточный, индийский и «дальневосточный») основаны на использовании общего для каждого из них наследия — международного языка или языков прошлого. Советский же ареал активно создается в новое время, особенно за последние полвека, объединяемый живым источником влияний — русским языком — языком межнационального общения, который является вторым родным языком для многих (в ряде случаев — для большинства) представителей даже неславянских народов СССР. При этом международный языковый материал каждого района в ряде случаев активно используется в современном словообразовании разных языков, хотя вследствие отсутствия межъязыковой координации результаты далеко не всегда оказываются интернациональными. Исключением является ареал языков народов СССР, где греко-латинский материал сейчас используется в словообразовании различных языков достаточно координированно, а разнородное использование русского материала, которое вело бы, в частности, к появлению псевдоинтернационализмов, в настоящее время фактически не имеет места.

Далее, можно отметить, что изоглоссы интернационализмов в каждом ареале (арабо-иранизмов, санскритизмов, китаизмов в восточных ареалах, европейцев в европейско-американском районе, европейцев и русско-советских интернационализмов в районе языков народов СССР) в настоящее время в значительной своей части активны в результате активизации современных междуна-

родных связей. Но степень этой активности весьма различна, так же как явно различна степень соприкосновения различных языков (ср., например, процессы соприкосновения в сегодняшнем мире арабского, турецкого языков и урду или русского, английского и французского языков или языков народов СССР).

Интернационализмы восточных ареалов сегодня, как правило, не распространяются за пределы первоначальных ареалов, где их влияние может быть значительным (ср. проникновение в новое время арабо-фарсидских элементов в афганскую лексику, в ряд языков Индии, непрекращающееся проникновение санскритских элементов в языки Индии). Лишь немногие международные ориентализмы появляются сейчас в европейских языках и языках народов СССР в функции этнографизмов. Более того, как отмечалось выше, сужается сфера иероглифов, сократились в XX в. и изоглоссы письменно сходной международной лексики Ближнего и Среднего Востока в результате отказа некоторых языков (турецкого, индонезийского, в Африке — хауса, суахили и др.) от арабского алфавита. Зато широко распространяются во всем мире европеизмы, (особенно в той их части, которая одновременно свойственна и языкам СССР), занимающие заметное место в турецком, персидском, хинди, урду, японском, индонезийском и др. языках, интенсивно проникающие в языки молодых развивающихся стран. Мировое распространение получают некоторые советизмы.

Анализ изоглосс интернационализмов в современных языках полностью опровергает предположение ряда авторов, что интернационализмы — это преимущественно узкоместные, региональные слова или даже только западноевропейские элементы, будто бы чуждые другим языкам. Интернациональность — качество, неизбежно возникающее в лексике то ли немногих то ли очень многих языков, вовлекаемых в достаточно активные и длительные контакты. Данное явление развилось в пяти основных больших группах языков, но в последнее время происходит определенное сближение всех этих групп под влиянием западноевропейских языков и русского языка, одновременно представляющего европейский ареал и молодой, но влиятельный ареал языков народов СССР.

Наряду с ограниченными изоглоссами, охватывающими малое число языков (в том числе языков с ограниченной социальной базой), сейчас существует множество многоязычных изоглосс, лишь условно вмещающихся в рамки описанных ареалов. В XX в. возникают более или менее глобальные изоглоссы, проходящие через десятки языков всех или почти всех континентов. Естественно, что здесь представлена специальная терминология, известная не-

специалистам (например, изоглоссы типа «йод», «газ», «атом» почти не знают перерывов: первые два слова отсутствуют лишь в китайском, третье — в четырех языках «дальневосточного» ареала). Но особенно показательно наличие в таких изоглоссах современной политической терминологии, в частности советизмов (так, термин «ленинизм» представлен в сходной форме повсюду, в ряде языков с заменой суффикса — *изм* его постоянными функциональными эквивалентами), а также новой общебытовой лексики (почти нигде не заменяются такие европеизмы, как «клуб», «литр», «пижама», «какао» и мн. под.).

Но при всем этом международная лексика (как и другие виды интернационализмов) никогда не становится универсальным мировым явлением: этому мешают как существенные традиционные ограничения историко-культурного характера, так и типологические препятствия.

§ 40. Русский язык в европейско-американском ареале. § 41. Ограничения в изоглоссах европеизмов. § 42. Русский язык на фоне других славянских. § 43. Русский язык среди языков народов СССР. § 44. Некоторые характеристики изоглосс.

§ 40. Современный русский литературный язык относится к числу языков Европы, наиболее богатых международными элементами, в особенности — интернациональными словами, рассматриваемыми в данной работе. Это объясняется его активным участием в двух крупнейших ареалах: европейско-американском и языков народов СССР — при наличии также определенных связей с ближне- и средневосточным районами. В. В. Виноградов утверждает, что русский язык, в основном освоивший фонд интернациональной лексики уже к началу XX в., располагал перед второй мировой войной более чем ста тысячами интернациональных слов [49, 5,9]. С того времени количество европеизмов в нем явно увеличилось, прежде всего за счет терминологической лексики. Кроме того, при общей оценке интернационализмов русского языка необходимо учитывать наряду с международными европеизмами также советизмы, международную лексику советского ареала, международные ориентализмы.

Вместе с тем, упоминаемый В. В. Виноградовым слой европейских интернационализмов, бесспорно, является основным, наиболее заметным и многочисленным среди элементов этого рода в лексике русского языка. Изогlossы этих интернационализмов обычно проходят как через многие европейские языки в зарубежных странах, так и европейские, а нередко и неевропейские языки народов СССР, иногда распространяясь также на литературные

языки других районов. Численно здесь преобладает специальная терминология, степень интернационализации и темпы расширения которой особенно велики. Но и в пределах лексики общего значения, особенно — книжной, и более популярной терминологии число интернационализмов весьма значительно.

Сопоставление 60 000 слов, представленных в словарях массового пользования в русском, английском, немецком и французском языках, позволяет установить около 7 000 изоглосс интернационализмов, объединяющих эти языки в пределах основной, наиболее употребительной части их словарного состава. Это не означает полного совпадения фондов интернационализмов в указанных языках: сопоставление каждого трех языков в отдельности доказывает существование и таких изоглосс, из которых четвертый язык выпадает. Скажем, только в немецком отсутствуют международные слова, соответствующие *Р абориген, абразивный, агонизировать, адекватность, адюльтер, акушер, алгебраист, аналог, арбалет, бенуар, бомбазин, вагонетка, вакации, виндруюэр, гетры, гранулированный, интеллектуальность, катамаран, компаративный, контратака, контрмарш* и т. п.; только во французском отсутствуют соответствия слов типа: *Р авторство, аккуратность, аккуратный, бриджи, гектограф, гегемонический, инсайд, католицизировать, кетчуп, комптометр, марлинь, пудель, пульсировать, сафьян, спинет, суррогат* и т. п.; в английском мы не находим интернациональных соответствий слов типа: *Р афиша, библиотека, бриз, душ, каштан, матовый, мебель, меблировать, метро, формат, этаж* и пр. В свою очередь в русском языке нет ряда слов, имеющих в остальных трех языках, например: *А abdication, admirable, adverb, affinity, affirmation, aggravation, alarm, arsenic, arrogant, continuity, negation* и т. п.

Правда, утверждения об отсутствии интернационализма в языке не всегда могут иметь категорический характер: слово может быть ограниченным в своем употреблении социальной или профессиональной средой, иметь характер неологизма, арханзма, историко-этнографизма, изредка — находиться за пределами литературного языка. Так, словам *Р душ, Н Dusche, Ф douche* соответствует *А shower bath*, но в английском подязыке медицины существует и специальный термин *douche*. Эта оговорка особенно применима к производным словам при наличии в языке слов с той же основой и словообразовательной моделью: не обнаруженное в словарях слово может существовать как потенциальное или редкое. Например, по-видимому, не следует полностью отрицать существование в немецком языке слова *Sentimentalismus* [см. 98, 52]: оно

иногда употребляется в литературоведении и фиксируется рядом лексикографов*).

Но основная часть международных европеизмов последовательно представлена во всех четырех крупнейших европейских языках. Это многие тысячи изоглосс типа: Р *абака* I — А *abaca* — Н *Abaka* — Ф *abaca*; Р *абака* II — А *abacus* — Н *Abakus* — *abaque*; Р *аббат* — А *abbot* — Н *Abbate* — Ф *abbé*; Р *аббревиатура* — А *abbreviation* — Н *Abbreviation*, *Abbreviatur* — Ф *abréviation*; Р *абберрация* — А *aberration*, *aberrance* — Н *Aberration* — Ф *aberration*; Р *аболиционизм* — А *abolitionism* — Н *Abolitionismus* — Ф *abolitionnisme*; Р *абсолют* — А *absolute* — Н *Absolute* — Ф *absolu*; Р *абсолютный* — А *absolute* — Н *absolut* — Ф *absolu*; Р *абсолютно* — А *absolutely* — Н *absolut* — Ф *absolument*; Р *абсолютизм* — А *absolutism* — Н *Absolutismus* — Ф *absolutisme*; Р *абсолютист* — А *absolutist* — Н *absolutist* — Ф *absolutiste*; Р *абсолютистский* — А *absolutist* — Н *absolutistisch* — Ф *absolutiste*; Р *абсорбировать* — А *absorb* — Н *absorbieren* — Ф *absorber*; Р *абсорбент* — А *absorbent* — Н *Absorbens* — Ф *absorbant*; Р *абсорбция*, *абсорпция* — А *absorption* — Н *Absorption* — Ф *absorption*; Р *абстрактный* — А *abstract* — Н *abstrakt*, — Ф *abstrait*, Р *абстрактность* — А *abstractness*, Н *Abstraktheit* — Ф *abstraction*; Р *абстрагировать* — А *abstract* — Н *abstrahieren* — Ф *abstraire*; Р *абстракция* — А *abstraction* — Н *Abstraktion* — Ф *abstraction* и т. д.

§ 41. Несмотря на употребление русского языка во многих нерусских районах, он имеет безусловно единую литературную форму, что отличает его от таких языков, как английский, французский, немецкий, испанский, португальский, в определенной мере — сербохорватский. В этих языках (кроме последнего) имеются особенности словоупотребления в различных странах, особенно существенные в странах Старого и Нового Света. Интернационализмы обычно известны в различных районах употребления языка, но могут иметь в них специфику звучания, значения или употребления. Однако в определенных случаях речь может идти фактически об активном существовании слова в лексике только одного из языковых коллективов. Это особенно характерно для британского и американского вариантов английского языка: так, если английский язык в целом

* Напр., А. Б. Л о х о в и ц. Русско-немецкий словарь. Главная редакция В. В. Рудаша. М., ГИИНС, 1943, стр. 607; Н. Н. В и е л ф е л д т. Russisch-deutsches Wörterbuch. 2. Aufl. Berlin, Akademie-Verlag, 1961, стр. 875; Е. Д а у м, W. S c h e n k. Russisch-deutsches Wörterbuch., Lpz., Verlag "Enzyklopädie", 1966, стр. 766.

стоит в стороне от европейских изоглосс, включающих Р *библиотека*, *бетон* и т. п. (ср. A library, concrete), то в изоглоссы с Р *автомобиль*, *багаж*, *кондуктор*, *радио* и т. п. входит прежде всего американский вариант (ср. A (амер.) automobile baggage, conductor, radio при A (брит.) car, luggage, guard, wireless), а в изоглоссы с Р *лифт*, *почта*, *трамвай* и т. п. — преимущественно британский вариант (ср. A (брит.) lift, post, tram при A (амер.) elevator, mail streetcar).

Как уже говорилось выше, общеевропейские изоглоссы, несмотря на те или иные перерывы в них, решительно преобладают в европейских языках. Несравненно менее многочисленны в русском языке интернациональные слова ограниченного, субареального распространения, связывающие его с северо-востоком или юго-востоком Европы. Подобные слова главным образом относятся к бытовой лексике, хорошо освоены языком, и их международный характер обычно не замечается исследователями. Примерами могут служить слова типа: *апельсин*, *бинт*, *блок* (тех.), *бухгалтер*, *ванна*, *верфь*, *грош*, *канцелярия*, *картофель*, *кино*, *контра*, *кран*, *курорт*, *проба*, *матрос*, *тушь*, *шахта*, *шницель* и т. п., объединяющие русский язык с немецким и некоторыми другими языками в Восточной Европе, а также с рядом языков СССР. С другой стороны, такие слова, как *абажур*, *афиша*, *браконьер*, *десант*, *купе*, *пальто*, *пляж*, *прокурор*, *тротуар* и т. п., объединяют русский язык с французским, рядом языков Восточной Европы и одновременно — с языками народов СССР.

Особая группа бытовых международных слов русского языка сближает его в Европе с балканскими языками; обычно это не узкие балканизмы, а слова, известные и некоторым другим восточноевропейским языкам за пределами Балкан, в частности — распространенные на Балканах (но одновременно нередко и на Кавказе, в Средней Азии) интернационализмы Ближнего и Среднего Востока. Таковы ряды слов, включающие Р *амбар*, *ариш*, *бахча*, *брынза*, *вишня*, *гуляш*, *кукуруза*, *лиман*, *мак*, *палаш*, *паприка*, *рута*, *фасоль*, *хамса*, *черешня*, *чубук*, *шалаш*, *шапка*, *шатер* и др. или еще более многоязычные, уходящие далеко на Восток ряды слов типа: *базар*, *баклажан*, *баштан*, *инжир*, *казан*, *казна*, *кафтан*, *нефть*, *тут* («шелковица»), *халва*, *чабан* и др. Например, слово иранского происхождения *базар* в значении «рынок» может быть сопоставлено со словами десятков современных языков: укр. *базар*, бел. *базар*, пол. *bazar*, чеш. *bazar*, слов. *bazar*, болг. *пазар*, с.-х. *пазар*, славн. *bazar*, рум. *bazar*, молд. *базар*, груз. *базари*, аз. *базар*, тат. *базар*, каз. *базар*,

узб. *бозор*, кирг. *базар*, башк. *базар*, тадж. *бозор*, а также словами многих других языков народов СССР и зарубежного Востока вплоть до перс. *базар*, афг. *базар*, араб. *bāzar*, тур. *paazar*, хинди *bāzār*, урду *bāzār*, бенг. *баджар*, индон. *pasar* и, наконец, словами многих европейских языков со спецификой в общем значении («рынок на Востоке»; также «распродажа чего-л. с целью сбора средств»).

Ряд изоглосс европейских интернационализмов, в которых участвует русский язык, распадается на подрайоны в фонематическом, графическом, морфемно-структурном или семантическом отношениях. Говорить о закономерном включении русского языка в те или иные подрайоны трудно: в большинстве случаев вопрос решается традицией языка, объясняемой конкретными историческими причинами. Так, русский язык сближается с другими славянскими, немецким и многими германскими в противовес романским и английскому в противопоставлении «латинского» и «франко-английского» звучания основ типа *geo-* и т. п.: ср. Р *геология*, Н *Geologie* [ge·o·lo·gi] при Ф *géologie* [ʒeɔlɔʒi], А *geology* [dʒiˈɒlədʒi]. Иное распределение характерно для изоглосс типа *адмирал*, где английский уже выступает вместе с германскими, а также славянскими языками (Р *адмирал*, А *admiral*, Н *Admiral* и т. п. в отличие от Ф *amiral*, ит. *ammiraglio*, исп. *almirante*, порт. *almirante* и примыкающих к ним швед. *amiral* и фин. *amiraali*, а за пределами Европы — тур. *amiral*, тагал. *almirante* и пр.). Зато Р *суп* сближается с Ф *soupe* [sup], А *soup* [su:p] в противоположность Н *Suppe* [ˈzʏpə], пол. *zupa*, Р *рис* соответствует Ф *risque*, А *risk*, а не Н *Risiko*, ит. *risico*, пол. *guzyko* и т. д. Индивидуальные условия включения русских интернационализмов и в семантические подрайоны европейских изоглосс (кроме некоторых терминологических групп); здесь намечается, однако, иногда единство с восточноевропейскими языками социалистических стран (например, подрайон со значением «кинохроника» в изоглоссе *журнал*: Р (кино)*журнал*, рум. *jurnal de actualități*, с.-х. *журнал*, алб. *kinozhurnal* — ср. также на Западе Ф *cine-journal* наряду с *actualités*).

§ 42. В европейско-американском ареале русский язык наиболее тесно связан с остальными языками славянской семьи. При этом сегодня уже нельзя безоговорочно согласиться с интересным утверждением Б. О. Унбегауна, что романские языки близки в своей книжной части, а славянские — в разговорно-обиходной [265, 136]. К настоящему времени в общем фонде славянских языков наряду с когнатами сложился и второй пласт лексики — пусть недостаточно последовательно представленные, но весьма много-

численные, интернационализмы [ср. 52, 26], в большинстве имеющие книжный характер.

Значительная часть интернационализмов русского языка объединяет его со всеми или почти со всеми славянскими языками, о чем убедительно свидетельствуют, в частности сопоставительные разделы словарных статей «Этимологического словаря русского языка», издаваемого под руководством Н. М. Шанского. Это касается не только терминов классического и неоклассического происхождения, но и новоязычных элементов, в том числе и этнографизмов. Так, во всех славянских языках представлены тысячи изоглоссы типа: *абба*, *аббат*, *аббатиса*, *аббревиатура*, *аболиционизм*, *аболиционист*, *абонемент*, *аборт*, *абракадабра*, *абсолютизм*, *абсолютист*, *абсолютный*, *абсорбировать*, *абсорбция*, *абстрагировать*, *абстрактный*, *абстракция*, *абсурд*, *авангард*, *авантюра*, *авантюрист*, *авантюристический*, *авеню*, *авиатор*, *авитаминоз*, *авто*, *автомобиль*, *автомобилизм*, *автомобилист*, *автобиография*, *автобиографический*, *автобус*, *автограф*, *автократ*, *автократия*, *автомат*, *автоматический*, *автоматизм*, *автоматизация*, *автоматика*, *автономия*, *автор*, *авторизация*, *авторизовать*, *авторитарный*, *авторитет*, *автохтон*, *агава*, *агат*, *агглютинативный*, *агглютинация*, *агент*, *агентура*, *агитатор*, *агитация*, *агитировать*, *агностик*, *агностицизм*, *агония*, *аграрный*, *агрегат*, *агрессивный*, *агрессия*, *агрессор* и т. п. Наряду с полным параллелизмом фонеморфологических и особенно графических оболочек (типа Р *автомат*, укр. *автомат*, бел. *аўтамат*, пол. *automat*, чеш. *automat*, слов. *automat*, болг. *автомат*, с.-х. *аутомат*, слов. *avtomat*) здесь встречаются определенные особенности, часто закономерно соотносящиеся, в оформлении слов (типа Р *авторитет*, укр. *авторитет*, бел. *аўторытэт*, пол. *autorytet*, чеш. *autorita*, слов. *autorita*, болг. *авторитет*, с.-х. *ауторитет*, слов. *avtoriteta* — ср., напр., Р *университет*, укр. *університет*, бел. *універсітэт*, пол. *universitet*, чеш. *universita*, слов. *univerzita*, болг. *университет*, с.-х. *универзітет*, слов. *univerza*). Но такие особенности, как и расхождения семантико-стилистического порядка, в целом не мешают отождествлению основной массы общеславянских интернационализмов.

Вместе с тем ни в каких двух славянских языках фонды интернационализмов не совпадают полностью. Специальная терминология какой-либо отрасли науки или техники может быть слабо представлена в языке, которому не приходится эту отрасль обслуживать. Отклонения от изоглоссы интернационализмов бывают связаны также с различными источниками влияний и результатами деятельности пуристов в истории каждого языка.

В пределах славянских языков наиболее близки к русскому по наличию в них интернационализмов языки украинский и белорусский. Все три восточноевропейских языка вместе в ряде случаев расходятся с западнославянскими языками, где — особенно часто в чешском и словацком — вместо ожидаемых международных европеизмов встречаются национально-специфические слова (по происхождению обычно кальки: ср. [263, 31—38]). Назовем, например, чеш. poslanec, сл. poslanec «депутат», чеш. hudba, сл. hudba «музыка», чеш. strana, сл. strana «партия» (полит.), чеш. hrdina, сл. hrdina «герой», чеш. přeborník, сл. prehorník «чемпион», чеш. dějiny, сл. dejiny «история», чеш. skladba, сл. skladba «синтаксис», чеш. mluvnice, сл. mluvnica «грамматика», чеш. tajemník, сл. tajomník «секретарь» и т. п. Подобные слова либо являются здесь единственными выразителями соответствующих значений, либо сосуществуют с интернационализмами, нередко оттесняя их в специальные или менее употребительные слои лексики. Сравнительно реже отклоняется от европеизмов польский язык, где, однако, также встречаются случаи типа przekątnia «диагональ», średnica «диаметр», а также wierzyciel «кредитор» (ср. и kredytor), biegun «полюс» (ср. и polus) и т. п. С другой стороны, не только в польском с его сильно латинизированной книжной лексикой, но и в чешском и словацком языках имеются европеизмы, не представленные в языках восточных славян: таковы, скажем, пол. arsen, чеш. arsen «мышьяк», пол. ambasada «посольство», пол. ambasador «посол», чеш. adjektivum «прилагательное», пол. absencja, чеш. absence «отсутствие, неявка», пол. adoptować, чеш. adoptovati «усыновлять», пол. adopcja, чеш. adopce «усыновление» и т. д.

Та же оговорка относится к соотношению восточнославянских и южнославянских языков. И здесь можно отметить отсутствие или ограниченное употребление в языках южных славян определенных европеизмов, свойственных русскому, украинскому и белорусскому языкам, типа слвн. svetilka «лампа», glasba (godba) «музыка», sladkor «сахар», juha «суп», poslanec «депутат», ravnatelj «директор», častnik «офицер» и пр., болг. топчия «артиллерист», сакъм «акация», саксия «ваза», трандафил «роза» (наряду с роза), вестникар (наряду с журналист) и пр. Впрочем, болгарский язык особенно близок в этой группе к русскому со стороны как интернационализмов, так и книжной лексики вообще. Сербохорватский язык характеризуется рядом частичных отклонений от изоглосс интернационализмов, когда международный элемент не употребляется или является редким только в одном из вариантов этого языка: например, серб. азбука, указ, сликати, исход и

хорв. *alfabet*, *dekret*, *fotografirati*, *rezultat* и т. п. и, наряду с этим, серб. *азот*, *бал*, *комитет*, *композитор*, *машина*, *секретарь*, *фабрика* и хорв. *dusik*, *ples*, *odbor*, *skladatelj*, *stroj*, *tajnik*, *tvornika* и т. п. Иногда от международных изоглосс отходит и весь литературный язык в целом (ср. серб. *позориште*, хорв. *kazaliste* при более редком *театар*), хотя в книжно-терминологической своей части он богат интернациональными европеизмами*..

Но близость фондов интернационализмов в восточноевропейских языках не означает их тождественности: не вся русская узкоспециальная терминология некоторых отраслей техники отражается в украинском и белорусском языках, а главное — определенная часть (менее 10%) бытовых и старых культурных интернациональных слов расходится в этих языках, что легко объясняется исторически [см. 8]. Так, например, в русском языке отсутствуют некоторые распространенные европеизмы, представленные в украинской лексике типа *аматор* «любитель», *багнет* «штык», *брутальный* «грубый», *валіза* «чемодан», *гратувувати* «поздравлять», *гума* «резина», *колір* «цвет» *кома*, «запятая», *краватка* «галстук», *крейда* «мел», *мур* «стена (каменная)», *палац* «дворец», *папір* «бумага», *студія* «изучение», *тортури* «пытка», *цегла* «кирпич», *цибуля* «лук», *цитрина* «лимон» и т. п., а также некоторые международные слова юго-востока Европы и ориентализмы типа *гарман* «гумно», *килим* «ковер», *майдан* «площадь», *табір* «лагерь», *цап* «козел» и т. п. Часто, но не всегда, они свойственны и белорусскому языку, где можно зато встретить европеизмы, неизвестные украинскому: *адукація* «образование», *літаральны* «буквальный», *бота* «сапог», *артыкул* «статья» и пр. Вместе с тем, некоторым интернационализмам русской лексики соответствуют специфические украинские и белорусские слова, примером чего служат названия месяцев (кроме бел. *май*).

§ 43. Очевидна теснейшая связь фонда интернациональной лексики в русском языке с интернационализмами ареала языков народов СССР**. Она особенно проявляется в новых изоглоссах и в младописьменных языках, тогда как в старших слоях международной лексики старописьменных языков наблюдаются и расхождения, в частности разные связи с другими ареалами. Существенные ограничения налагает на общность фондов интернационализмов

* Ср. словари иностранных слов сербохорватского [57] и русского [148] языков: в первом отражены некоторые интернациональные элементы, отсутствующие во втором.

** См. § 34—35.

степень развития терминологических систем в разных языках, связанная с их общественными функциями.

Множество международных европеизмов русского языка объединяет его сегодня с языками народов СССР. Об этом убедительно свидетельствуют сопоставительные списки Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко [см. 73.], которые, кроме того, могут быть дополнены нетерминологической лексикой и существенно продолжены. Например, как повседневно употребляемая популярная терминология, так и культурная лексика (ряды слов, включающие *Р адвокат, ассоциация, генерал, декрет, депутат, инженер, компас, культура, лампа, министр, музыка, нация, партия, планета, политика, секретарь, социализм*, и мн. др.) в ряде случаев оказывается общей для подавляющего большинства европейских языков и большинства языков народов СССР. Характерная черта основной массы европеизмов в языках СССР — их близость именно к русским словам по звучанию, написанию, значению, употреблению: например, если в интернационализмах русского языка существует семантическое отличие от сходных слов всех или некоторых языков Западной Европы, оно же обычно характеризует соответствующие слова в языках народов СССР (случаи типа *актуальный, аспирант, билет, магазин, материя* и т. п.).

Выше говорилось об интернационализации в языках СССР принесенных сюда русским языком заимствований, не имеющих международного распространения в Европе. Речь может идти не только о новейших терминах типа *авария* < ит., *абзац* < Н, *абитуриент* < Н, *абонент* < Н, *автоген* < Ф, *автоклав* < Ф, *автострада* < ит., *аппаратура* < Н и мн. под.), но и о бытовых заимствованиях, давно освоенных русским языком. Так *Ф paletot*, не слишком известное на Западе (ср. редкие Н *Paletot*, А *paletot*), популярно в Восточной Европе; ср. пол. *palto*, болг. *палто*, алб. *pallto*, рум. *palton*. Через посредство *Р пальто* оно оказывается связанным также с укр. *пальто*, бел. *пальто*, узб. *пальто*, казах. *пальто*, тат. *пальто*, *пэлтэ* (разг.), адыг. *палътэу*, кабард. *бэлътэ*, лакск. *палту* и т. д. Н *Kontor* соответствует голл. *kontoor* (откуда индон. *kontor*), фин. *konttori*, болг. *контора*, но вместе с *Р контора* сюда подключаются укр. *контора*, бел. *кантора*, лтш. *kantoris*, эст. *kontor**, аз. *контор*, каз. *контор*, тат. *контора*, *кантур* (разг.), осет. *къантор*, морд. *контора* и т. д.

* Здесь вероятно немецкое влияние наряду с влиянием письменной формы русского слова.

Даже среди старой бытовой («исконной», с точки зрения массового носителя языка) русской лексики определенная часть слов интернационализировалась в ряде языков СССР. Распространение слов типа *стол, самовар, чайник, чашка, стакан, колбаса, конфета, мыло, чернила* связано с распространением новых элементов культуры в ранее отсталых районах. Еще более понятно распространение русской лексики административной, школьной, производственной, военной сфер, часто характеризующей уже новый, советский уклад жизни (ряды слов с Р *совет, область, райком, командировка, завод, больница, врач, вокзал, колхоз, совхоз, полк, взвод, окоп*, а в ряде языков также *книга, учитель, ученик* и мн. др.). Между тем возможность интернациональности слов в подобных слоях лексики, кроме очевидных советизмов, вряд ли может ожидаться с позиций внутриязыкового рассмотрения русского словаря (ср. также Р *час* и молд. *час*, морд. *час*, ненец. *час*, манси *сяс* и пр., наряду с рум. *seas*, болг. *час*, с.-х. *час*).

§ 44. Таким образом, изоглоссы, в которые включается русский язык, весьма различны по своей относительной хронологии, распространенности на лингвистической карте, социальной базе и степени активности. По-видимому, все эти факторы в той или иной мере сказываются, наряду с факторами внутриязыковыми, на роли соответствующих интернационализмов в русском языке.

В частности, с точки зрения количества представленных языков эти изоглоссы делятся на охватывающие только ограниченную часть языков СССР с возможным подключением отдельных языков, маргинальных по отношению к советскому ареалу (типа *час* или Р *ученик*, укр. *учень*, бел. *вучань*, молд. *ученик*, мар. *ученик*, удм. *ученик* и нек. др. — ср. с.-х. *ученик*, болг. *ученик*, слвн. *исепес*, пол. *uczeń*), на охватывающие многие языки Советского Союза с вероятным подключением ближайших соседних языков и даже некоторых западных языков Европы (типа *пальто, контора*) и, наконец, на самые широкие изоглоссы, объединяющие русский язык со многими языками нашей страны и Европы или даже различных районов Земли. Среди последней группы изоглосс, в свою очередь, можно выделить изоглоссы, объединяющие языки различных социалистических стран (типа Р *тракторист*, десятков его соответствий в языках СССР, иногда с переводом суффикса, и пол. *traktorzysta*, чеш. *traktorista*, слвн. *traktorista*, рум. *tractorist*, алб. *tractoriste*, с.-х. *тракторист*, болг. *тракторист*, Н (в ГДР) *Traktorist*), изоглоссы, включающие большинство европейских языков. Интересен факт наличия или отсутствия английского

языка в изоглоссе, так как к нему нередко присоединяется ряд языков Азии и Африки: так, из очень широкой изоглоссы, включающей Р *мебель* и сходные слова многих языков Европы, ареала СССР и зарубежного Востока, вместе с А *furniture* ['fə:nitʃə] выпадают хинди *фарничар*, урду *фарничар*, бенг. *п^харничар*, тогда как в пушту наряду с *мобил* появляется синоним *фарничар*.

Важнейшей характеристикой изоглосс является их активность — реальное и достаточно массовое соприкосновение тех или иных языков в изоглоссах. Очень активно соприкасаются с русским остальные языки советского ареала, что упрочивает положение интернационализмов в каждом из них, ведет к определенному сближению международных слов разных языков с их русскими соответствиями. Русский язык интенсивно взаимодействует с множеством иностранных языков: языками социалистических стран, западноевропейскими, в определенной мере — и другими. Например, только два крупных московских издательства осуществляют переводы с русского на 30 языков мира и на русский — с 43 языков [33, 12]. Весьма активны взаимные связи и мировые контакты двух наиболее влиятельных языков современности — русского и английского, что объясняется их особой ролью в современном обмене информацией. Разумеется, сегодня далеко не 90% публикаций выходит на западных языках, вопреки мнению Дж. Уотмоу [272, 62]: на долю СССР приходится до 20% мирового количества публикаций, где — особенно в области науки и техники — многое издается на русском языке, на долю США и Великобритании — около 50, ГДР и ФРГ — 5—10, Франции 5%. Понятно, что влиятельность русского и английского языков с их авторитетом и активностью очень велика в изоглоссах интернационализмов.

ГЛАВА 2. СООТНОШЕНИЕ ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОБОЛОЧЕК ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ

§ 45. Идентификация интернациональных слов в устной форме. § 46. Узнаваемость интернациональных слов в письменной форме. § 47. Соотношение морфологических структур интернационализмов. § 48. О «грамматике» интернациональных слов. § 49. Морфологические расхождения в международной лексике.

§ 45. В отличие от случайных лексических совпадений интернационализмы бывают представлены в словарях языков более или менее большими слоями, и поэтому в их звучании в разных языках на-

мечаются определенные закономерные звуковые соответствия. Если в когнатах соответствия характеризуются прежде всего регулярностью, то здесь они обязательно проявляются также в фактическом сходстве хотя бы части звуков в словах.

Сходство звуков отнюдь не означает полного совпадения. Как отмечалось выше*, для существования интернационализмов не требуется фонологического тождества. В частности, в русском, английском, немецком и французском языках системы фонем различаются как в количественном (6 гласных и 35 согласных в русском при 20 гласных и 24 согласных в английском, 15 гласных и 25 согласных в немецком, 17 гласных и 20 согласных во французском), так и в качественном отношении. Сходства и различия характеризуют фонологические противопоставления, состав фонем, позиционные варианты фонем и т. д. Это не мешает сходству до степени отождествления, например, многих согласных звуков в этих языках (ср. русские звуки [Б, П, В, Ф; Д, Т, Г, К, З, С, М, Н, Р] и соответствующие звуки остальных трех языков).

Отождествление сходных согласных сказывается в том, что при заимствовании иноязычного материала именно согласные звуки последовательно заменяются похожими русскими звуками [178, 691]. Колебания проявляются в случаях соответствия одного звука двум сходным типам [g] и [h] в западноевропейских языках** при одном русском [g] (А *hydrolysis* [h-], Н *Hydrolyse* [h-], Ф *hydrolyse* [-] — Р *гидролиз* [g-] и А *gas* [g-], Н *Gas* [g-], Ф *gaz* [g-] — Р *газ* [g-]) и различных вариантах [l] в западноевропейских языках при двух сходных русских звуках [l] и [l'] (А *laboratory*, Н *Laboratorium*, Ф *laboratoire* — Р *лаборатория* [-l-] и А *astrolabe*, Н *Astrolabium*, Ф *astrolabe* — Р *астролябия* [-l'-]).

Иного характера колебания в соответствиях вызываются историко-лингвистическими причинами (различиями источников и периодов заимствований, стереотипов звукового оформления заимствований) или чисто фонетическими причинами (различиями в условиях, в которых встречаются те или иные звуки). Например, в соотношении звучания слов греческого происхождения сказывается различие старейших путей их проникновения в русский, английский, немецкий и французский языки, борьба греко-византийского и латинского звуковых стереотипов и иногда образование смешанных византийско-латинских форм в русском языке [140, 7—9]

* См. § 18.

** Специфично положение французского языка с *ergo h aspirée* и *h muette*, из которых первый является фактом орфографии, а не фонетики, а второй сказывается лишь на произношении предыдущего слова и артикля.

при ориентации западных языков на латинский стереотип (соответствия типа Р *дифирамб* [-f-] — А dithyrambus [-θ-], Н Dithyrambe [-t-], Ф dithyrambe [-t-], Р *алфавит* [-v-] — А alphabet [-b-], Н Alphabet [-b-], Ф alphabet [-b-], Р *исторический* — А histor'ical [h-], Н historisch [h-], Ф historique [-]). Различиями в законах сочетаемости фонем объясняются усложненные соотношения типа Р [g], Н [g] — А [g], [dʒ], Ф [g], [ʒ], где второй вариант встречается в позиции перед гласными переднего ряда.

Таким образом, соотношение согласных звуков в интернациональных словах часто оказывается далеким от однозначности: Р [v] — А [v], [b], [w], Н [v], [b], Ф [v], [b]; Р [g] — А [g], [h], [dʒ], Н [g], [h], Ф [g], [-], [ʒ]; Р [ʒ] — А [dʒ], [ʒ], Н [ʒ], [j], Ф [ʒ]; Р [z] — А [s], [z], [ʃ], [ʒ], Н [z], [ts], Ф [z]; Р [s] — А [s], [z], [ʃ], Н [s], [z], Ф [s]; Р [k] — А [k], [s], Н [k], Ф [k], [s]; Р [f] — А [f], [θ], Н [f], [t], Ф [f], [t]; Р [x] — А [k], [h], Н [h], [ç], [k], Ф [k], [ʃ], [-]; Р [t] — А [t], [θ], Н [t], Ф [t]; Р [ts] — А [s], [ʃ], [z], Н [ts], Ф [s], [z] и т. д.

Еще более сложны соответствия в области гласных, в первую очередь в русском и английском языках: здесь проявляется ряд особенностей, противопоставляющих английское произношение «континентальному» произношению языков Европы. Так, Р [a] соответствуют А [æ], [ɔ], [ɜ:], eɪ, [ə], сочетание звуков Р [aɪ] — А [ɑ:], [ɔ:]; Р [i] — А [ɪ], [i:], [e], [aɪ], Р [ʊɪ] — А [ə:]; Р [e], в частности сочетание [je] — А [e], [i:], [ɪ], [ə], [eɪ], Р [jeɪ] — А [ə:], [ə]; Р [o] — А [ɔ], [ə], [ou], Р [oɪ] — А [ɔ:], [ə]; Р [u], в частности сочетание [ju] — А [ju:], [u:], [ʌ], [ju], Р [ʊɪ], [jʊɪ] — А [ɔ:], [ə:]. Это делает узнавание интернационализмов в их английском звучании затруднительным [4, 96], хотя возможность идентификации в известной мере сохраняется.

В общем не мешают отождествлению интернационализмов и значительные расхождения в их акцентуации: в соответствии с постоянным ударением французского языка на последнем слоге в европеизмах остальных трех языков встречаются значительные колебания, в частности, объясняемые борьбой своих и иноязычных акцентуационных стереотипов, встречается вариантность ударений, наблюдаются сдвиги в ударении в отдельных интернационализмах и целых группах слов.

Наиболее существенно для узнавания интернациональных слов наличие регулярных соответствий и сходства звуков в основе или корне. Особую роль играет сходство согласных, так как именно они в первую очередь связаны с передачей значения в слове [117,

354—384]. Расхождения и несопоставимость отдельных звуков часто компенсируются, так как слово воспринимается не как набор звуков, а как единое целое, причем различительная сила тем больше переходит от качества отдельных звуков к их количеству, чем больше их количество в слове.

§ 46. Бóльшая степень сходства интернациональных слов именно в письменной, а не в устной форме является общим правилом. Она свойственна и интернационализмам русского, английского, немецкого и французского языков, хотя в первом орфографическое оформление международной лексики часто оказывается специфичным сравнительно с западноевропейскими языками. Исторически такое отклонение русских слов от аналогичных слов остальных трех языков объясняется, прежде всего, тем, что русский язык обычно транскрибирует заимствуемые слова, тогда как в западноевропейских языках заимствуемые слова транслитерируются*, что нередко ведет к их буквальному совпадению в ряде языков. Такое совпадение действительно лишь в письменной форме речи**: так, если русскому суффиксу —ция во множестве слов закономерно соответствуют суффиксы с общим написанием —tion в английском, французском и немецком языках, то в устной речи соответствия окажутся различными: [-s(ə)n], [-s'j̃] и [-tsjo:n]. При этом все сопоставляемые языки отличаются и по степени фонетичности письма: наиболее фонетична русская орфография, обеспечивающая для 90% слов связь написания с произношением, затем следует немецкая, французская и, наконец, английская.

Расхождения письменных форм интернационализмов в русском, английском, немецком и французском языках связаны не только с расхождениями передаваемых на письме звуковых оболочек слов, но и разными принципами передачи сходных звуков. Сказываются, в частности, особенности написания слов иностранного происхождения, усложняющие орфографические системы языков. Так, в русском языке при написании слов иноязычного происхождения [o] после [ʒ], [ʃ] передается через o, при передаче [e] сложно соотносятся буквы e и э сочетание [jo] в начале слов передается через йо, неударенные согласные звуки в ряде случаев — удвоенными согласными буквами и пр. В английском наряду с обычными пра-

* В немецком языке транслитерация в ряде случаев сочетается с транскрипцией.

** Ср. обыгрывание этого обстоятельства в англо-французском плакате в одном из кинотеатров Монреаля в августе 1967 г.: «Soviet Films Festival du Cinéma Soviétique», где слово Festival, входя в английский текст, звучит как [ˈfestəvəl], во французском же — [festival].

вилами орфографии отмечается передача [i] через у в закрытом слоге и через е в конце слова, [(j)u:] — через eu, [i:] — через oe и ae, [ou] — через au, eau, [f] — через ph, [r] — через rh, [s] — через sc, [ʃ] — через ch, [k] — через ch и т. д. В немецком встречается передача звука [y:] через u, [f] — через ph, [r] — rh, [t] — th, [s] — c, ç, [k] — c, ch, qu, [ʃ] — ch, [tʃ] — c, [v] — v и пр. Во французском в иноязычной лексике в ряде слов [i] передается через у, [s] — через sc, [f] — ph, [r] — rh, [t] — th и пр. Многие из подобных отклонений, вызывая трудности при внутриязыковом подходе, оправдывают себя именно в межъязыковом плане, сближая языки общими способами передачи сходных звуков на письме в пределах некоторых групп интернационализмов.

Синхроническое сопоставление написания интернациональных слов в рассматриваемых языках доказывает существование сложной системы регулярных соответствий, охватывающих либо любые интернационализмы, либо лишь отдельные их группы. В частности, если русским буквам а, э(е) преимущественно соответствуют именно а, е в западноевропейских языках, то Р и соответствуют А, Н, Ф i, у, Р о — Ао, au, eau, Н о, au, Ф о, au, eau, Р у(ю), — А u, oo, ou, Ну, Фи, он. В области согласных почти постоянны соответствия б — b, д — d, м — m, н — n, л — l, но более сложны соотношения Р в — А v, w, b, Н v, w, b, Ф v, b, w, Р г — А g, gu, gh, h, Нg, gh, h, Ф g, gu, gh, h, Р ж — А Н Ф ge, j, Р з — А Н Ф s, z, Р к — А c, qu, k, ck, ch, Н k, ck, c, Ф c, qu, k, Р т — А Н Ф t, th, Р р — А Н Ф r, rh, Р ф — А Н Ф f, ph, th, Р х — А h, kh, ch, Н ch, h, Ф h, ch, Р ш — А ch, sh, Н sch, Ф ch и др. Специфические способы передачи звуков реализуются в определенных типах слов (гречизмах, латинизмах, галлицизмах, англицизмах, хотя эксплицитные сведения об их происхождении не обязательны для всех носителей языка).

Дело осложняется тем, что даже орфографические совпадения интернациональных слов в одних языках сталкиваются с расхождениями в других: например, диграфы ph, th сближают французский язык с английским и немецким, но отрывают его от остальных романских языков; удвоение согласных в интернационализмах русского языка сближает этот язык (хотя и непоследовательно) с английским, немецким и французским языками, но противопоставляет его остальным славянским языкам.

Тем не менее, подавляющее большинство интернационализмов в письменной форме достаточно легко отождествляется в разных языках благодаря комплексности их восприятия и достаточности

узнавания лишь общего контура, а не всех деталей слова. В целом в соотношении сходства письменной и устной форм интернациональных слов русского и остальных трех языков намечаются три основных возможности: 1) слова легко отождествляются в устной и письменной форме (таковы Р *миллион* [м'ил'ио́н] — А *million* ['miljən] — Н *Million* [mi'ljɔ:n] — Ф *million* [miljɔ̃]); 2) слова отождествляются преимущественно или только в письменной форме (таковы Р *бюджет* [б'уджэт] — А *budget* — ['bʌdʒɪt] — Н *Budget* [by'dʒe:] — Ф *budget* [bydʒɛ] или Р *горизонт* [гър'изонт] — А *horizon* [hə'raɪzn] — Н *Horizont* [ho-ri'tsɔnt] — Ф *horisont* [ɔ̃ʁizɔ̃]); 3) слова сходны между собой преимущественно или исключительно в устной форме (таковы Р *фойе* [фојэ] — А *foyer* ['fɔɪeɪ], Н *Foyer* [foa'je:], Ф *foyer* [fwajɛ]). В сопоставляемых языках интернационализмы, как правило, относятся ко второй и первой группам.

§ 47. Возможность закономерных соответствий и сходства интернациональных слов в устной и/или письменной форме нередко связана с существованием параллелизма в морфологических структурах этих слов. Параллелизм обычно бывает лишь частичным, так как в каждом языке структура интернационализмов может иметь особенности независимо от того, сочетают ли слова интернациональные и специфические элементы или полностью состоят из интернациональных морфем. Исторически расхождения объясняются неизбежной спецификой словообразования в каждом языке, разной степенью точности передачи прототипов интернационализмов (если таковые имелись), разными стереотипами словообразовательного оформления заимствуемых слов и образования производных от них.

Некоторые различия в морфологических структурах, если они не ведут к звуковому (письменному) несхождению слов, не мешают отождествлению полилексем. Такие различия относятся к мотивировке, т. е. вторичным, необязательным характеристикам знака. Как в пределах одного языка нормально функционируют знаки, немотивированные для всего языкового коллектива или мотивированные только для части людей (специалистов, полиглотов), так и при двуязычии знаки двух языков могут отождествляться независимо от расхождений в морфологической мотивировке (resp. структуре).

Вместе с тем, в целом интернационализмам свойственны соответствия в морфологических структурах. Это может быть тождество, как в словах с непроемной основой и нулевой флексией (типа

Р парк, А park, Н Park, Ф parc, Р *animum*, А appetite, Н Appetit, Ф *appétit* и мн. под.). Но уже наличие флексии (суффикс-флексии) привносит расхождения: так, многим английским, немецким и французским существительным без окончания в русском соответствуют слова с флексией — *a* (типа Р *астра*, А *aster*, Н *Aster*, Ф *aster*, Р *норма*, А *norm*, Н *Norm*, Ф *norme*). Наконец, словам с непронизводной основой с флексией или без нее может соответствовать слово с суффиксом (например, Р *импульс*, А *impulse*, Н *Impuls*, Ф *impulsion*). Членимость может меняться, что не меняет идентификации слов: так, она возникла в русских существительных на *-a*, иноязычные соответствия которых часто не членятся (Р *драма*, А *drama*, Н *Drama*, Ф *drame*, Р *кобра*, А *cobra*, Н *Kobra*, Ф *cobra*).

Несомненно существование соответствий в словах с производной, с точки зрения синхронии языка, основой. И здесь они далеко не всегда означают тождество: последовательности морфем в слове может соответствовать в слове другого языка сходная по звучанию (написанию) нечленимая часть слова. Кроме того, в производной основе могут встречаться неинтернациональные элементы (обязательна интернациональность только корня и префиксов). Наличие в слове одного-двух специфических суффиксов не мешает ему функционировать как интернационализму, если эти специфические суффиксы регулярно соотносятся с суффиксами других языков в определенном классе слов (ср. Р *электричество*, А *electricity*, Н *Elektrizität*, Ф *électricité*, Р *гуманность*, А *humanity*, Н *Humanität*, Ф *humanité*).

Специфика суффиксального оформления неодинакова в трех основных частях речи, к которым принадлежит подавляющее большинство интернационализмов сопоставляемых языков: в существительных она может отсутствовать, но она неизбежна в прилагательных и глаголах. Картина английского языка осложняется словообразованием по конверсии в многочисленных случаях типа *absolute* «абсолют» — *absolute* «абсолютный», *asphalt* «асфальт» — *asphalt* «асфальтировать» или более редких типа *code* «код» — *code* «кодовый» — *code* «кодировать», *bronze* «бронза» — *bronze* «бронзовый» — *bronze* «бронзировать». В русском языке прежде всего прилагательным и глаголам (и производным от них) свойственно сочетание суффиксов со своеобразными интерфиксами, лишенными самостоятельного значения и отражающими ориентацию на звучание аналогичных слов французского, немецкого и английского языков. Так возникают элементы, представляющие собой сплав русского суффикса с иноязычным, вроде *-альн-*, *-ональн-*, *-уальн-*, *-абельн-*, *-озн-*, *-арн-*, *-ивн-*, *-(и)онн-* и пр. [142, 56].

Соответствия в структурах производных слов касаются, в частности, интернациональных суффиксов при интернациональных же основах. Таковы в пределах имен существительных Р -ист-, А -ist, Н -ist, Ф -iste, Р -изм, А -ism, Н -ismus, Ф -isme, Р -ци(я), А -tion, Н -tion*, Р -ация, -яция(я), А -ation, Н -ation, Ф -ation, Р -иция, А -ition, Н -ition, Ф -ition, Р -уци(я), юци(я), А -ution, Н -ution, Ф -ution, Р -изаци(я), А -ization, Н -isation, Ф -isation, Р -фикаци(я), А -fication, Н -fikation, Ф -fication, А -енци(я), А -енце, енсу, Н -enz, Ф -ence, анце и мн. др. Вероятность данных соответствий достаточно высока, хотя в каждом языке встречаются единичные и групповые отклонения от них наподобие отсутствия интернационального суффикса (А clericatist — Р клерикал, Н Klerikal, Ф clérICAL; А anatomist, Ф anatomiste — Р анатом, Н Anatom; Р калькуляция, А calculation, Н Kalkulation — Ф calculs), смешения рядов интернациональных суффиксов (Р автоматизация, А automation, Н Automatisierung, Automation, Ф automatisisation, automation (англицизм), разноречие в суффиксах (Р плагиатор, А plagiarist, Н Plagiator, Ф plagiaire). С аналогичными оговорками можно говорить и о параллелизме специфических суффиксов в интернациональных словах: таковы, например, ряды соотношений типа Р — (н)ость, А — ity, Н — ität, Ф — ité, (в частности Р — ичность, А — icity, Н — izität, Ф — icité), изредка также Р — (н)ость — А — ance, ence, Н — anz, enz, Ф — ance, ence. Впрочем, вероятность соответствий здесь ниже: ряды нарушаются появлением иных суффиксов или даже отсутствием параллельных слов (типа Р революционность, А revolutionism, Н Revolutionarismus, Ф esprit révolutionnaire).

Одним из проявлений перебоев в рядах морфемных соответствий является вариантность слов, распространенная среди интернационализмов в результате возможного заимствования сходных слов из разных источников, а также самостоятельного создания их по разным моделям [ср. 18, 192—230; 167]. Она может характеризовать единичные слова (типа Р матраc—матрац, бивуак—бивак), что иногда ведет к колебанию языка между структурными подражаниями изоглоссы, может охватывать группы однородных слов (типа ряда русских прилагательных на -ичный, -ический, -(т)ивный, -иционный, глаголов на -изировать—изовать и т. д.) или отражать территориальное варьирование языка (как в А alumi-

* В немецком языке параллельно с -tion, -ation, -ition, -isation, -fikation в значении процесса действия употребляются -ierung, -isierung, -fizierung, присоединяемые к тем же основам (напр., Organisation — Organisierung см. [157, 175]).

nium — aluminum, candidature — candidacy, telegraphist — telegrapher, где вторые формы являются американизмами).

В интернациональных сложных словах обязательно совпадают состав интернациональных компонентов (утрата этого признака ведет к потере качества интернациональности: ср. Р *авиатехника* — А *aerotechnics*) и характер связи компонентов. При этом порядок компонентов может расходиться, а сложным словам могут соответствовать устойчивые сочетания слов (ср. Р *генерал-майор*, А *major-general*, Н *Generalmajor*, Ф *général major*; Р *генеральный директор*, *генерал-директор* (ж.-д.), А *director-général*, Н *General-direktor*, Ф *directeur général*).

Выше отмечалась необязательность совпадения членности слов в качестве условия их отождествления как интернационализмов, для которого важна близость произношения (написания) отрезков слова и всего слова в целом. Так, существенно не то, что суффикса — *e* в словах типа Р *атташе* не существует (это чисто этимологический элемент: ср. [178, 710] в отличие от Ф — *é* в *attaché*, а то, что одинаковое звучание также и этого участка в словах делает их легко идентифицируемыми. Впрочем, по мере распространения интернациональных слов одного типа их морфологическая членность сближается в разных языках.

§ 48. Современное сближение ареалов интернационализмов ведет к появлению в языках значительных групп структурно неоднородных интернациональных слов. Однако основная масса наиболее характерных для каждого ареала интернационализмов (для европейских языков и языков народов СССР это прежде всего греко-латинизмы и частично новоязычные «европеизмы») везде отличается сходными в разных языках закономерностями в структурно-морфологическом и словообразовательном аспектах. Изучение таких закономерностей в строении иностранных слов русского языка привело Н. В. Юшманова к созданию его «грамматики иностранных слов». Здесь были описаны латинские и греческие словообразовательные элементы и перечислены корни, лежащие в основе классических и неоклассических международных терминов, намечены пути соотношения семантики исходных корней и производных международных слов, показана роль остатков иноязычной грамматики в оформлении современных терминов.

Установка грамматики Н. В. Юшманова на восстановление этимологической структуры иностранных языков с целью объяснить читателям словаря причины выбора той или иной формы слов для передачи определенных значений предопределила преобладание в этом справочнике этимологического анализа и определение

элементов с точки зрения языков-источников. Поэтому в качестве реальных морфем, участвующих в словообразовании международной терминологии здесь иногда приводятся как уникальные корни («радиксоиды») и уникальные аффиксы, так и элементы, вообще не существующие в современном русском языке (напр., корни *ампл* «обширный», *белл₁* «война», *белл₂* «красивый», суффиксы *-ет* в *билет*, *кабинет*, *-от* в *камлот*, *напильотка* и т. д.)*.

Понятно, что «грамматика» интернационализмов, т. е. описание словообразовательных элементов интернациональных слов как части лексики современного языка, не может полностью совпасть с «Грамматикой иностранных слов». Последняя в большой мере универсальна для европейских языков, первая отражает несколько различные системы основ аффиксов и моделей, действующие в пределах фондов интернационализмов каждого языка. «Грамматика» интернациональных слов основана на словообразовательном анализе таких слов и включает как международные, так и специфические морфемы, регулярно соотносимые с морфемами интернационализмов других языков. В наиболее узком понимании она включает только продуктивные морфемы, которые встречаются и не в заимствованных словах. Таким образом, явления оцениваются здесь с точки зрения синхронии данного литературного языка.

И все же между «грамматикой» интернационализмов и «грамматикой иностранных слов» существуют живые связи в области специальной терминологии, к которой нельзя подходить только с позиции среднего носителя литературного языка. Наряду с этой наиболее массовой точкой зрения приходится учитывать и подход специалистов, по-иному, часто с ориентацией на язык-источник, членящих термины. Так, чисто этимологические для говорящей массы в целом корни типа *артр* «сустав», *гепат* «печень», *крани* «череп», *лакт* «молоко» и пр., упоминаемые Н. В. Юшмановым, понятны и вычленимы для медика и биолога; *вел* «мягкое небо», *дент* «зуб», *палат* «твердое небо», *увул* «язычок» и пр. понятны и вычленимы как для медика, так и для лингвиста. Немотивированные в литературном языке термины оказываются мотивированными в ряде терминологий. Например, в биологии сейчас столкнулись

* Хотя «Грамматика иностранных слов» Н. В. Юшманова повлияла на описание иноязычных словообразовательных элементов в работах по русскому языку, очевидна тенденция к постепенному преодолению этимологического подхода к этим элементам (ср. сокращение их списков в работах В. В. Виноградова, начиная с книги «Русский язык», М.—Л., 1947, и в позднейших исследованиях других авторов).

распространенный термин для обозначения одноклеточных организмов *протозоа* (гр. πρῶτος «первый» и ζῷον «животное») с более старым, введенным в 1870 г. Э. Геккелем, термином *протист* (гр. πρῶτιστος «самый первый»): первый все более вытесняется как неприменимый из-за своей мотивировки к «растительным» одноклеточным организмам*. Устанавливается иерархия: *протист* — общий термин, *протозоа* — название одноклеточных — «животных», *протофит* (гр. πρῶτος и φυτόν «растение») — название одноклеточных — «растений». При этом любые списки терминологических элементов греко-латинского происхождения (Н. В. Юшманов приводит их около тысячи) не являются исчерпывающими, так как пополняются по мере надобности. Например, в биологии одноклеточных наряду с образованием терминов из уже принятых корней в роде *аутоτροφ*, *гетеротроф*) применяются — с терминологизацией значений — прямые заимствования из греческого (вроде *амеба* — ἀμοιβή «изменение»), реже — из латыни (вроде *флагеллят* — flagellatus «снабженный бичом»), сложения вроде *книдоцист* — гр. κνίδη «крапива» и χόδτις «пузырь»), собственные имена классических и новых языков (вроде *стентор* — от имени гомеровского Стентора, *лейшмания* — от фамилии английского ученого У. Лейшмана) и т. д.

Терминоэлементы классического происхождения имеют в определенной мере агглютинативный характер: они соединяются главным образом при помощи механического сложения с использованием соединительных гласных (интерфиксов) или без них. Такие элементы могут употребляться в пределах только одной терминологии или в составе разных терминологий. Так, корни типа *ацет*, *карб(он)*, *нитр*, *сульф* и пр. встречаются в химии и смежных науках. Морфемы, передающие значения чисел, несколько более универсальны (*уни*-, *ди*-, *би*-, *три*-, *тетра*-, *квадри*-, *пента*-, *квинива*-, *гекса*-, *секст*-, *гепта*-, *септ*-, *окто*-, *эна*-, *нона*-, *дека*-, *деци*- и пр.), хотя все же, например, музыкальная терминология ориентируется здесь на латинские морфемы, а химическая — на греческие.

Такого рода терминоэлементы передают простейшие значения (своеобразные семантические множители), из суммы которых в каждом случае складывается мотивировка термина. В соответствии

* В терминологиях других наук к противоречию этимологической структуры иноязычного термина с его современным значением относятся терпимее: ср. атом «мельчайшая частица химического элемента, обладающая сложной структурой (и, следовательно, делимая далее)», — гр. ἄτομος «неделимый».

с русскими основами с аналогичным значением нередко встречаются два, иногда — три и четыре терминоэлемента: напр., *белый*—*альб* (лат.) и *лейк* (гр.); *вода*—*акв* (лат.) и *гидр* (гр.); *камень* — *лапис*, *лапид* (лат.), *лит* (гр.), *петр* (гр.-лат.); *твердый* — *дур* (лат.), *склер* (гр.), *стере* (гр.), *фирм* (лат.) Это объясняется неполным совпадением объема значения русской и иноязычных основ, использованием разных основ в различных подъязыках, разной степенью выделяемости классических терминоэлементов в современных языках.

Наиболее распространены и относительно общепонятны в русском литературном языке основы чисто агглютинативного типа классического и неоклассического происхождения («блоки»), способные образовывать интернациональные сложные слова*, сочетаясь друг с другом. Подобные слова являются самыми явными и давно признанными интернационализмами языков Европы. Большинство блоков употребляется лишь препозитивно: напр., *авто-*, *агро-*, *ангио-*, *антропо-*, *архео-*, *астро-*, *аэро-*, *баро-*, *библио-*, *био-*, *вибро-*, *видео-*, *гальвано-*, *гастро-*, *гекто-*, *гео-*, *гетеро-*, *гигро-*, *гидро-*, *гипо-*, *гисто-*, *еомо-*, *грави-* *графо-*, *демо-*, *деамато-*, *зоо-*, *-изо*, *иконо-*, *ионо-*, *историо*, *ихтио-*, *калори-*, *карбо-*, *кардио-*, *карто-*, *катодо-*, *кило-*, *крипто-*, *лакто-*, *лито-*, *магнето-*, *макро-*, *мега-*, *мезо-*, *метро-*, *микро-*, *моно*, *невро-*, *нео-*, *нитро-* и мн. под. Этот первый класс блоков особенно легко может быть пополнен новыми основами, главным образом из греческих корней с интерфиксом. Например, с началом полетов человека в космос в русском языке активизировались или появились основы: *астро-*, *гелио-*, *космо-*, *плането-*, *селено* [143, 294—296]. Блоки, употребляющиеся в постпозиции, образуют второй, ограниченный, но потенциально также открытый класс: *-биоз*, *-бус*, *-гамия*, *-ген*, *-генез*, *-гнозия*, *-гония*, *-грамма*, *-граф*, *-графия*, *-дром*, *-лит*, *-лог*, *-логия*, *-ман*, *-мания*, *-метр*, *-метрия*, *морфизм*, *-навт*, *-навтика*, *-олеум(-оль)*, *-пат*, *-патия*, *-патолог*, *-план*, *-скоп*, *-скопия*, *-стат*, *-типия*, *-тон*, *-фаг*, *-фил*, *-филия*, *-фит*, *-фоб*, *-фобия*, *-фон*, *-фор*, *-цид*, *-цит* и т. п. У таких элементов отмечается тенденция к переходу в суффиксы, прежде всего у морфем *-лог* и *-логия* [66, 73].

Блоки первого класса могут сочетаться как с постпозитивными блоками, так и с иными интернациональными основами (ср. *география* и *геоботаника*, *геоботанический*). Их участие придает

* Сложный характер таких слов ощущается в разной степени, во-первых, в разных группах слов, а во-вторых, в зависимости от уровня общего и лингвистического развития говорящего.

слову вид явного европеизма, не нуждающегося в переводе, а передаваемого простой перекодировкой — подменой блоков (основ) в иностранном звучании и написании принятыми в данном языке формами блоков (основ), хотя фактически такие слова не всегда получают интернациональное распространение. Сочетание блоков с неинтернациональными основами ведет к неинтернациональному характеру слов, во всяком случае в языках Европы (напр., Р *гидрокрыло*, *туманограф*).

Тем более маловероятна интернациональность слов, включающих выделившиеся в отдельных языках из интернационализмов квазинтернациональные блоки типа *-тека* (ср. Р *картотека* и Н *Kartothek* при *Kartei* с тем же значением — А *card index*, *card catalogue*, Ф *fichier*).

Сравнительно широко понятны в литературном языке интернациональные префиксы: *а-*, *анти-*, *архи-*, *вице-*, *гипер-*, *де-/дез-*, *дис-*, *квази-*, *контр-*, *пан-*, *про-*, *прото-*, *псевдо-*, *ре-*, *транс-*, *ультра-*, *экс-*, *экстра-* и нек. др. Особенно отчетливо выделяются и активно употребляются в русском языке советской эпохи префиксы *анти-*, *архи-*, *гипер-*, *де-*, *контр-*, *супер-*, *ультра-*, одной из основных причин чего признается «обостренное взаимодействие русского языка с другими европейскими языками», в которых параллельные приставки широко употребительны [143, 169].

Среди суффиксов интернациональных слов в русском языке преобладают интернациональные морфемы, правда, нередко непродуктивные, а иногда даже имеющие уникальный, резидуальный характер [ср. 120, 29] — «суффиксоиды», по терминологии А. А. Реформатского. Кроме того, в данного рода словах встречаются национально-специфические суффиксы, наличие которых снижает степень интернациональности формы слов, но в основном не мешает билингам идентифицировать их с омологичными полилексемами. В ряде случаев представлены варианты суффиксов — слияния с интерфиксами, восходящими к передаваемым с различной степенью точности суффиксам языков — источников (как в суффиксоидах: *-лезец*, *-лезск-* в *тоголезец*, *конголезец*, *тоголезский*, *конголезский*, в суффиксах типа *-абельн-*, *-альн-*, *-ональн-* и т. п.).

К суффиксам интернациональных существительных мужского рода со значением лица относятся* *-ал*, *-ан*, *-ант/ент*, *-ар*, *-арь*, *-ат*, *-атор/-итор*, *-ор/ёр/-ер*, *-ет*, *-ец*, *иот*, *-иатр*, *-ик*, *-ир*, *-ист* и пр., женского рода — *-есс (а)*, *-ис(а)*. К суффиксам су-

* Все морфемы приводятся в письменной форме.

существительных мужского рода со значением предметности относятся: *-ант/ент*, *-арий*, *-орий*, *-ат*, *-атор/-тор/-ор/-ёр/-ер*, *-ин*, *-ир*, *-ит*, *-ад*, *-оид*, *-он*, *-трон* и пр., женского рода: *-ад(а)*, *-и(я)*, *-ур(а)*, *-ерк(а)*. Вычленяется также ряд суффиксов существительных со значением отвлеченности: у существительных мужского рода: *-аж*, *-ант*, *-оз/-ез*, *-изм*, *-итет*, женского рода: *-иад(а)*, *ур(а)*, *-из(а)*, *-иан(а)*, *-ичность*, *-ик(а)*, *-аци(я)/-енци(я)/-ици(я)/-ци(я)/-й(я)*, *-ость* (*в-ональность*, *-уальность*).

К суффиксам интернациональных прилагательных в русском языке относятся: *-абельн-*, *-н-*, *-ск-*, часто в сочетаниях: *-альн-*, *-анск*, *-арн-(я)*, *-ивн*, *-ическ*, *-ационн-*, *-иальн*, *-ионн*, *-истическ*, *-истск*, *-ичн*, *-озн*, *-оидальн*, *-оидн*, *-ональн*, *-онн*, *-орн*, *-уальн*, *-урн*, *-ционн*, и др. В интернациональных глаголах встречаются суффиксы: *-изирова*, *-изова*, *-ирова-*, *-ова-*, *(-ева)*, *-фицирова*, в наречиях суффиксы *-и*, *-о* в сочетаниях: *-истически*, *-истски-*, *-ически*, *-ично*.

Лишь часть подобных суффиксов продуктивна в общелитературном языке. Таковы суффиксы существительных: *-аж*, *-ант*, *-ат*, *-аци(я)* (*-яци(я)*), *-ор/-ёр*, *-изм*, *-ик*, *-ист*, *-ит*, *-онер*, *-тор*, *(-атор*, *-итор)*, *-ур(а)*, *-фикаци(я)* (*-ификаци(я)*). Правда, в пределах терминологий имеются и иные интернациональные продуктивные суффиксы типа системно противопоставленных *-ан*, *-ен*, *-ин*, *-ал(ь)*, *-ол(ь)*, *-он*, *-аз(а)*, *-азин*, *-азоль*, *-ат*, *-ид*, *-ил*, *-илен*, *-ит*, *-оз(а)* и др. в химии [178, табл. V]. Многие же суффиксы непродуктивны и вычленяются (позволяя расценивать соответствующие слова как производные) только в результате появления в языке значительных групп заимствований, относящихся к одинаковым словообразовательным рядам. Здесь по сути имеет место не словообразование, а словообразовательное освоение взятого в целом или полукалькированного иноязычного слова. Нередко, однако, впоследствии по аналогии к таким производным строятся новые однокорневые слова, что ведет к активизации корней и аффиксов.

«Так на материале интернациональных слов развивается особая система словообразования, в основном — тоже интернациональная, хотя и представляющая известные различия национального характера» [79, 194]. Действительно, в английском, французском, немецком и многих других языках мы встречаем интернациональные морфемы, соответствующие многим русским. Регулярность таким соответствий относительна, что ведет к частичным расхождениям

морфологических структур полилексем и словообразовательных гнезд интернационализмов [ср. 4, 108—109].

§ 49. Интернациональные слова в языках Европы относятся преимущественно к трем частям речи: в пределах общелитературной интернациональной лексики русского, английского, французского языков до 76% существительных, до 18 прилагательных, около 5 глаголов и всего около 1% приходится на долю причастий, наречий и междометий. Здесь сказывается общая закономерность заимствования слов: существительные всегда перенимаются легче, чем прилагательные и глаголы (122, 35)). Существуют и типологические ограничения: производным прилагательным русского языка не всегда соответствуют прилагательные в остальных трех языках в связи с возможностью выражения атрибутивных отношений существительным в английском и еще в большей мере — во французском языке и с широким использованием определительных сложных существительных в немецком. Вместе с тем ряду производных глаголов и наречий английского языка соответствуют в остальных языках глагольные и адverbиальные обороты. Особенно редки и ограничены рамками немногих языков случаи интернациональности междометий: она иногда проявляется в распространенных в новое время из одного источника словах типа *Р алло!* *A hullo! hello! H hallo! Ф allo!; Р стон!* *A stop! H stopp! Ф stop!; Р гон!* *гон-ля!* *A hoop-la! H hopp! hoppla! Ф hop! hop-la!*, тогда как более «первичные» восклицания обычно специфичны (ср. даже *Р ай!* (оклик) *A hi! H he! holla! Ф ohé!* и за пределами Европы кор. *йэбо!* кхмер. *ao! hay!* тамиль. *aṭā! rā!* (простореч.), малинке *o! le!* (после имени) и др.*).

В каждом из языков интернациональные слова, относящиеся к одинаковым частям речи, имеют морфологические особенности. Некоторые из них могут вызывать затруднения и ошибки. Так, имена существительные русского и немецкого языков обладают категорией рода с различением трех родов, во французском языке — двух, английскому языку эта категория не свойственна. Принадлежность полилексем к родам часто расходится, что может вызывать ошибки**, а при повторном заимствовании — вести к возникновению вариантности или изменению форм слова.

* Едва ли правомерно поэтому определение тур. *eu!* как междометия, «собственно не турецкого, а интернационального» [155, 192].

** Неслучайно в специальных переводческих изданиях приводятся списки расхождений в роде интернационализмов (типа испанско-немецких, француско-немецких, итальянско-немецких параллелей, опубликованных Г. Хеншем и А. Бауэром в журнале «*Lebende Sprachen*» в 1959—1961 гг.).

Источником ошибок и затруднений при понимании и употреблении интернационализмов в иностранной речи могут быть и особенности категории числа существительных. Таковы широко представленные в английском языке и спорадически встречающиеся в немецком и французском языках специфические способы образования множественного числа ряда заимствованных слов в частности интернационализмов: эти способы отражают остатки морфологии языков-источников. В английском языке сюда относятся греческие, латинские, частично — французские, итальянские, отдельные русские слова (типа *oasis* — *oases*, *chef d'oeuvre* — *chefs d'oeuvre*); в немецком — греческие, латинские, некоторые французские слова (типа *das Thema* — *die Themata*, *das Epitheton* — *die Epitheta*, *das Porträt* — *die Porträts*); во французском — немногие латинские, английские, итальянские слова (типа *Sanatorium* — *sanatoria*, *carbonario* — *carbonari*). Но эти способы не всегда совпадают в разных языках, во многих словах все чаще множественное число образуется по общим правилам. Русскому языку это явление вообще несвойственно.

Не вполне совпадают в пределах интернационализмов и случаи *pluralia tantum*: например, если *Р* *анналы* соответствуют *A* *annals*, *H* *die Annalen*, *Ф* *les annales*, то *Р* *архив*, *H* *das Archiv* расходятся в числе с *A* *archives*, *Ф* *les archives*.

Названиям ряда наук, употребляемым в русском, французском и немецком языках только в единственном числе, соответствуют в английском полилексемы в форме множественного числа со значением единственного: *linguistics*, *mathematics* (ср. однако, *Ф* *les mathématiques*!), *optics* и т. д.; в переносном значении некоторые из них приобретают значение множественного числа (как *A* *phonetics* «произношение»). Слова типа *athletics*, *gymnastics*, *politics*, *tactics* имеют значение множественного числа только в английском.

Говоря о соотношениях не словарных, а речевых, следует отметить частое употребление французских абстрактных существительных во множественном числе: *les techniques* — «отрасли техники», *les idéologies* — «системы взглядов», *les terminologies* — «терминологические системы» и т. п. [60 262].

Как вообще при соприкосновении языков, так и при идентификации и употреблении интернационализмов наибольшие трудности вызывают не совершенно специфические, а частично совпадающие категории.

ГЛАВА 3. ОБЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В РУССКОМ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 50. Соотношение семантических структур в интернациональной лексике общего значения. § 51. Соотносительность синтагматических значений интернационализмов. § 52. Сочетаемость интернациональной лексики. § 53. Стилистика интернационализмов. § 54. Интернациональная терминология. § 55. Псевдоинтернационализмы и «ложные друзья переводчика»

§ 50. Слова в каких-либо значениях могут быть признаны интернациональными, если они семантически соответствуют друг другу и, будучи отождествлены билингвами, помогают понять текст на чужом языке, в той или иной степени способны выступить в роли переводных эквивалентов друг друга. Нами уже отмечалась [10, 76] неприменимость структурно-типологического подхода к идентификации семантики интернационализмов, так как он приводит к утрате правильной перспективы исследования. В самом деле, например, в русском, английском, немецком и французском языках соотносительные лексико-семантические группы (за пределами терминологий) обычно не изоморфны. Тем не менее, наборы семантических множителей в таких группах в основном совпадают и, несмотря на различные комбинации множителей в значениях слов, большинство полноразличных слов этих языков оказывается в отношениях полной или частичной переводной эквивалентности. В самой общей форме об этом свидетельствуют уже данные двуязычных словарей.

В семантике, как и в остальных аспектах интернационализмов, общность сочетается со спецификой, которая проявляется, между прочим, в семантических структурах слов, в закономерностях переносного употребления слов, в объемах соотносительных значений, системных семантических связях, сочетаемости слов и т. д. Налагая определенные ограничения на смысловые соответствия слов, такие специфические черты нередко, однако, нейтрализуются на уровне текста, в индивидуальной речи билингвов, где полностью проявляется интернациональность слов.

Несмотря на универсальность семантических переносов, обусловленную общечеловеческими психологическими закономерностями, модели потенциальной сочетаемости значений в многоязычных словах в определенной мере различаются в разных языках. Различия

особенно заметны в языках, не находившихся в длительных контактах: так, русскому трудно привыкнуть к некоторым японским моделям переносов значений типа «действие-деятель-орудие действия», «действие — результат действия», моральное или физическое человеческое качество — носитель этого качества» и пр. [ср. 133, 123—131.] В европейских языках тенденции и схемы переносов более близки между собой, но не идентичны. Французский язык с его более ограниченными словообразовательными возможностями чаще использует метафорические и метонимические переносы там, где русский язык создает новые слова. Английскому языку более, чем русскому или немецкому, свойственно совмещение в одной семантической структуре родового и видового значений. Есть специфика и в более частных моделях: например, в русских наречиях, производных от прилагательных, менее регулярно реализуется значение «с точки зрения чего-либо», чем в их английских и французских параллелях типа *A linguistically*, *Φ linguistiquement* «с точки зрения лингвистики»*, что нередко ведет к переводу английских и французских наречий в данном значении не наречием, а словосочетанием; ряд русских существительных — названий специалистов наряду с общим с их западноевропейскими параллелями значением — «ученый в какой-либо области» имеет специфические-разговорно окрашенные значения: «учитель соответствующего предмета в школе» и «студент соответствующего факультета».

Таким образом, различия заключаются как в строении моделей семантических структур, так и в частоте применимости сходных структур в разных языках. Переносное значение в каком-либо конкретном слове одного языка может представляться специфическим с точки зрения сопоставляемых языков, хотя бы им была свойственна та же модель сочетаемости значений. Скажем, в ряду слов *Р авторитет*, *A authority*, *H Autorität*, *Φ autorité* сочетаются значения: «общепризнанное влияние, престиж» и «человек, обладающий таким влиянием», но тот же метонимический перенос в *A toast* «застольное пожелание» — «тот, в честь кого предлагается тост» оказывается неожиданным с позиции остальных трех языков: *Р тост*, *A Toast*, *Φ toast* «застольное пожелание».

Различия семантических структур проявляются и среди интернациональной лексики. Так, интернационализмы классического

* Напр.: «Linguistically their problem was to define what was meant by «Norwegian» (E. Haugen); «C'est déjà l'opinion courante et qui s'énonce toujours comme allant de soi, ne prouvant rien, linguistiquement sans intérêt — qu'il existe une communauté du culture européenne» (L. Leboucher).

и романского происхождения, как правило, более многозначны во французском и английском, чем в немецком и русском языках. В русском языке значительная группа интернациональных слов вообще однозначна (в частности, употребляется только в терминологическом значении), тогда как их французские, английские, а иногда и немецкие параллели имеют, наряду с этим значением по нескольку иных: слова типа *абсорбировать, абсорпция, агония, аккомпанемент, аккомпанировать, аккумулировать, аккумуляция, аппендикс, арранжировать, арранжировка, артикль, аспект, ассамблея, ассоциировать, атаковать* и мн. под. Это связано с разными сроками существования слов в языках, с наличием и употребительностью других слов, передающих значения интернационализма. В русском и немецком языках около 74% слов французского происхождения сократили число значений сравнительно с прототипами до 2—5, а 18% галлицизмов стали однозначными [65, 18—19]. Но в большинстве случаев интернационализмы данных четырех языков многозначны в каждом из них. Развитие значений может происходить в каждом языке независимо: так, 35% галлицизмов развили самостоятельные новые значения в русском языке, 43 — в немецком [65, 18].

Расхождения в неодинаковой степени проявляются в разных типах значений слов. Ниже мы исходим из следующей классификации лексических значений, существующих в бинарных противопоставлениях в семантических структурах слов на оси синхронии: главные и второстепенные, прямые и переносные, предметно-логические и назывные (свойственные собственным именам), фразеологически свободные и фразеологически связанные, грамматически (в частности, конструктивно) свободные и грамматически обусловленные, стилистически нейтральные и стилистически окрашенные, эмоционально нейтральные и эмоционально окрашенные. Понятно при этом, что одно и то же лексическое значение одновременно относится — по разным линиям противопоставлений — к различным типам: скажем, значение «личность» в *Р фрукт* является второстепенным, метафорическим, фразеологическим и синтаксически свободным, стилистически окрашенным (разговорным) и эмоционально окрашенным (негативным).

Сопоставительный анализ семантических структур интернациональных слов в русском, английском, немецком и французском языках показывает, что чаще здесь встречается совпадение главных значений, при расхождениях во вторичных. Это случаи типа *Р багаж*, *A baggage*, *H Bagage*, *Ф baggage*, где основное прямое значение «упакованные вещи для перевозки» объединяет все четыре слова;

специализированные военные значения «возимое имущество» и «обоз» свойственны словам только западноевропейских языков, причем понятны с позиции главного значения; метафорические значения французского и русского языков «запас знаний» также явно связаны с главным, тогда как аффективные переносные значения (Н «сброд», бранное, и А «негодница (о женщине)», шутовское) наиболее специфичны. Совпадение главных значений по содержанию может осложняться различиями в стилистических или эмоциональных окрасках, временными или местными ограничениями в употреблении слов. Так, главное значение слов Р *адвокат* А *advocate*, Н *Advokat*, Ф *avocat* — «защитник на суде», но английское слово употребляется главным образом в Шотландии (ср. *lawyer* и чисто британское *barrister*), а немецкое — в Австрии и Швейцарии (в ГДР и ФРГ оно воспринимается как устарелое, ср. *Rechtsanwalt*).

Более сложны соотношения международных слов, главному (или единственному) значению одного из которых соответствует второстепенное значение другого или в которых совпадают только второстепенные значения. Например, в А *instruction*, Н *Instruktion*, Ф *instruction* с их главным значением «обучение» второстепенным представляется «директива, предписание, указания» (в английском — грамматически обусловленное, только во множественном числе), являющееся единственным в Р *инструкция*. В Р *эзекуция* («телесное наказание» и т. д.), А *execution* («осуществление; исполнение; смертная казнь» и т. д.), Н *Exekution* («смертная казнь» и т. д.), Ф *exécution* («осуществление; исполнение» и т. д.) общим служит второстепенное и специальное значение — «приведение в исполнение судебного приговора (в русском языке — устарелое).

Второстепенные, фразеологически и грамматически связанные, эмоционально окрашенные значения — это область, где преимущественно проявляется национальная специфика семантических структур международных слов. Даже полностью соответствующие друг другу слова типа Р *армия*, А *army*, Н *Armee*, Ф *armée* не всегда проявляются в одинаковых фразеологических связях: Р *служить в армии* буквально соответствует А *to serve in the army*, Н *in der Armee dienen*, но во французском употребляются иные сочетания (*faire son service (militaire)*, *être sous les drapeaux*). Особенно специфичны соотношения эмоционально окрашенных второстепенных значений; так, разговорное негативное значение «человек, личность» в Р *субъект, тип, элемент, фрукт* отнюдь не всегда передается сходными лексемами других языков: А *individual, person, fellow, specimen*, редко *subject*, Н *Subjekt, Element, Kreatur*, Ф *individu, type, personnage* (Р *подозрительный субъект/тип* — А *a suspicious* —

looking fellow /person, a rum customer — Н ein fragwürdiges Subjekt Element — Ф un individu louche). В отдельных случаях фразеологически связанные значения интернациональных слов соответствуют друг другу в ряде языков, если они реализуются в интернациональных же фразеологизмах (типа *крокодиловы слезы*, *перейти Рубикон*). При этом, если слово начинает употребляться в том же значении и за пределами фразеологизма*, то могут возникнуть параллельные ряды соотносительных фразеологически связанных и свободных значений: ср. Р *колосс (родосский)*, А *colossus (of Rhodes)*, Н *Koloß (von Rhodos)*, Ф *colosse (de Rhodes)* «гигант».

§ 51. В реальных ситуациях соприкосновения языков в сознании билингва сталкиваются не семантические структуры (которые нередко неполностью известны говорящему и в родном языке), а синтагматические значения слов в контексте. Именно поэтому велика роль распределения слов в их различных значениях по подъязыкам: например, химики с полным основанием отождествляют значения Р *фосфор*, А *phosphorus*, Н *Phosphor*, Ф *phosphore*, ит. *fosforo*, исп. *fosforo* и т. д., хотя за пределами химических текстов итальянское и испанское слова имеют также значение «спичка», а в поэзии итальянское слово значит «утренняя звезда». Правда, если коммуникация выходит за узкие рамки одной отрасли науки или техники в сферу бытового общения или особенно — художественной речи, многозначность слова и потенции его развития начинают ощущаться: здесь «... слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [51, 14]. Но и в этом случае, если семантические структуры не слишком резко расходятся, билингв может легко усвоить или даже понять без словаря многие несвойственные его родному языку значения интернационализма в чужом языке благодаря наглядности связей с семантическим центром общего для обоих языков значения, универсальности семантических переносов, опоре на контекст и пр.

При сопоставлении синтагматических значений интернационализмов возможны случаи либо полного или частичного совпадения (resp. лишь частичного расхождения) значений, когда слова могут считаться соотносительными, либо полного несоответствия значений, когда может возникать ложная соотносительность. Полные или частичные расхождения значений касаются представленных в них семантических множителей и способов их объединения, что

* См. работу Л. С. Ковтун [102], где дается анализ разных путей развития в русском языке фразеологизмов греко-латинского происхождения.

зависит также от системных связей значений и тесно связано с сочетаемостью слов.

Интернационализмы в соотносительных значениях являются межъязыковыми синонимами и квазисинонимами («идеографическими синонимами»), и поэтому их соотношение может описываться с помощью методики, сходной с той, которая применяется для установления соотношения синонимов*. Полной в данном случае является семантическая соотносительность тех значений, которые имеют полностью совпадающие толкования (при одинаковом по глубине, по степени детализованности метаязыке, используемом для описания значений всех слов сопоставляемых языков [ср. 172 а, 38]). Различия в сочетаемости, более или менее неизбежные в разных языках, не отменяют факта полной взаимопонятности таких слов, как не являются непреодолимым препятствием для их понимания — за пределами собственно семантики — и различия в функционально-стилистических и эмоциональных окрасках. Скажем, на абсолютную семантическую идентичность слов типа Р *химик* — А *chemist* «специалист по химии», Р *танк* — А *tank* «бронированная боевая машина на гусеничном ходу», Р *генерал* — А *general* «высокое воинское звание»** не влияет факт различия в строении сочетаний: Р *химик-органик* — А *organic chemist*, Р *танк-амфибия* — А *amphibious tank*, Р *генерал-майор* — А *major-general* и др.

Неполная семантическая соотносительность (resp. межъязыковая квазисинонимичность) имеет место там, где значение одного из интернациональных слов имеет больше семантических множителей, чем значение другого (при общей основе значений), причем такие дополнительные множители включаются в значение по слабой дизъюнкции («и/или») либо по конъюнкции («и»). Наличие некоторых дополнительных множителей не отменяет факта соотносительности значений, так как биллингв — представитель другого языка — игнорирует «лишние» множители, вступающие, с его точки зрения, в противоречие с контекстом, и выводит недостающие множители из семантики контекста. Например, Р *бомбардировать*, Н *bombardieren* и Ф *bombardieren* значат «поражать разрывными снарядами (бомбами) из тяжелых орудий и/или с самолетов», в английском же языке имеются два соотносительных с ними глагола: *bombard* — «поражать снарядами из тяжелых орудий» и *bomb* «поражать бомбами с самолетов». Но биллингв с основным английским языком

* См., например, [15].

** Значения слов здесь и далее определяются не строго, на уровне толковых словарей.

легко поймет значение фраз: Н Die Flieger bombardieren eine Stadt или Ф La ville a été bombardée et détruite par l'aviation, хотя при этом он нейтрализует ставшие бессмысленными множители «из тяжелых орудий» (ср. A bombard) и выводит из контекста дополнительный смысл «с самолетов». То же происходит и в случаях включения дополнительных семантических множителей по конъюнкции. Если А expert, Н Expert(e), Ф expert означают «специалист» а Р *эксперт* — это «специалист, привлекаемый для экспертизы» (ср. предыдущие слова только в определенных контекстах наподобие А expert evidence, Ф l'avis des experts), то такое расхождение не снимает соотносительности слов: билингв с основным русским языком ощутит неуместность, излишний характер дополнительного смысла «привлекаемый для экспертизы», столкнувшись с оборотами типа А an expert in chemistry, Н ein Experte für Funktechnik, Ф un expert dans la matière. Соотносительность не нарушается даже в более сложных случаях, когда в каждом из сопоставляемых языков имеются вторичные несходные семантические множители: Р *агония*, Н Agonie, Ф agonie означают «предсмертные физические муки», А agony — «любые физические и/или душевные муки». Тем не менее билингвы — русский, немец и француз — достаточно легко поймут, что в предложении из романа А. Кронина «Цитадель» «[The town] had known in the past the agony and horror of major mine disasters» речь идет только о душевных муках, отчаянии семей горняков, переживавших катастрофы в шахтах; с другой стороны, билингв-англичанин в Р «*Больной уже сказал свои последние бессвязные слова и, закинув голову, хрипел в агонии*» (В. Гаршин) или в Ф «sa main toute moite des sueurs de l'agonie» (А. Daudet) сразу же узнает (final) agony of death, mortal agony.

В интернационализмах общего, не терминологического значения проявляется склонность французского языка к более общим, абстрактным значениям, которая часто подчеркивается исследователями, сопоставляющими французскую лексику с немецкой (В. Брендаль, Ш. Балли, Ч. Хоккетт, Г. Хойджер, И. Тэн и др.: см. [262, 227—228 и др.]), английской (Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне: см. [266 а, 59]) и русской лексикой (В. Г. Гак: см. [60, 75—86]). В ряде случаев здесь наблюдаются широкие значения типа Ф auteur «человек, являющийся первопричиной чего-л., создатель, творец, инициатор чего-л. (абстрактного или конкретного, положительного или отрицательного)»: «l'auteur d'Univers» (о боре) у Лафонтена, «les auteurs de mes jours» (о родителях) у Расина, l'auteurs de son destin, l'auteur d'une découverte, а в соответствии Р *виновник* — l'auteur d'un accident и даже l'auteur du crime (ср. ит., исп., порт.); на втором

месте вычленяется более частное значение «создатель художественного или научного произведения (т. е. писатель) или произведения искусства». Значения аналогичных слов в сопоставляемых языках более узки: А *author* «писатель» и «создатель, виновник» — о положении вещей, явлении и т. п. (*the author of the evil* — о дьяволе); Р *автор* «писатель» и «создатель» — о произведении искусства, идее, изобретении*; Н *Author* «писатель». В меньшем числе случаев более широкие значения встречаются в словах других трех языков.

Различия в соотносительных значениях нередко объясняются их неодинаковыми системными связями в языках. Как известно, в плоскости синхронии лексические значения могут находиться в двух типах отношений: в собственно языковых образованиях — лексико-семантических группах (или системах, по терминологии В. А. Звегинцева: [85, 269]) или в объединениях экстралингвистического характера, основывающихся на классификации самих предметов и явлений объективного мира (тематических словарных группах, по определению Ф. П. Филина: [166, 527]). В последнем случае взаимосвязь языковых элементов не условна, а продиктована системными отношениями самого окружения. Например, в значении «предохранительная прививка от болезни» употребляются интернационализмы: Р *вакцинация* (наряду с *прививка*), Н *Vakzination* (наряду с *Schutzimpfung*), Ф *vaccination*, тогда как в английском значение членится между *vaccination* («прививка оспы») и *inoculation*. С другой стороны, в том факте, что Р *лейтенант* значит «второе офицерское звание (в Советской Армии)», а А *lieutenant*, Н *Leutnant*, Ф *lieutenant* — «первое офицерское звание», отражается лишь различие систем командного состава в разных армиях.

С различиями лексических значений нельзя смешивать расхождения реалий, то есть элементов или подсистем в культурах соответствующих народов. Так, относится лишь к области политэкономии и должна найти отражение в энциклопедическом, а не в толковом и не в переводных словарях разница в функциях банка в капиталистическом и социалистическом обществе; поэтому Р *банк*, А *bank*, Н *Bank*, Ф *banque*, имеющие равное лексическое значение («крупное кредитное учреждение»), всегда переводят друг друга.

* В последнее время в газетном языке слово применяется к спорту: *автор гола* (ИЗВ. — 6.VI.67) и т. п. Ср. пародийное замечание Б. Егорова: «Раньше ... говорили: «автор баллады», «автор симфонии». А теперь в вашей газете каждый день: «автор шайбы», «автор гола», «автор заезда», «автор прыжка», «автор удара в челюсть» ...» (Ниж, 1969, 3, 89).

По сути речь идет об общности общенародных, «ближайших», по терминологии А. А. Потебни, значений слова при различии выходящих за пределы языка «дальнейших», специальных значений, как и специальных понятий политэкономии социализма и капитализма. Точно так же в бытовых словах Р *лимонад*, А *lemonade*, Н *Limonade*, Ф *limonade* ближайшее значение одно — «прохладительный фруктовый напиток», хотя английское слово в дальнейшем, кулинарном, значении передает понятие о напитке с лимонным соком и сахаром, а остальные три слова — о газированном сладковатом напитке с любым соком или эссенцией.

Если за совпадающими или аналогичными реалиями закреплены разные местные названия, но названия, свойственные одной стране, приобрели международную известность, можно говорить о полной семантической соотносительности последних. Здесь во всех сходных словах имеются дополнительные семантические множители — указания на область применения (страну и т. д.): например, Р *Конгресс*, А *Congress*, Н *der Kongreß*, Ф *le Congrès* значат «высший избирательный законодательный орган, парламент», но только «в США»; Р *коммуна*, А *commune*, Н *Commune* Ф *commune* значат, в частности, «низшая территориальная единица самоуправления, управляемая мэром и советом, община», но только «во Франции, Бельгии, Италии, Испании».

Следует отметить также, что в случае употребления языка в ряде стран значения порой должны определяться применительно к конкретной стране. В английском языке Великобритании слова *billion*, *trillion*, *quadrillion*, *quintillion* значат соответственно: «миллион во второй, третьей, четвертой и пятой степени» (как и сходные слова немецкого, чешского языков), в английском языке США эти слова обозначают миллион, умноженный на 10^3 , 10^6 , 10^9 , 10^{12} , (как и слова французского, русского, болгарского, польского и многих других языков). Ф *réactionnaire*, служащее во Франции подобно Р *реакционер*, Н *Reaktionär* и А *reactionary* для обозначения лица крайних правых взглядов, обозначает крайнего левого в Канаде [266 а, 83]. Кроме того, некоторые слова, не меняя значения, меняют ориентацию, направленность в зависимости от страны: так, в обиходе словом А *continent* (то же, что Р *континент*, Н *Kontinent*, Ф *continent*) в Англии обычно называют Европу, в США — либо Европу, либо Америку.

Несоотносительные значения многозначных интернациональных слов в случае их отождествления билингвами вызывают серьезные ошибки; моносемичные слова интернационального звучания с подобными значениями являются псевдоинтернациональ-

ными. Так, если Р *декада* и Н Dekade означают десятидневный период, то Ф decade значит и «десять дней» и «десять лет», а А decade только «десять лет». В большинстве случаев такие значения полностью или частично соответствуют значениям каких-то других слов или оборотов в сопоставляемых языках. Но некоторые несоответственные значения интернационализмов оказываются вообще безэквивалентными, выражая специфические понятия культуры одного народа, неизвестные или мало известные за ее пределами. Так, например, Р *консультация*, кроме общих с А consultation, Н Konsultation, Ф consultation значений «совет, указания специалиста; совещание специалистов», имеет особое значение, отражающее новый факт советской действительности — «учреждение, оказывающее помощь населению советами специалистов». Это значение передается описательно: А advice office/bureau, Н Beratungsstelle, Konsultationsbüro, Ф bureau de consultations.

§ 52. Даже в пределах одного языка синонимы нередко расходятся в семантической, лексической и синтаксической сочетаемости; тем более характерны такие расхождения для межъязыковых синонимов, в том числе для интернациональной лексики.

Семантическую сочетаемость иногда определяют как «способность данного слова синтаксически связываться с любым словом, в значение которого входит определяющий семантический признак» [15, 81]. Это определение верно, но неполно: остается неясным, обязательно ли входит такой признак в значение слова в качестве семантического множителя, рассматривается ли сочетаемость в пределах словосочетания или предложения. По-видимому, к последнему, наиболее широкому подходу склоняется Э. Ляйзи, который рассматривает семантическую сочетаемость, или «конгруэнтность» (по его терминологии), слов как представителей частей речи: например, семантическая конгруэнтность глаголов может проявляться в связи как с субъектом, так и с объектом (так, Н schießen и А shoot «стрелять» как переходные глаголы в конструкциях А to shoot smth., Н [auf] etw. schießen классифицируют субъект как человека, но немецкое слово в отличие от английского классифицирует объект действия как охотничью дичь) [см. 225]. Н. Ю. Шведова считает, что «... сочетаемость не безразлична к значению слова, она прямо с ним соотнесена» [172 а, 40]. Действительно, при достаточно глубоком метаязыке, используемом для описания значений, семантическая сочетаемость часто может быть соотнесена с второстепенными различиями в лексических значениях: например, в группе русских глаголов с общим значением «ухудшения, порчи» *плесневеть* («портиться с появлением плесени») относится к любым

продуктам, *киснуть* («портиться с появлением кислоты») — только к жидким или влажным продуктам, *тухнуть* («портиться с появлением дурного запаха») — только к мясу и яйцам. В других случаях, однако, при условии экономного инвентаря семантических множителей в метаязыке, установить различия в значениях не удастся: так, при очевидных различиях в семантической сочетаемости слов типа *Р замужем* (о женщине) и *женат* (о мужчине) они имеют совпадающее значение — «состоящий в браке» [15, 86].

Примерами расхождений в семантической сочетаемости интернационализмов могут служить *Р костюм*, *A costume*, *H Kostüm*, *Ф costume* «верхнее платье из двух частей», где русское слово применяется к мужской и женской одежде, английское и немецкое — к женской, французское — к мужской; *Р пальто*, *A paletot*, *Ф paletot* «верхняя одежда длинного покроя, надаваемая поверх костюма» (при некоторых различиях значений) относятся к мужской и женской одежде, *H Paletot* — только к мужской. Это, естественно, сказывается на семантике определений к таким словам. Более показательны различия в семантической сочетаемости соотносительных прилагательных: так, *Р абсурдный* — «нелепый» употребляется применительно к мысли, ситуации, высказыванию, *H absurd* — говоря и о некоторых иных явлениях вплоть до «*diese absurdeste aller Welten*» (Werfel), *A absurd* и *Ф absurde* — также и о человеке, его действиях и виде (в *A «Vour presence in my garden is utterly absurd»* и «*You'll think me absurd*» у Уайлда или в *Ф Vours êtes absurde!*).

Лексическая сочетаемость — это способность конкретного слова в каком-то значении синтаксически связываться со словами из ограниченного списка. В отличие от предыдущего случая здесь проявляется не наличие у сочетающихся слов общих семантических признаков, а только языковая традиция. Ю. Д. Апресян видит, в частности, проявление лексической сочетаемости и в понятии «лексического параметра», введенном А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком [15, 87], т. е. в специфическом выражении при разных словах общих для многих слов смыслов (наподобие значения «делать» в *Р оказывать* (влияние), *производить* (впечатление) и т. д.). Можно, однако, полагать, что разграничительная линия между лексической и семантической сочетаемостью не всегда отчетлива: здесь возможны переходные случаи (типа *Р индустрия* — *промышленность*, рассматриваемых ниже).

Как правило, для соотносительных интернационализмов характерны те или иные различия в лексической сочетаемости. Например,

хотя слова типа Р *абсолютно* — А *absolutely* — Н *absolut* — Ф *absolument* «совершенно», Р *аналогичный* — А *analogous* — Н *analog* — Ф *analogue* — «сходный, подобный», Р *вульгарный* — А *vulgar* — Н *vulgär* — Ф *vulgaire* «пошлый, грубый», Р *интернациональный* — А *international* — Н *international* — Ф *internationale* «международный» и мн. под. семантически полностью соответствуют друг другу, в конкретных словосочетаниях это соответствие далеко не всегда сохраняется: так, Р *аналогичный случай* — А *a similar case* — Н *ähnlicher Fall* — Ф *un cas pareil*. Возможность расхождений основана на существовании у многих интернационализмов синонимов в пределах соответствующих языков. Особенно специфична лексическая сочетаемость интернациональных прилагательных. Значительные ряды прилагательных в одинаковых сочетаниях возникают лишь в результате калькирования, но в этом случае обычно речь идет об устойчивых словосочетаниях, а они обладают своей собственной валентностью именно как сочетания в целом: сравн. например, Р *зоологический сад*, А *zoological garden*, Н *zoologischer Garten*, Ф *jardin zoologique*, исп. *jardin zoológico*, ит. *giardino zoologico*, швед. *zoologisk tradgård*, норв. *zoologisk hage*, укр. *зоологічний сад*, болг. *зоологическа градина*, .с.-х. *зоолошки врт*, чеш. *zoologická zahrada*, пол. *ogród zoologiczny*, рум. *grădina zoologică*, алб. *kopësht zoologjik* и т. д.

Впрочем расхождения лексической сочетаемости наблюдаются и в пределах интернационализмов, относящихся к другим частям речи. Так, глаголы Р *демонстрировать*, А *to demonstrate*, Н *demonstrieren* Ф *démontrer* («показывать») вполне соотносительны по значению, но Р *демонстрировать фильм* — А *to show a film* Heinen Film drehen/geben/aufführen — Ф *projeter/présenter un film*. Существительные Р *индустрия*, А *industry*, Н *industrie*, Ф *industrie* «промышленность» также соответствуют друг другу, но русское слово в отличие от остальных употребляется далеко не во всех возможных сочетаниях, четко размежевавшись со словом *промышленность*. Семантика слов *индустрия* и *промышленность*, по данным словарей, полностью совпадает, но в первом из них начинается намечаться особый оттенок «вооруженная новейшей техникой»: неслучайны в языке прессы новые окказиональные сочетания типа *пищевая индустрия*, *лесная индустрия*, *индустрия бумаги* и даже «*сладкая индустрия*» — о кондитерской промышленности (Пр. 30. V. 1967; 24. XII. 1968; 7. VIII. 1969; 17. XI. 1969; 20. V. 1970; Нед. № 42, 1969, стр. 24). Этот смысловой оттенок ставит сочетаемость слова *индустрия* на грань между лексической и семантической сочетаемостью.

Наконец, синтаксическая сочетаемость, то есть способность слов подчинять словоформы некоторых синтаксических классов и подчиняться словоформам некоторых синтаксических классов, у соотносительных интернационализмов, естественно, нередко расходится. Это может определяться как типологическими грамматическими различиями языков, так и индивидуальными причинами. Например, соответствующий переходным глаголам: А consult, Н konsultieren, Ф consulter в значении «обращаться за советом к специалисту» русский глагол *консультироваться* является непереходным и требует предложного дополнения (Р *консультироваться с врачом, юристом* — А to consult one's doctor, lawyer, Н konsultieren einen Arzt, einen Rechtsanwalt, Ф consulter un médecin, un avocat). Сложно соотносятся соответствия и расхождения синтаксиса и словообразования в таких рядах, как Р *горный инженер* — А mining engineer — Н Bergingenieur — Ф ingénieur des mines, Р *инженер-строитель* — А civil engineer — Н Bauingenieur — Ф ingénieur du bâtiment, Р *инженер-электрик* — А electrical engineer — Н Elektroingenieur — Ф ingénieur électricien и т. д.

§ 53. Системы стилистических окрасок русского, английского, немецкого и французского языков близки, хотя и не идентичны. Однако стилистические характеристики соотносительных слов, в том числе и интернациональных, далеко не во всем совпадают даже в случае сходного распределения стилистических пластов.

Разное время возникновения основных масс интернационализмов классического и неоклассического происхождения и различия в их месте в словарях (степени освоенности, наличии синонимов и квазисинонимов) ведут к тому, что во французском языке большинство интернационализмов нейтрально, тогда как их русские соответствия нередко носят книжный характер. Французский язык с его сближением книжной и нейтральной лексики (в противоположность лексике разговорной) несколько отличается здесь и от английского с его тяготением, особенно в Англии, к кратким словам германского происхождения и от немецкого, где ко множеству интернационализмов имеются специфические немецкие параллели. Но все же основная часть интернационализмов хорошо освоена английским языком; немецкий также обычно ассимилировал свои заимствованные слова, даже варваризмы, больше, чем русский. Поэтому многим стилистически нейтральным словам западноевропейских языков в русском (и других славянских) соответствуют слова с книжной окраской: таковы, например, Р *инцидент* (книжное) — А incident, Н Inzident, Ф incident, нейтральные слова; ср. Р *экстравагантный*, А extravagant, Н extravagant, Ф extravagant,

Р *приватный*, А private, Н privat, Ф privé, Р *коллизия*, А collision, Н Kollision, Ф collision и т. п. Правда, масса специальных интернациональных терминов одинаково стилистически окрашена во всех четырех языках наподобие Р *коноид*, А conoid, Н Konoid, Ф conolde, Р *катод*, А cathode, Н Katod, Ф cathode. Все эти термины в рамках литературных языков имеют книжную окраску [ср. 19, 32].

Стилистическая окраска может быть свойственна слову в целом или только в отдельном значении. Характерно, в частности, развитие стилистически окрашенных переносных значений у некоторых широко употребительных слов [ср. 18, 269]: например, разговорный характер имеют Р *агитировать* «угovarивать», А propaganda «уговоры», А devil «литератор, работающий за другого, считающегося автором» и т. д. Такие значения часто бывают специфичными и несколько различаются стилистически даже в случаях параллельного развития в различных языках (ср. Р *адвокат* «заступник, защитник» — в *непрошенный адвокат* и А advocate, Н Advokat, Ф avocat «сторонник, защитник» в А an advocate of experiment in science, Н sich zum Advokaten der guten Sache machen, Ф l'avocat d'une mauvaie cause, l'avocat de la science, где русское слово окрашено разговорно, английское и французское нейтральны, немецкое — возвышенно).

Значительная группа интернационализмов с полностью соотносительными значениями тем не менее существенно расходится в сопоставляемых языках по функционально-стилистическим окраскам и не является полноценными переводными эквивалентами друг друга. Например, Р *автопортрет, балласт, керосин, микрофон, микстура, минералог, мотоцикл, педиатр, спортсмен, терапевт, трамвай, физиолог, финиш, фирма, экскаватор* и т. п. — это слова повседневного литературного употребления, тогда как соответствующие сходные французские слова имеют узко профессиональный характер и редко употребляются, будучи оттеснены синонимами или другими вариантами слов. Такие расхождения могут захватывать несколько языков: так, Р *танк* и А tank — военные термины, широко используемые и в неспециальной речи, а Ф tank и Н Tank — устаревшие специальные термины (ср. общеизвестные термины: Ф *char (de combat)* и Н *Panzer*).

Неравномерно распределяется в соотносительных интернационализмах их восприятие как устаревших или, напротив, непривычных новых слов (неологизмов). Степень архаичности может быть различной; не случайно в английской лексикографии проводится оправданное разграничение помет: *obsolete* «вышедший из употреб-

ления» и *obsolescent* «устаревающий». Действительно речь может идти об устаревших вариантах слов (типа *Ф* *biologue*, *zoologue*, *blondin*, *brunet* при современных *biologiste*, *zoologiste*, *blond*, *brun* или *Р* *аналогический*, *типический*, *симпатический*, *характеристический* при современных *аналогичный*, *типичный*, *симпатичный*, *характерный*), об устаревающих, но употребляющихся словах или значениях (типа *Р* *приватный*, *патрон* «покровитель», *фамилия* «семья») и об архаизмах, являющихся лишь достоянием литературы прошлых веков (типа *Р* *баталия* «сражение», *сатисфакция* «дуэль» и т. п.). Сравнительно редки случаи одновременного устаревания слов наподобие быстро ставших архаичными, устаревших в XX в. *Р* *аэроплан*, *А* *aeroplane*, *Н* *Aeroplan*, *Ф* *aéroplane* (ср. более принятые сейчас *Р* *самолет*, *А* *airplane*, *plane*, *Н* *Flugzeug*, *Ф* *avion*). Редко встречается одновременно в ряде слов и ощущение новизны, как в *Р* *хобби*, *Н* *Hobby*, *Ф* *hobby* (в языке-источнике *А* *hobby*, естественно, нейтрально). Впрочем, многие интернационализмы, построенные на международном материале, вообще не воспринимаются как неологизмы даже в момент появления в языке.

Часто не совпадают в интернациональных словах и эмоционально-экспрессивные окраски. В сопоставлении с русскими, английскими, французскими словами неожиданной оказывается, например, возвышенная окраска таких слов, как *Н* *Auditorium*, *Bukett*, *Foyer*, *Vestibül* [ср. 212 а, 114—121]; впрочем слова типа *Н* *Audienz*, *Debüt*, *Hymne*, *Koryphäe*, *Ovation* и т. п. одинаковы по возвышенной окраске со своими соответствиями.

Эмоциональная пейоративная окраска может проявляться в экспрессивно различных прослойках лексики: возвышенной, нейтральной или сниженной. Там, где негативное отношение является не чисто оценочным моментом, а связано со значениями, нередки совпадения пейоративной окраски во всех языках: таковы слова типа *Р* *агрессия*, *агрессор*, *апологет*, *демагог*, *деспот*, *интервент*, *коррупция*, *провокактор*, *фарс* и их соответствия в остальных языках. Но это относится только к соотносительным значениям; пейоративная окрашенность специфических значений усиливает расхождение интернационализмов, порой способствуя возникновению псевдоинтернациональности. Примерами могут служить *Ф* *agitateur* «смутьян, подстрекатель», *activiste* «экстремист», *gazette* «бульварная газета», *nègre* «черномазый», *Н* *Affäre* «неприятное, сомнительное дело, похождение» (ср. *Р* *афера*), *Apostel* «рьяный поборник», *Artist* «формалист в искусстве», *Bagage* «сброд», *Gazette* (разг.) «газетенка» и др. Но пейоративность интернационализмов может встречаться и окказионально, что, пожалуй,

делает их отождествление при переводе еще более затруднительным: так, Н Ära «эпоха, эра» часто включает оттенок неодобрения (die Ära Hindenburgs; die faschistische Ära), хотя может употребляться и нейтрально (eine neue Ära wird damit eröffnet); Р *вояж* «поездка, путешествие» сегодня часто подразумевает осуждение («вояж ра-сис-та» — *Изв.* — 23. 5. 70, «вояж по военным базам» — Пр. 7. II. 70), но изредка употребляется нейтрально. («Все случилось в том даль-нем вояже [походе советских подводных лодок — В. А.] — и ...снежные смерчи, и плотные туманы...» — *Изв.* — 4. 7. 70).

Оценочные расхождения особенно проявляются в лексике общественно-политического характера. Так, за разной трактовкой и оценкой сходных фактов, скрывающейся в Р *спекуляция* (неодобр.) «преступная скупка и перепродажа с целью наживы» и А *speculation**, Н *Speculation*, Ф *spéculation*, ит. *speculazione* и т. д. (нейтр.) «связанная с риском перепродажа с целью получения больших прибылей», — стоят разные системы морали и права, порожденные различным общественным строем. Негативная окраска слов ино-язычного происхождения может означать осуждение явлений чужой действительности: нейтральному А *business* «дело, пред-приятие», соответствует Р *бизнес* (гл. о. неодобр.) «капиталисти-ческое предприятие, часто сомнительное», и Ф *business* (неодобр.) «сомнительное предприятие». Такая окраска иногда создается вре-менно под влиянием определенных общественных групп: например, в нацистской Германии официальная печать употребляла слово *international* (как и созданный к нему «синоним» *volksfremd*) с отрицательным оттенком [257, 126].

И все же в тех случаях, когда расхождения в стилистических окрасках не связаны с различиями значений, они обычно не мешают интернационализмам играть свою роль наиболее понятных пере-датчиков информации в разноязычном обмене информацией. Даже если в понимании текста возникают при этом ошибки, нарушается стилистическое согласование слов, это почти не сказывается на понимании основной лингвистической информации высказывания.

§ 54. Каждая терминологическая система является автономным пластом лексики языка, и неслучайно образование термина на базе общеупотребительного слова иногда рассматривают не как пере-осмысление, а как заимствование слова [142, 153], и сам *terminus technicus* в глазах неспециалистов уподобляется иностранному слову [267, 160]. Выражаемые терминами научные понятия по

* Подробнее об этих словах см. в нашей статье [9, 382].

самой своей природе стремятся к международной, так как именно в тех областях человеческой деятельности, к которым относятся термины, наиболее широко осуществляются международные связи. В стилистическом плане термины в пределах своего подязыка стремятся к однородности и экспрессивной нейтральности. Если бы эти тенденции были полностью реализованы, вопросы изучения семантико-стилистической соотносительности интернациональных терминов вообще не возникали бы.

Фактически, однако, терминология в современных литературных языках, в отличие от прошлых периодов, не отгорожена от общего словаря. В частности, в отношении русского языка советской эпохи Л. В. Щерба отметил, что специальная терминология вливается в него особенно широко [173, 138]. Между тем, в русском языке терминология по своему строению занимает более обособленное место, чем, например, в английском или французском языках: часто русский язык применяет отдельные лексемы в обиходной речи и терминологии там, где французский и английский употребляют одну лексему. Здесь используются собственные словообразовательные возможности русского языка, а также сказывается более высокий процент заимствованных слов в русской терминологии сравнительно с общелитературным словарем [ср. 142, 154]. Так возникают характерные ряды интернационализмов типа *A to attack*, *H attackieren*, *Ф attaquer* 1) «нападать на кого-л., что-л.», 2) воен. «наступать на неприятеля» — *Р нападать* и (воен.) *атаковать*.

Определенное сращивание терминологии с общим словарем сказывается и на семантике терминов. Как известно, связь терминов, в том числе интернациональных, с лексикой общего значения может быть различной: одни термины распространяются так широко, что уже не осознаются как собственно «термины» (например *Р кандидат, депутат, поэма, драма, арифметика, физика, трактор, комбайн*), другие имеют явно специальный характер, но известны массам образованных носителей языка (типа *Р процесс, функция, объект, эксперимент*), третьи известны лишь специалистам (типа *Р агглютинация, инкорпорация, фарингальные, назальные (звуки), аорист, изафет* и пр. в языковедении)*. Чем уже среда распространения термина, тем точнее его употребление и тем в большей степени значение его выражает понятие собственно научное, а не бытовое, общенародное [ср. 100, 72]. Как правило, при этом нарастает и международность выражаемых терминами понятий.

Степень интернациональности (точнее, полнота соотносительности во многих языках) значений терминов связана также с при-

* См. [96, 5—6].

надлежностью терминов к тому или иному типу и с историей и состоянием терминологии в каждой отдельной области специализированной человеческой деятельности. При этом оправдывает себя следующая классификация терминов*:

а) Официально-деловые термины, выражающие социально обусловленные, точно определенные законами, договорами или общественной практикой понятия официально-делового общения.

б) Научные термины, выражающие научные понятия о более общих явлениях и закономерностях объективного мира.

в) Технические (в широком смысле слова) термины, дающие точные наименования типичных предметов, процессов или явлений в определенной области специальной деятельности, науки или техники. К ним примыкает и техническая номенклатура, отличающаяся, однако, не предметно-логическими, а назывными значениями и отсутствием системности (номенклатурные ярлыки только регистрируют единицы каких-то множеств (ср. [7, 212])).

г) Общественно-политические термины, выражающие точные научные понятия общественно-политической жизни и входящие в состав систем аналогичных терминов. К ним примыкает общественно-политическая лексика, используемая, однако, в неспециальном употреблении и отличающаяся тем, что передает общепринятые понятия о явлениях социально-политической жизни.

Для признания терминов соотносительными недостаточно лишь большего или меньшего совпадения «ближайших», общепринятых значений: необходимо полное совпадение именно «дальнейших», специализированных значений и понятий. Наиболее часто многоязычная соотносительность встречается в области научной и технической терминологии, хотя, как показали работы В. Айтцена [198], В. Шмидт-Рора [255] и особенно Э. Вюстера [274; 275; 276 и др.], соответствия и здесь далеко не всегда последовательны, что особенно опасно в случае интернациональности форм терминов. Положение оказывается различным в разных областях науки и техники.

Образцом упорядоченной терминологии нередко считают терминологию химии, появление которой с ее словообразованием А. Дармстетер относит к 1782 г. [194]. Уже в 1892 г. Женевской международной комиссией здесь были стандартизованы принципы обоз-

* Нами дополнена классификация, основы которой были разработаны В. П. Мурат и А. И. Смирницким [7, 211—212].

начения, что потребовало и стандартизации основных терминов и словообразовательных морфем. Это обеспечило эффективность международного обмена информацией в области химии несмотря на необычайно быстрый рост ее терминологии (только с 1900 по 1925 г. число названий химических соединений увеличилось с 70 000 до 250 000). Тем не менее, даже в химической терминологии допускаются отклонения от международных принципов обозначения и не всегда учитывается интернациональность терминов. Наряду с введенной в 1892 г. упорядоченной интернациональной терминологией здесь сохранилась традиционная терминология в каждом языке, кроме того, используются формулы и торговая номенклатура. Так возникают четыре слоя химических обозначений [ср. 208]. Первый слой — традиционные названия веществ, принадлежащие также общему языку, — включает наряду с интернациональными словами и словообразовательными аналогами, также и специфические элементы, впрочем, понятия вполне международные (напр., Р *водород* — А hydrogen — Н Wasserstoff — Ф hydrogène, Р *никотин* — А nicotine — Н Nikotin — Ф nicotine). Во втором слое представлены упорядоченные латинистические интернационализмы: слова и корневые и деривационные морфемы, употребляемые главным образом в названиях химических соединений (типа Р *гидрид* — А hydr-ide — Н Hydr-id — Ф hydr-ide «водородистое соединение»). Здесь встречаются также цифры и отдельные буквы (так, *никотин* упорядоченно обозначается как 1-метил-2-β-пиридилпирролидин). Названия этого слоя настолько интернациональны, что по сути не нуждаются в переводе, а перекодируются с языка на язык по законам звуковых и буквенных соответствий. Химик сразу определяет по ним соединения, неспециалист же встречает их главным образом в названиях лекарств. Но и в терминах этого слоя, по наблюдениям Э. Вюстера, интернациональность форм иногда нарушается, причем возникает противопоставление английского и французского языков русскому и немецкому с возможной дифференциацией двух последних [58, 200—203]. Обозначения третьего слоя, состоящие из букв и цифр (типа C₁₀H₁₄ N₂ — формулы никотина) наднациональны и подобно знакам математического, физического, символично-логического и формально-генетического метаязыков не принадлежат ни одному языку, но международно понятны в письменном тексте на любом языке [ср. 13, 41]. Они не выходят за рамки подязыка химии. Зато неспециалист широко встречается с обозначениями четвертого слоя — номенклатурными единицами — названиями лекарств или искусственных веществ, употребляемыми в торговле. Такие обозначения

часто интернациональны (ср. Р *пирамидон* — А *pyramidon* — Н *Pyramidon* — Ф *pyramidon*), но могут иметь местный характер в связи с местным распространением товара или с разными традициями: так, одно и то же полиамидовое вещество в разных странах именуется *капроном* (русск. от *капролактam*), *стилоном* (англ. от *steel*), *поланом* (пол. от *Polonia*).

В других системах научных и технических терминов упорядоченность обычно недостаточна. Это проявляется в неуточненности части понятий, несоответствии терминов понятиям, многозначности терминов, отсутствии должной системности в их построении, в синонимии и омонимии в пределах терминологических систем и т. д. Интернациональные термины сложно перемежаются с национально-специфическими, хотя в целом тяготение представителей науки и техники к интернационализмам несомненно. Национальная и международная неупорядоченность понятий, отсутствие координации в построении терминов могут приводить к неполной соотносительности и даже к псевдоинтернациональности терминов. Например, хаотичность в соотношении названий продуктов нефти типа Н *Benzin*, *Benzol*, *Gasolin*, *Petrol* со сходными терминами других европейских языков привела к ряду международных судебных процессов [221, 135]. В самом деле, то, что называется терминами Р *бензин* и Н *Benzin*, во Франции — *benzol*, в США *gasoline* (разг. *gas*), в Англии *petrol*, хотя в английском языке есть и термин *benzine* для обозначения авиационного бензина. Но каждое из этих слов имеет интернациональное звучание и в свою очередь входит в межъязыковые ряды вводящих в заблуждение соответствий.

Положение оказывается несколько лучшим в новейших областях науки и техники (наподобие кибернетики, ядерной физики, вычислительной техники и т. д.), понятия и термины которых распространились во многих странах почти одновременно, и более сложным в старых областях, особенно в гуманитарных науках с их традиционной приблизительностью и недостаточной международной координацией ряда понятий. Скажем, в языковедении использование интернациональных терминов осложняется не только разными национальными традициями (ср. Р *фраза* и Ф *phrase* «грамматическое предложение», А *phrase* «словосочетание», Н *Phrase* в грамматике не употребляется), но и расхождениями в понятиях и терминологиях разных научных школ. Особенно опасны и трудно устранимы терминологические расхождения, последнего рода, когда различные понятия, соответствующие данному термину, могут представляться совпадающими на практике, но по сути относятся

к разным явлениям (напр., *морфема* или *фонема* у дескриптивистов, функционалистов и глоссематиков: сравн. [232, 526]).

Неудобство межъязыковых расхождений в научно-технической терминологии настолько велико, что с 30-х годов XX в. наряду с национальными стандартизациями терминов начата работа по их международной стандартизации [см. 58, 78 и др.]. Важно, чтобы в этой работе предпочтение, по возможности, отдавалось именно терминологическим интернационализмам (в широком понимании) и, в первую очередь, интернациональным терминам сходного звучания и написания (как это имеет место, например, во втором слое химических обозначений).

Семантическая соотносительность интернациональных терминов в сфере официально-делового общения также не всегда последовательна. Она наиболее выдержана в области дипломатической терминологии. Дипломатическая документация не только особенно богата интернационализмами, но и является ярким образцом соответствий стилистики во многих языках. Зато нередко понятийно-семантические расхождения в области терминологии права, что специально подчеркивает Л. Вайсгербер [270, 183], делающий отсюда неправомерный вывод о неидентичности разноязычных текстов международных договоров [271]. По сути, однако, такие расхождения объясняются не какими-то непреодолимыми различиями в «духовном оформлении действительности», а вполне очевидными причинами социально-идеологического характера (сравн. дискуссию в ООН при определении понятия «агрессия»). Именно с этим связаны различия не только семантики, но и статуса ряда соотносительных терминов в терминологических системах языков, а также различия культурных коннотаций. По словам известного британского юриста Д. Притта, «спекуляция (*speculation*) . . . со всей определенностью не трактуется в британском праве, хотя и может привести человека либо на скамью подсудимых, либо в палату лордов; русский же термин «*спекуляция*» (*speculatsie*) мало, по существу, отличный по значению, встречается в списке преступлений, перечисленных в советском Уголовном кодексе . . .» [9, 382].

Особенно серьезные расхождения понятийно-семантического характера наблюдаются в области общественно-политической терминологии и околотерминологической лексики. «Ближайшие» значения и здесь нередко оказываются в той или иной степени соотносительными, и такие слова приводятся в двуязычных словарях как переводные эквиваленты друг друга, но «дальнейшие» значения (совпадение которых для подлинно эквивалентных

терминов необходимо) могут значительно различаться. Такие расхождения иногда усугубляются различиями в культурных коннотациях и оценочных окрасках.

Именно различия в этом слое терминологии и околотерминологической лексики охотно обыгрываются представителями общей семантики. Уточнение значений такого рода терминов изображается здесь в виде едва ли не основного пути достижения взаимопонимания народов [напр. 191]. С авторами этого направления солидаризуется в западногерманской лингвистике В. Шмидт-Хиддинг, работы которого [253; 254 и др.] близки вместе с тем, к идеям Л. Вайсгербера [ср. 270]. Шмидт-Хиддинг выдвигает в качестве важнейшей задачи прикладной лингвистики (в ее специфическом западногерманском понимании) необходимость детального сопоставления важнейшей общественно-политической терминологии и лексики, обозначающей формы духовной жизни в европейских языках с целью предупреждения недоразумений в международном общении. Сюда он относит «ведущие слова», выражающие идеи, лозунги, которыми руководствуется нация в тот или иной период, и «ключевые слова», отражающие особенности мироощущения народа или группы в определенную эпоху. Особое внимание уделяется словам сходного звучания, написания или строения с различиями в семантике (*verwechselbare Wörter*) типа *Ф culture, civilisation — А culture, civilisation — Р культура, цивилизация — Н Kultur, Zivilisation* т. е. интернационализм.

Необходимость уточнения в различных языках специфики значений распространенных общественно-политических терминов, в том числе интернациональных, вполне очевидна. Такое уточнение может лишь способствовать улучшению качества переводов, повышению эффективности международного обмена информацией. Но, как и в предыдущем случае, такие семантические расхождения терминов нельзя объяснять свойственной каждому языку мистической творческой силой, ведущей к особому видению мира. Фактически расхождения в толковании понятий, выражаемых значениями ряда соотносительных, в частности интернациональных, общественно-политических терминов и слов (сравн., напр., *Р социализм, демократия, революция, большевик, патриотизм, гуманизм, прогресс, либерал, религия, нация, космополит, эксплуатация, капитализм, империализм* и т. д. и их параллели в западноевропейских языках), имеют под собой реальную классово-идеологическую основу. Расхождения этого рода могут встречаться и в одном языке, если он, подобно немецкому, употребляется в странах с различным общественным строем или если в стране имеются анта-

гоннистические классы. В коммунистической печати, в произведениях прогрессивных ученых-марксистов Запада такие термины употребляются в тех же значениях, что и в мире социализма. Отсюда ясна неоправданность попыток противопоставлять в данном отношении Западную Европу в целом Восточной Европе и говорить о существовании семантического барьера, разделяющего Европу на две части [228] и будто бы продолжающего старую дивергенцию в развитии латинской и греко-византийской цивилизаций [243].

§ 55. Из всего сказанного следует, что семантико-стилистическое соответствие интернационализмов отнюдь не всегда бывает полным, что в общем не мешает их отождествлению в ситуациях соприкосновения и сопоставления языков. В других работах [6,62—63; 10, 77] нами отмечалось, что многие интернационализмы являются «ложными друзьями переводчика», но ложными лишь до известной степени, в определенной же мере подлинными помощниками билингва, что принципиально и отличает их от явлений псевдоинтернациональности.

Для уточнения соотношения понятий интерлингвистики «интернационализм» и «псевдоинтернационализм» и понятия лингвометодики «ложный друг переводчика» необходимо дифференцированно рассматривать различные свойства слова и его значения с точки зрения их роли в речевой коммуникации. При наиболее абстрактном подходе к слову выделяются его основные свойства, не подлежащие изменению в высказывании и обеспечивающие его понятность. Эти свойства связаны с семантическими множителями, набор которых образует лексическое значение слова. Их носителями являются прежде всего корень, а также деривационные морфемы, объединяемые структурно-семантической словообразовательной моделью. Они выражаются в принципиальной обязательности сохранения в высказывании семантических множителей, входящих в значение слова. Правда, как говорилось выше, избыточность семантической информации в высказывании или более широком контексте обычно достаточна для компенсации нарушения, состоящего в подмене одного лексического значения другим, отличающимся одним или немногими второстепенными множителями. Поэтому, наряду с полной соотносительностью значений разноязычных слов с одинаковыми наборами семантических множителей можно говорить и о частичной соотносительности значений слов с общим семантическим ядром, но расхождениями отдельных второстепенных множителей. Несотносительные же значения не содержат общих множителей или содержат единичные общие мно-

жители*. Именно эти обстоятельства лежат в основе практики переводной лексикографии.

На следующем, более конкретном уровне вычленяются свойства слова, которые связаны с правильностью построения слова и размещения его в словосочетании. Эти нормативно-языковые свойства связаны с семантической, лексической и синтаксической сочетаемостью слова и с традиционно принятым конкретным морфемным заполнением модели слова. Их нарушения вообще не затрагивают семантики высказывания или затрагивают ее весьма незначительно (в плане семантической сочетаемости), хотя и шокируют языковое чутье образованных носителей языка.

Наконец, на еще более конкретном уровне выделяются свойства слова, связанные с традиционно эстетической, нормативно-стилистической стороной его употребления в речи. Они проявляются в необходимости согласования стилистических и эмоционально-экспрессивных окрасок слова с окрасками высказывания или даже большего контекста.

Такое разграничение позволяет установить, что псевдоинтернационализмами являются только полностью или почти полностью расходящиеся по значениям омонимичные полилексемы, т. е. межъязыковые омонимы и паронимы, тогда как к интернациональной лексике относятся все омологичные полилексемы, даже если в них встречаются частные расхождения в значениях (при существенном их совпадении) или нормативные различия. Вместе с тем понятие «ложных друзей переводчика», или «ложных эквивалентов» (по терминологии А. В. Федорова: см. [162, 167—169]), относится как к омонимичным, так и к омологичным диалексемам, если в последних встречаются любого типа расхождения. Категория «ложных друзей переводчика», таким образом, устанавливается только для конкретной пары языков и не всегда имеет обратимый характер, потому что во всяком случае межъязыковая паронимия, как правило, бывает односторонней [см. 9, 380]. Она объединяет при этом и явления расхождения семантических структур сходных слов и частичной соотносительности или полной несоотносительности отдельных значений, и случаи расхождений в семантической, лексической и синтаксической сочетаемости и стилистико-экспрессивном согласовании, а иногда и нарушения регулярных соответствий в словообразовательном оформлении соотносительных

* Семантическая избыточность контекста может позволить восстановить значение слова, полностью пропущенного или по ошибке подмененного другим словом с несоотносительным значением. Однако здесь понимание строится только на семантике контекста в целом.

слов — вообще любые соотношения сходных слов (независимо от их происхождения), могущие вызвать те или иные ошибки у билингва при анализе и синтезе чужой речи или даже при синтезе родной речи. Естественно, эта широкая, семантически разнородная двуязычная категория ни в коем случае не может сводиться к семантически более узкой многоязычной категории псевдоинтернационализмов.

Г Л А В А 4. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ ПРИ ДВУЯЗЫЧИИ И ПЕРЕВОДЕ

§ 56. Типы двуязычия и перевод. § 57. Интернациональная лексика в ситуациях двуязычия. § 58. Интернационализмы как переводные эквиваленты. § 59. Интерференции при переводе интернационализмов. § 60. Роль интерференций в речевой коммуникации.

§ 56. В обширной литературе по вопросам двуязычия (билингвизма) нет общепринятого определения этого явления. Иногда под двуязычием подразумевается только в той или иной мере одинаковое владение отдельного человека, части народа или целого народа двумя языками, когда оба языка свободно используются в любой обстановке, в том числе и в семье; фактически при этом речь идет о двух родных языках в отличие от знания языка, изучавшегося в качестве второго [3, № 4, 15; 40, 438]. Некоторые авторы еще более сужают определение, сводя его к случаям массового общенародного двуязычия [86, 217—218; 90, 23]. Нередко такая трактовка связана со стремлением к уточнению понятия «второй (или другой) родной язык», имеющего большое значение для языковой политики; но это понятие не должно приравниваться к понятию двуязычия: в противном случае исследователем будут упущены из виду многие иные возможности параллельного использования двух языков. Кроме того, обычно подчеркивается, что именно названные случаи особенно важны для языковых контактов. Однако это справедливо по отношению не ко всем ситуациям контактов языков: очевидно, например, что большие языки современной цивилизации взаимодействуют в XX веке отнюдь не в результате общенародного двуязычия или наличия двух родных языков.

По-видимому, при определении двуязычия необходимо ориентироваться на основной, наиболее общий признак — умение человека так или иначе использовать два языка в речевой коммуникации [ср. 118, 523]. Как минимум это предполагает две возможности,

которые могут совпадать или не совпадать: умение понимать высказывания (практически обычно — читать литературу) на втором языке и умение образовывать понятные устные/или письменные высказывания на втором языке. Как максимум это означает два родных языка. Эти противоположные крайности в определенной мере перекликаются с тем, что Г. Шухард называл культурным и местным двуязычием [256, 133] и что в английской терминологии иногда обозначают как *bilingualism* и *diglossia*.

В трактуемом столь широко двуязычии вычлениаются три основных аспекта: собственно лингвистический, психолингвистический и социолингвистический. Лингвистический подход позволяет установить степень владения билингва каждым из языков. Лингвистическая сторона двуязычия сближается также с типологосопоставительным описанием языков и с теорией языковых контактов; здесь дается лингвистическое объяснение окказиональных интерференций в речи билингва, облегчающих обстоятельств и затруднений в анализе высказываний на втором языке, а также предсказываются возможные интерференции и затруднения. В психолингвистическом плане изучается соотношение и функционирование речевых механизмов билингва. К социолингвистическому аспекту двуязычия относится рассмотрение связи между формированием билингва и его языковым поведением, формой и содержанием его речи и социальными условиями общения.

Соответственно строятся различные классификации видов двуязычия. Психолингвистические классификации двуязычия могут основываться на нескольких принципах [см. 46, 22—35; 83, 21—24; 174, 6]. В частности, с точки зрения числа действий, выполняемых билингвом в пределах определенного умения (понимания, воспроизведения, самостоятельного создания высказываний), двуязычие делится на рецептивное, репродуктивное и продуктивное. По критерию соотносительности двух речевых механизмов между собой двуязычие делится на чистое, когда речевые механизмы функционируют независимо друг от друга [ср. 175, 6], и смешанное, когда между обоими механизмами в процессе порождения речи существует связь [175, 6—7]. Возможно, далее, разграничить по критерию времени приобретения раннее и позднее двуязычие и т. п.

Социолингвистические классификации двуязычия также строятся на ряде критериев [см. 72, 331—338]. Так, по критерию соотносительности двуязычия с социальным коллективом различается индивидуальное, групповое и массовое двуязычие (частным случаем последнего является билингвизм иммигрантской социальной общности в новой стране). По способу усвоения, умения разграничивают

естественное и искусственное двуязычие. Учитывая критерий наличия соответствующего умения у представителей одного или обоих социальных коллективов, Ю. Д. Дешериев противопоставляет одностороннее и двустороннее двуязычие, а с точки зрения условий возникновения умения — в ходе совместной жизни коллективов или их частей или вдали от основной массы носителей одного из языков — разграничивает контактные и неконтактные типы двуязычия [72, 331—332].

Наконец, с лингвистической точки зрения двуязычие можно классифицировать по признаку полной или неполной правильности в понимании высказываний на втором языке и в создании высказываний на втором (а в некоторых условиях — и на первом) языке. Это членение тесно связано с классификацией по признаку соотносительности речевых механизмов: полная правильность характерна для координативного двуязычия, когда каждый ряд языковых выразительных средств ассоциируется со своим семантическим рядом, неполная правильность — для субординативного двуязычия, при котором оба ряда выразительных средств ассоциируются с частично совмещающимися семантическими рядами вплоть до образования единого семантического ряда — «смешанного языка с двумя терминами» (по Л. В. Щербе). Кроме того, возможна лингвистическая классификация типов двуязычия, основанная на степени структурно-типологической близости и синхронно-сопоставительной соотносительности языков; она нередко имеет вспомогательный характер при предыдущих. Впрочем взаимозависимость всех классификаций (как и всех характеристик) билингвизма несомненна.

Общепризнана связь двуязычия с такими явлениями, как языковые контакты, языковые союзы, сродство языков, субстрат, суперстрат, адстрат и т. п. Выше отмечалось, что типолого-сопоставительное описание языков помогает в лингвистическом изучении двуязычия; но и обратно — наблюдение за поведением билингвов, за интерференциями, затрагивающими каждый из языков, является своеобразным методом изучения структур и норм языков, установления общего и специфического в них. Однако наиболее тесно связаны между собой явления двуязычия и перевода. По определению Б. А. Ларина, перевод является функциональной разновидностью двуязычия: «... перевод есть высшая, а именно: вполне дифференцированная формация билингвизма» [107, 6—7]. Разумеется, при этом имеется в виду, прежде всего, переводчик-профессионал с высоким уровнем владения обоими языками и умения адекватно выражать средствами одного из них то, что

выражено средствами другого. «Но независимо от степени свободного владения иностранным языком переводчик, по самой сущности своей работы, все время переключается с одного языка на другой» [162, 17].

§ 57. Хотя в классификациях двуязычия всегда фигурирует чистое (resp. координативное) двуязычие, следует учесть определенную относительность этого типа. Большинство специалистов признает, что совершенное владение вторым языком и равно свободное, абсолютно правильное параллельное использование его наряду с первым языком являются лишь теоретически допустимой абстракцией [см. 193, 6; 220, 148; 231, 7; 211, I, 8; 209, 78; 1, 66; 72, 330 и др.]. Исключения здесь лишь подтверждают правило, причем и в этих случаях речь обычно не идет о владении вторым языком в полном его объеме, в частности об использовании его в эстетической функции, особенно — в художественном творчестве.

Таким образом, преимущественно встречается смешанное (resp. субординативное) двуязычие, хотя при этом уровень владения вторым языком может быть и достаточно высоким. Отсюда следует, что подавляющее большинство билингвов может, хотя и в очень различной степени, допускать ошибки в понимании высказываний на втором языке и в производстве речи, в том числе и в переводе.

Причиной ошибок является частичное совмещение речевых механизмов. Например, слово в психолингвистическом плане представляет собой единство двух относительно самостоятельных явлений: лексемы и семемы*, имеющих особые биологические основы и объединяемых более или менее устойчивой ассоциацией. При достаточной ее устойчивости ассоциация лексемы и понятия актуализируется одновременно как при движении от понятия, так и при движении от лексемы. У билингва возможны два типа ассоциации лексем с понятиями: ассоциация непосредственная, когда понятие и звучание закрепляются в сознании независимо от другого языка, и опосредствованная, когда с одним понятием ассоциируются две лексемы — первого и второго языков [детальнее см. в 46, 78—94]. Во время производства речи у билингва актуализируются выразительные средства либо одного либо другого языка в зависимости от установки и от степени устойчивости ассоциаций. В случае неодинаково устойчивых ассоциаций во время скрытого процесса производства речи на одном языке актуализируется только

* Под лексемой подразумевается звуковая (по сути шире — фономорфологическая) оболочка слова, под семемой — лексическое значение слова, т. е. в психологическом аспекте — обиходное, бытовое понятие (для термина — специальное, научное понятие).

или в первую очередь лексема другого языка. В результате в речь на одном языке может оказаться введенной лексема другого языка или какие-то связанные с ней характеристики (произносительные, графические, словообразовательные, грамматические, валентностные, стилистические и т. д.). Кроме того, если с этой лексемой ассоциируется несколько иной ряд семем, чем с отождествляемой с ней лексемой второго языка, а также если отождествляемые семемы не совпадают или совпадают не полностью*, то при восприятии (анализе) речи на втором языке возникают затруднения, а при производстве (синтезе) речи на втором и даже на первом языке нередко возникают семантические инклинации, или кальки.

Все подобного рода ошибки, относящиеся к области языкового взаимопроникновения, или интерференций [см. 118, 525], в разной мере проявляются в различных ситуациях двуязычия. Количество интерференций оказывается тем большим, чем ближе родственны между собой языки. В любом случае интерференции затрагивают прежде всего сходные или соотносительные явления, связанные в двух языках близостью семантики, звучания или функций [ср. 269, 43—49; 266]. Естественно, к таким явлениям относятся и интернационализмы [':66']. Более того, интернационализмы (подобно сходным до степени отождествления когнатам в близкородственных языках) выходят на первый план среди соотносительных явлений обоих языков: быстро убеждаясь в их массовости и регулярности их соответствий, билингв приобретает уверенность, что все слова подобного рода в одном языке должны иметь сходные соответствия во втором и что отождествление таких сходных слов будет вести его и его слушателя к пониманию [ср. 150, 242—243]. Поэтому интернационализмы не только становятся опорными элементами при анализе речи на втором языке, но и легче всего актуализируются в сознании билингва при синтезе речи на втором языке, а в ситуации быстрого переключения с языка на язык (в частности перевода) актуализируются прежде всего и при синтезе речи на первом языке, если билингв часто встречает или только что встретил их параллели в иноязычном высказывании.

Интерференции в интернациональной лексике, подобно любым другим, различаются в зависимости от того, который из языков является основным, первым (обычно родным) для билингва. Если влияние исходит от первого языка, то в речи на втором языке билингв может допускать ошибки, нарушающие структуру языка,

* О различиях семантических структур многозначных слов и расхождениях соотносительных значений см. выше, §§ 50—51.

т. е. попадающие в класс запрещенных образований; в случае же влияния второго языка на первый могут возникать почти исключительно ошибки, затрагивающие норму и играющие роль принципиально допустимых инноваций [ср. 40]. Перенос же лексем в условиях достаточного владения вторым языком возможен, согласно закону Виндиша только из второго языка в первый, но не наоборот. Однако именно интернационализмы (как и когнаты в близкородственных языках) являются исключением из этого закона и могут переноситься в речь на втором языке.

Реакция говорящей массы на интерференции зависит от типа двуязычия. В условиях массового контактного двуязычия интерференции могут мало ощущаться, а в языковых общностях, оторванных от основной массы носителей основного языка, могут оставаться вообще незамеченными. Например, в работах исследователя речи русских иммигрантов в США М. Бэнсона [188; 189] отмечаются как общераспространенные явления заимствования из английского языка, неизвестные в общенациональном литературном языке*, в частности дублирующие распространенные русские слова (типа *нуклеарный*, «ядерный»), приближение значений интернационализмов русского языка к их английским параллелям путем семантического калькирования (типа *апартамент* «квартира»), причем новые значения могут быть мало связаны или не связаны со старыми значениями (ср., например, *рента* — «прокат, наем», *диск* — «граммофонная пластинка», *элеватор* — «лифт», *резидент* — «постоянный житель» и пр.), словообразовательное оформление и/или произношение интернационализмов по английскому образцу (наподобие *кóмпани*, *компóзер*, *москито*, *фарма*, *свэтер* — в соответствии общенародным *компания*, *композитор*, *москит*, *ферма*, *свитер* и т. п.), тенденция выбирать среди синонимов интернационализмы, сходные с английскими словами (типа *конспирация*, а не *заговор*, *агрикультурный*, а не *сельскохозяйственный*, *германский*, а не *немецкий*, *вакация*, а не *каникулы* и т. п.). Аналогичные явления в речи украинских иммигрантов в США и Канаде установил Ю. А. Жлуктенко [см. 83а, 75, 110—114].

С другой стороны, в условиях индивидуального неконтактного двуязычия (обычно специалистов: переводчиков, ученых, журналистов) интерференции, как правило, замечаются говорящей массой, воспринимаясь как нарушения нормы или как инно-

* В тех случаях, когда речь идет о названиях новых явлений и известных реалий, аналогичные заимствования позже иногда появлялись и в общенародном литературном языке (слова типа *мотель*, *крекер*, *продюсер*).

вации. Теоретически представляется, что они должны отсутствовать у квалифицированных билингвов, способных сознательно контролировать качество своей речи — особенно на первом (родном) языке. Практически же они неустранимы, особенно в языке печати, радио и телевидения, где авторам и редакторам приходится работать в условиях спешки. Ниже приводятся типичные интерференции в русском словоупотреблении центральной печати последнего десятилетия (непереводных материалов газет «Правда», «Известия», «Литературная газета», еженедельников «За рубежом», «Неделя», журналов «Вокруг света», «Наука и жизнь» и др.). Объектом наблюдения послужила письменная речь корреспондентов, работающих в иноязычной (преимущественно — англоязычной) среде, а также журналистов, связанных с литературой на иностранных языках. Некоторые примеры взяты из оригинальных печатных работ двуязычных и многоязычных авторов, в том числе лингвистов.

В речи индивидуальных билингвов чаще обычного используются новейшие заимствования (типа *бизнес, круиз, мотель, мьюзикл*) и употребляются окказиональные заимствования (наподобие *кар* — «автомобиль», *трейлер* — «домик на колесах, прицепляемый к легковой машине»). Среди синонимов русского языка предпочтение охотнее отдается интернационализмам независимо от их статуса в языке: так, говорят *агрикультура* (A agriculture)* *вм. сельское хозяйство; академический* (A academic) *вм. абстрактный, отвлеченный; апартамент* *вм. квартира* (Ф appartement); *визитер* (A visitor) *вм. посетитель; калькулировать* (H kalkulieren) *вм. рассчитывать; индустрия* *вм. промышленность* (A industry); *инструкции* (A instructions) *вм. указания; комфортабельный* (A comfortable) *вм. удобный; конфиденциальный* (A confidential) *вм. доверительный, секретный; превалирующий* (A prevailing) *вм. преобладающий, ведущий, реальность* (A reality) *вм. действительность; режим* (A regime) *вм. строй, система; стандарты* (A standards) *вм. нормы; фискальный* (A fiscal) *вм. финансовый; фундаментальный* (A fundamental) *вм. коренной, глубокий; гражданский* (A civil) *вм. штатский, этика* (A ethics) *вм. мораль, нормы поведения* и т. п. В результате иногда возникают нарушения стилистического согласования или лексической сочетаемости слов. Давление иноязычной лексики в каждом подобном случае очевидно, например: «Лейбористский депутат парламента Гамильтон внес в парламент резолюцию, требующую от министра иностранных дел немед-

* В скобках указывается лексема, влияющая в каждом конкретном случае.

ленных инструкций об удалении флага расистов ...» (в корреспонденции О. Орестова из Лондона: *Изв. б. I. 69, 5*).

Особой формой интерференций является создание билингвами новых производных слов от существующих в языке интернациональных корней по образцу слов (часто интернациональных) второго языка. Таковы образования типа *драматизировать* — «придавать трагический или сенсационный характер (A dramatize), *институция* — «институт, общественное установление» (A institution), *инженерия* — «техника», «конструирование» (A engineering), *либерализация* — «облегчение, устранение препятствий» (A liberalization), *лидерство* — «руководящая роль» (A leadership), *машинерия* — «машины, техника» (A machinery), *партнерство* «сотрудничество в качестве партнеров» (A partnership), *фундировать* «строить на фундаменте, базе чего-л.» (A found, Н fundieren, Ф fonder) и т. д. В последнем слове едва ли можно видеть семантическую кальку, так как новое значение не стоит ни в какой связи с значениями Р *фундировать* (1. «обосновывать»; 2. «получать от фондов»; 3. «консолидировать»). Точно так же необязательно связано с устарелым Р *директорат* (сейчас только *дирекция*) слово, употребляемое Д. Краминовым с целью создания местного и тематического колорита в его статье о Японии: «... Нынешняя Япония напоминает огромную корпорацию ... Правительству, действующему ... в роли исполнительного «директората» (A directorate — «правление директоров» — В. А.), поручено предотвратить опасность присущего капитализму анархического начала ...» (ЗР 1970, № 30, 19).

В ситуациях индивидуального культурного двуязычия редки семантические кальки, ведущие к полному разрыву с предыдущими значениями и являющиеся результатом межъязыковой омонимии и паронимии. Менее опасные в случаях массового двуязычия, они часты, например, в иммигрантской речи, но при индивидуальном двуязычии они существенно искажают или даже полностью нарушают смысл высказывания, так как одноязычный читатель (слушатель) может опираться кроме общей семантики высказывания лишь на знание совершенно неподходящих значений, казалось бы, того же слова. Таковы *амуниция* вм. *боеприпасы* (A ammunition), *матрона* вм. *сестра-хозяйка* (A matron), *медицина* вм. *лекарство* (Ф médecine), *резервировать* вм. *оговаривать* (A reserve), *раса* вм. *род* (A race) и пр. При всей редкости такие обмолвки, связанные с межъязыковой омонимией и паронимией, встречаются даже у опытных авторов, особенно полиглотов, о чем свидетельствует пример: «Я приехал в Оксфорд в конце августа. У студентов

были вакансии, и древний университетский городок, опустевший и притихший, напоминал гигантскую голливудскую декорацию ...» (М. Стурра, Руставели в Оксфорде. *Изв.* 28. 9. 66, 3). Употребление слова *вакансии* вм. *вакации*, *каникулы* здесь вызвано одновременной актуализацией лексем *A vacation* «каникулы» и *Φ vacances* «каникулы, отпуск». Опасные искажения возникают при дословном переводе интернационализмов в терминологических сочетаниях, имеющих единую семантику, типа *ассистент/помощник профессора* вместо приблизительного эквивалента *доцент* (*A assistant professor*), *штатский инженер* вм. *инженер-строитель* (*A civil engineer*).

Вместе с тем почти неустранимы, хотя в очень различной степени представлены у разных авторов, интерференции, играющие роль семантических инноваций. Они основываются на отождествлении билингвом не полностью совпадающих соотносительных значений интернационализмов, в частности употребляемых в разных подъязыках и терминологиях. Эти интерференции, имеющие форму окказионального расширения, сужения, переноса значения, частично нарушают смысл высказывания, но компенсируются за счет избыточности содержащейся в нем информации. Их появление в речи не всегда является ошибкой автора, который может сознательно употреблять интернационализм своего языка в несколько отличном значении, желая сблизить его со словом второго языка для передачи колорита чужой речи или по терминологическим и стилистическим соображениям (порой из-за языкового снобизма). Кроме того, авторитет первых авторов-билингвов или те же стилистические факторы могут привести к распространению интернационализма в новом значении среди группы небилингвов. В их употреблении интерференция уже имеет иной характер, относясь к сфере выбора среди синонимов и частотности употребления слов. Примерами семантических интерференций — инноваций могут быть *аккумуляция* — «накопление, концентрация» (*Φ accumulation*, *A accumulation*), *аккумулировать* — «копить» (*A accumulate*), *актуальный* — «современный» (*Φ actuel*), *ассоциированный (член)* — «младший партнер» (*A associated (member)* с американским оттенком значения), *госпиталь* — «клиника, больница» (*A hospital*), *инструктивный* — «полезный, поучительный» (*A instructive*), *инструмент* «орудие, средство — в абстрактном значении» (*A instrument*), *интимно* — «близко, глубоко — о знании» (*Φ intimentment*), *информатор* — «осведомитель» (*A informer*), *канализировать* — «вводить в русло, централизовать» (*Φ canaliser*) и «направлять, внедрять» (*A canalize*), *кооперированный* — «объединенный, совместный» (*A cooperated*), *лидер* — «руководи-

тель — в широком смысле) (A leader), лингвист — «знаток языков, полиглот» (A linguist), лингвистический — «языковой» (A linguistic, Ф linguistique), лояльный — «верный, преданный» (A loyal), машина — «аппарат — о республиканской и демократической партиях США» (A machine с американским оттенком значения), меморандум — «заявление, докладная записка» (A memorandum), оккупировать — «занять» (А оссипу), президент «ректор» (A president), приоритет — «первенство — в широком понимании» (A priority), революция — «восстание; политическое выступление» (A revolution), реставрация — «восстановление, возобновление в широком смысле» (A restoration, Ф restauration), стандарт — «уровень» (A standard), политическая фигура — «политический деятель» (A political figure) и т. д.

Обычно такие новые значения понятны на основе уже существующих. Так, в отрывке из корреспонденции М. Сагателяна из Вашингтона: «Ряд политических фигур американской столицы, сенаторы и конгрессманы отказались от заранее запланированных встреч . . .» (Пр. 17. II. 63, 5) окказиональное значение «деятель» в слове *фигура* увязывается с принятым, сейчас нередко разговорно-ироническим значением «важная персона». Еще более естественным выглядит то же слово в таком контексте: «Мелкий буржуа, разыгрывающий из себя крупную политическую фигуру ...» (в статье М. Стурюа из Вашингтона, Нед. 1970, 31, 11). Иногда впрочем прямой связи значений не возникает, но понятность обеспечивается, кроме контекста, значениями корня и словообразовательной модели, например: «Если лингвистика хочет быть жизненной наукой, то она должна помочь жизни канализировать этот поток (иноязычных слов и названий — В. А.) ...» (Л. В. Щерба: [176, 202]), где слово *канализировать* понимается как «упорядочить, ввести в определенные рамки» (ср. Ф canaliser «централизовать, направлять», тогда как Р канализировать значит только 1. «устраивать канализацию в доме», 2. «делать реку судоходной»).

Некоторые окказиональные новые значения интернационализмов постепенно входят в общую речевую практику. Сегодня ряд интернационализмов в таких значениях, все еще характерных прежде всего для словоупотребления билингов, все больше становится достоянием языка печати. Таковы, скажем, *администрация* — «правительство — о США» (A (am) administration), *альтернатива* — «выход; противоположный выход, иной исход» (A alternative, отсюда Ф alternative, Н Alternative и т. д.), *амбиции* — «стремления, претензии» (A ambitions, Ф ambitions), *атаки* — «нападки, выпады» (A attacks, Н Attacken, Ф attaques), *атаковать* —

«нападать» (A attack), *барьер* — «препятствие» (A barrier), *вакуум* — «пустота» (A vacuum), *драматический* — «внезапный и волнующий, тревожный; сенсационный» (A dramatic, отсюда Ф *dramatique*, Н *dramatisch*), *драматически* — «волнующе; сенсационным образом» (A dramatically), *контакты* — «связи» (A contacts), *марш* — «поход с целью демонстрации чего-л.» (A march, отсюда Ф *marche*, Н *Marsch*), *национальный* — «в масштабах страны, относящийся ко всей стране» (A national, Ф *national*, Н *national*), *практически* — «по сути, фактически» (A practically, отсюда Ф *pratiquement*, Н *praktisch* и т. д.), *эксперт* — «специалист; знаток» (A expert) и пр.

§ 58. Перевод является особым случаем «двуязычия культурных людей» [см. 238, 79], или «профессионального двуязычия», противостоящего обычному, бытовому двуязычию. Лингвистический его аспект связан с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств [162, 23]; он сближается, таким образом, с синхроническим сопоставлением языков и теорией языковых контактов. В психолингвистическом плане этот вид речевой деятельности характеризуется последовательным совмещением двух актов: понимания речи на одном языке и владения ею на другом; здесь сохраняются все закономерности двуязычия, но билингв сознательно борется против любых интерференций [ср. 242, 4—5]. Кроме того, существует социальная, в частности культурно-историческая, сторона перевода, а также литературоведческий план художественного перевода.

В ходе анализа речи на одном языке и синтеза на другом переводчик неизбежно сопоставляет оба языка. Правда, такое сопоставление бывает обычно (а в синхронном переводе — только) имплицитным. Вместе с тем, сопоставление не означает простой замены форм одного языка соотносительными формами другого языка в процессе перевода. Даже сторонник полного уподобления перевода сопоставлению языков Дж. Кетфорд признает, что при переводе заменяются на отдельные элементы эквивалентными элементами, а текстовой материал на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом [191, 20—21]. Выше уже отмечалось, что в отличие от сопоставительного изучения языков, имеющего дело с фактами уровня нормы, перевод связан с фактами наиболее конкретного уровня — индивидуальной речи. Здесь не только слово, но и предложение и абзац имеют сложные, изменчивые, нередко индивидуальные отношения с другими частями текста, «... поэтому, даже говоря о переводе отдельно взятого слова, всегда приходится учитывать роль окружения, контекста, который в извест-

ных случаях может потребовать новых поисков варианта» [162, 160].

Таким образом, между словарным языковым переводным эквивалентом и речевым существуют значительные различия. Первый отражает семантическую соотносительность слов и их стилистическое соответствие в самой общей форме. Второй конкретен и более или менее индивидуален, он подчинен задаче оптимальной передачи содержания конкретного текста средствами другого языка и отражает, соотношение лексики, грамматики и стилистики обоих языков через призму значения и функций слова в данном тексте. Переход от языкового к речевому эквиваленту может быть обусловлен неполнотой семантического совпадения переводимого слова и общего, словарного эквивалента, различием их статуса в языках (семантических и словообразовательных связей, связей с омонимами, синонимами и пр.), расхождениями их мотивировок, звучания, сочетаемости и стилистических характеристик. Может сказаться также различная привычность многих свободных сочетаний слов, разная частотность слов, неодинаковая склонность языков к конкретному или абстрактному, частному или общему при обозначении одних и тех же явлений, различие привычных сравнений, метафор и т. д. Наконец, за пределами собственно языков влияют расхождения культур, различия в национальных эстетических идеалах, а в художественном переводе — также расхождения в литературных стилях, просодических системах, индивидуальных художественно-стилистических системах.

Все эти соображения полностью относятся и к интернационализмам в переводе. Так, скажем, несмотря на полную семантическую соотносительность *Р телефон*, *Ф téléphone*, *Н Telefon* и *А telephone*, при переводе первые два слова обычно передаются по-немецки как *Fernsprecher* (т. е. более распространенным словом, поддерживаемым связью с множеством слов типа *Ferngespräch*, *Fernsprechamt*, *Fernsprechautomat*, *Fernsprechbuch* и мн. др.), а по-английски в разговорной речи — как *phone*. Хотя стилистики всех четырех языков предупреждают против тавтологии, только французский язык допускает при этом замену слова квазисинонимом с существенными семантическими отличиями (наподобие *costume* «костюм мужской» — *tailleur* «костюм женский», *wagon* «вагон товарный» — *voiture* «вагон пассажирский»): языковые расхождения французских слов нейтрализуются, стираются в речи. Только французский язык требует замены специальных терминов в случае их повторения, тогда как остальные языки не допускают ее. В. Г. Гак высказывает мнение, что «. . . вариация средств выражения во

французском языке является не просто стилистическим приемом, а грамматической необходимостью — одним из ведущих законов построения речи во французском языке» [60, 320]. Кроме того, языки могут расходиться в закономерностях выбора слова — замечания: в русско-французском и русско-немецком переводе слова *автомобиль* или *машина* могут быть переданы как *Ф auto* или *voiture*, *Н Auto*, *Kraftwagen* или *Wagen*, что отражает лишь стилистическое, речевое уподобление, а не действительное уподобление понятий, по замечанию Э. Вюстера [276, 364]. Для французской речи здесь особенно характерно стремление к общим, абстрактным понятиям и родовым специальным терминам, поэтому *Р мандрил* даже в бытовом тексте может оказаться переведенным и как *mandrill* и как *супосёрхале*. Порой речь может идти лишь о степени привычности тех или иных сочетаний слов: так, *Р варварский акт* соответствуют *Ф un acte de barbarie* и *un acte de vandalisme*, но только *А an act of vandalism*. Последний пример является, кстати, иллюстрацией и к грамматическим отклонениям от языковых словарных соответствий (ср. *Р варварский* — *Ф barbare* — *А barbarous*), называемым Ж. Вине и Ж. Дарбелье «транспозициями» и состоящим в замене одной части речи другою при переводе без изменения смысла сообщения [266 а, 97]. Характерно, например, предпочтение, оказываемое во французской речи предложному обороту с существительным, а не производному прилагательному, даже если оно имеется в языке (например, *Р типичный француз*, *А a typical Frenchman*, *Н ein typischer Franzose* — *Ф un vrai type de Français*).

И тем не менее языковые словарные эквиваленты важны при переводе: даже если эти эквиваленты воспринимаются как буквализмы, ведут к стилистическим или валентностным нарушениям, семантическим или грамматическим окказиональным калькам, но при этом передают основную мысль оригинала, они — пусть негативно, как рабочее средство, по контрасту — полезны для переводчика [163, 93]. Именно самые общие эквиваленты нередко используются на первой стадии перевода, ложась в основу поисков более удачных эквивалентов. С этим связывается и положительная роль интернационализмов при переводе. Особенно легко реализуясь, благодаря сходству лексем, в качестве естественных «буквальных» эквивалентов в первоначальном варианте перевода, они способствуют первичному оформлению мысли на языке перевода, даже если и не сохраняются затем как подходящие в данном случае речевые переводные эквиваленты. По предварительным подсчетам около 70% интернациональных слов, например, в английской речи могут переводиться своими русскими параллелями без даль-

нейшего семантико-стилистического корректирования; приблизительно в 22% случаев такой перевод обеспечивает понятность, но требует литературной правки, и не более чем в 8% случаев буквализмы, построенные на интернационализмах, ведут к существенному искажению или полному нарушению понятности высказывания.

§ 59. Несмотря на особое место перевода среди всех типов двуязычия полная дифференциация языков в сознании переводчика здесь далеко не всегда достигается. Разумеется, степень дифференциации зависит от вида перевода: интерференции резко уменьшаются по направлению от учебного перевода и рабочего перевода, осуществляемого специалистом для себя, к переводу профессиональному и особенно письменному, выполняемому для печати. Многое зависит от квалификации переводчика, а также от того, является ли язык оригинала или язык перевода родным для него. И все же даже в письменных переводах с иностранного языка на родной, выполняемых опытными переводчиками нередко без спешки и с последующей правкой со стороны литературных редакторов-небилингвов, следы влияния языка оригинала нередки и не могут считаться патологией. Приводимый ниже иллюстративный материал взят из квалифицированных, частично — лучших художественных переводов на русский язык (преимущественно с английского), опубликованных в 30—60-х гг. XX ст. центральными издательствами страны и центральными периодическими изданиями.

Наблюдения за передачей интернационализмов в переводах показывают, что, хотя в общем при переводе равнозначные отношения устанавливаются между речевыми текстами, а не изолированными языковыми знаками, перевод — в лексическом плане — не сводится к передаче семантики высказывания независимо от распределения значений в лексических единицах оригинального текста. Воспринимая высказывание как целое, переводчик воспринимает в составе этого целого и значения и формы составляющих единиц. Это и отражается, в частности, в повышении удельного веса в его речи лексических единиц, сходных по форме или по функциям с единицами оригинала, в том числе интернационализмов.

Рост частотности интернационализмов, характерный для подавляющего большинства переводов, является малозаметным нарушением нормы и поэтому считается скрытой интерференцией, как в случаях типа *аспект* — «сторона» (А aspect*), *барьер* —

* В скобках приводятся слова оригинальных текстов.

«препятствие» (A barrier, bar), *визитер* — «посетитель, приезжий» (A visitor), *волонтер* — «доброволец» (A volunteer), *вояж* — «поездка, путешествие» (A voyage), *дантист* — «зубной врач» (A dentist), *вульгарный* — «пошлый, грубый, простой» (A vulgar), *вульгарность* — «пошлость, грубость» (A vulgarity), *информация* — «данные, материалы» (A information), *комфорт* — «удобства, уют» (A comfort), *комфортабельный* — 1. «удобный»; 2. «уютный» (A comfortable), *лояльный* — «верный» (A loyal), *материя* «предмет, тема» (A matter), *механически* — «машинально» (A mechanically), *превалировать* — «преобладать» (A prevail), *радикальный* — «коренной» (A radical), *респектабельный* — «приличный, благопристойный» (A respectable), *руина* — «развалина» (A ruin), *триумф* — «торжество» (A triumph, Ф triomphe), *триумфально* — «торжествующе» (A with triumph, triumphantly, Ф avec triomphe), *фавор* — «милость» (A favour), *фаворит* — «любимец» (A favourite), *фамилия* — «семья» (A family), *фамильный* — «семейный» (Н Familien-), *фатальный* — «роковой» (A fatal, Н fatal), *фатально* — «роковым образом, плачевно» (A fatally), *фундаментальный* — «основной, коренной» (A fundamental), *шанс(ы)* — «возможность, возможности» (A chance(s)), *шеф* — «начальник» (A chief), *экстравагантность* — «сумасбродство, странность» (A extravagance), *экстравагантный* — «странный, нелепый» (A extravagant), *экстраординарный* — «необычайный, из ряда вон выходящий» (A extraordinary), *эмоция* — «чувство, переживание» (A emotion) и т. д.

Иногда подобные слова отличаются от национально-специфических синонимов стилистической окраской, но она не противоречит окраске контекста. Даже скопление интернационализмов в одном высказывании может восприниматься как допустимая особенность индивидуального слога, например: «Это был триумф творческого интеллекта над вульгарными способностями вроде умения насвистывать сквозь зубы» (С. Льюис, Я бывалый газетчик. Пер. И. Линецкого. В кн. «Кингсблад, потомок королей. Рассказы. Статьи. Очерки». Лениздат, 1960, 669), где книжная окраска интернационализмов усиливает общую ироническую направленность фразы. При более существенных нарушениях современной нормы (геср. интерференциях) могут возникать отсутствующие в оригинале стилистические эффекты, как в случае употребления в нейтральных бытовых контекстах слов наподобие *конспирация* «заговор» (A conspiracy), *натурально* — «конечно, понятно» (A naturally), *номад* — «кочевник» (A nomad), *персона* — «особа» (Н Person) и пр. Влияние формы слова оригинала на выбор стилистически отличного варианта интернационализма наподобие *метода* в м. совр.

метод, манера, подход (Ф la méthode, Н die Methode) также может рассматриваться как интерференция: «Когда у Жан-Шарля неприятность, он молчит. Люсьен говорит. Две методы» (С. де Бовуар. Прелестные картинки. Пер. Л. Зониной. М., 1967, 7, 144). Своеобразная сознательная интерференция с установкой на обыгрывание формы интернационализма, сходной с формой его диалексемы в оригинале, представлена в случаях типа *спекулятор* — «спекулянт» (Ф spéculateur), *решпект* — «уважение» (Н Respekt), *штудировать* — «изучать» (Н studieren), *штудии* — «занятия» (Н Studien) и пр., где подчеркивается местный колорит и колорит эпохи: «На заднем плане драмы любви и верности выступают все-сильные интересы «спекуляторов» эпохи Революции, желающих присвоить себе поместья эмигрантов» (А. Моруа, Прометей или жизнь Бальзака. Пер. Н. Немчиновой и Я. Лесюка. М., 1967, 428).

В большинстве переводов не удается полностью избежать семантических калек, воспринимающихся как инновации и компенсирующихся в контексте. Достаточно сказать, что некоторые из приводимых здесь примеров интерференций взяты из переводов, выполненных такими мастерами, как К. Чуковский, Е. Ланн, А. Кривцова, И. Кашкин, М. Лорие, М. Дьяконов, Т. Кудрявцева, Е. Калашникова, М. Абкина и др. У опытных переводчиков кальки-инновации нечасты, но даже в случае их массовости, как, например, в переводе романа У.-М. Теккерея «Виргинцы», выполненном Ст. Вольским (М., 1961), они в общем не мешают восприятию произведения, хотя порой ощущаются как некоторая необычность словопотребления и, что хуже, иногда вызывают отклоняющиеся от оригинала семанτικο-стилистические эффекты. Таковы, скажем, наряду со многими интерференциями, общими с упоминавшимися выше ошибками билингвов-журналистов, также и *автор* — «виновник» (исп. autor), *адаптироваться* — «приспосабливаться — в широком смысле» (A to get adapted), *академический* — «1. учебный, 2. свойственный высшей школе, 3. научный, 4. абстрактный» (A academic), *активность* — «деятельность» (A activity, Н Aktivität), *акция* — «действие, поступок» (A action), *амбиции* — «стремления» (A ambitions), *амбиция* — «честолюбие» (Ф ambition), *апартамент(ы)* — «многокомнатная квартира или номер» (A apartment), *барьер* — «препятствие» (A barrier), *вакуум* — «пустота» (A vacuum, Н Vakuum), *ветеран* — «участник войны» (A veteran), *вульгарный* — «простой» (A vulgar), *финансовая гвардия* — «таможенная охрана» (ит. guardia di finanza), *демонстрировать против чего-л.* — «участвовать в демонстрации» (A demonstrate against smth.), *диета* — пита-

ние» (A diet, Ф diète), *дискуссия* — «1. обсуждение, разбор; 2. переговоры (A discussion), *диссертация* — «сочинение» (A dissertation), *инвентарь* — «мебель, книги и пр.» (A inventory), *кабинет* — «небольшая комната» (Ф cabinet), *компилировать* — «составлять» (A compile), *кооперация* — «сотрудничество (A co-operation, чеш. kooperace), *курс* — «ход, путь» (A course), *лидер* — «вождь; руководитель; начальник» (A leader), *лорд* — «повелитель» (A lord), *манускрипт* — «любая рукопись» (A manuscript), *митинг* — «собрание» (A meeting), *мода* — «обычай, обыкновение» (Ф mode), *нация* — «народ» (A nation), *ординарный* — «обыкновенный» (A ordinary), *платформа* — «перрон» (A platform), *прогресс* — «успехи» (A progress), *революционизировать* — «полностью изменять» (A revolutionize), *резиденция* — «жилище, дом» (A residence), *сатирический* — «насмешливый» (A satirical), *сентиментальный* — «эмоциональный» (A sentimental), *спектакль* — «зрелище» (A spectacle), *старт* — «начало» (A start), *субъект*, — «предмет, тема», (рум. obiect), *техника* — «метод, прием» (technique), *тривиальный* — «незначительный, несерьезный» (A trivial), *феномен* — «явление» (A phenomenon), *цинизм* — «скептицизм» (A cynicism), *циник* — «скептик» (A cynicist), *шок* — «сильное потрясение, удар» (A shock), *шокировать* — «1. волновать, тревожить; 2. возмущать» (A shock), *эквивалентный* — «равноценный» (A equivalent), *экипировать* — «снарядить» (A equip), *экстраординарный* — «необычайный» (Ф extraordinaire), *эскиз* — «очерк» (Ф esquisse), *элементы* — «основы» (Ф éléments) и мн. под.

Ряд подобных слов встречается в новых, калькированных значениях и в оригинальном словоупотреблении последнего десятилетия (кроме упоминавшихся выше, это также *ветеран*, *корректный*, *тривиальный* и пр.).

Наиболее серьезные ошибки в переводе создают кальки, основанные на отождествлении несоотносительных значений интернационализмов, по сути находящихся в отношениях межъязыковой омонимичности или паронимичности. Правда, в большом числе случаев в таких значениях все же имеется хотя бы один общий семантический множитель, который может помочь ориентироваться в содержании высказывания, но при этом происходит утрата существенной информации или появление дополнительной, неоправданной с точки зрения оригинала, дезориентирующей информации. Такой характер имеют интерференции типа *агония* — «страдание» (A agony) *академия* — «частная привилегированная школа» (A academy), *активист* — «экстремист» (Ф activiste), *аллея* — «переулок; закоулок» (A alley), *аптекарь* — «лекарь» (A apothecary) *бараки* — «казармы»

(A barracks), *бисквит* — «1. галета; 2. морской сухарь; 3. хлеб, который едят горячим с маслом» (A biscuit), *вагон* — «фургон» (A waggon), *губернатор* — «хозяин» (A governor), *доминион* — «имение, владение» (A dominion), *инвалид* — «больной» (A invalid), *интеллигентный* — «разумный» (A intelligent), *кадет* — «курсант; слушатель высшего военного учебного заведения» (A cadet), *лектор* — «тот, кто читает нотации» (A lecturer), *ликер* — «(спиртной) напиток», (A liquor по аналогии к liqueur), *лунатик* — «сумасшедший» (A lunatic), *макинтош* — «дождевик» (A mackintosh), *мармелад* — «джем» (A marmalade), *медицина* — «терапия» (A medicine), *параграф* — «абзац» (A paragraph), *рас* — «1. род; 2. порода; 3. народ» (A race), *резидент* — «иностранец, постоянно проживающий в стране» (Ф resident), *редактировать* — «1. готовить к изданию; 2. издавать» (A redact), *реликвия* — «остаток (старины)» (A relic), *рутина* — «1. обычный порядок; 2. повседневная работа; 3. повседневность» (A routine), *симпатия* — «сочувствие» (A sympathy), *скандал* — «злословие, сплетня» (A scandal), *сквер* — «площадь» (A square), *спорт* — «развлечение» (A sport) и т. д.

В других межъязыковых омонимах и паронимах, вызывающих или способных вызвать интерференции при переводе, какое бы то ни было семантическое пересечение отсутствует. Таковы *амуниция* — «патроны, боеприпасы» (A ammunition), *бестия* — «хищный зверь, чудовище» (A beast, Н Bestie, пол. bestia), *галантность* — «доблесть» (A gallantness), *галантный* — «доблестный» (A gallant), *кабинет* — «шкатулка» (A cabinet), *комендант* — «майор» (Ф commendant), *компаньон* — «путеводитель» (A companion), *кредит* — «доброе имя, репутация» (A credit), *лицензия* — «распушенность, вольность» (A licence), *майор* — «мэр» (A mayor по аналогии с major), *мистерия* — «тайна» (A mystery), *офицер* (полиции) — «полицейский» (A (police) officer), *пафос* — «1. способность вызывать чувство сострадания; 2. нечто грустное, трогательное» (A pathos), *патетический* — «1. жалкий; 2. трогательный» (A pathetic), «потрясающий, вызывающий ужас, горе» (Ф pathétique), *пилот* «лоцман» (Ф pilote, порт. piloto), *ректор* — «священник» (A rector), *чемпион* — «защитник» (A champion), *эзекуция* — «казнь» (A execution) и т. д. Во всех таких случаях переводчик употребляет слово в значении его диалексемы, приводимой в наших списках, но читатель воспринимает слово в его русском значении, что и влечет за собой искажение значения высказывания, которое нередко не может быть компенсировано даже содержанием текста в целом.

§ 60. Понятие интерференции охватывает любые нарушения системы и нормы одного языка под влиянием другого; столь же

широко и понятие «ошибки» в работах по культуре речи. Сюда относят явления различных планов, по-разному сказывающиеся на речевой коммуникации. Для их оценки необходимо разграничить свойства языковых знаков (в нашем случае — слов) и закономерностей их сочетаемости в соответствии с критериями понятности высказывания и правильности его построения. При этом понятность трактуется как возможность восприятия слушателем речи всей основной лингвистической информации, которую говорящий вложил в сообщение (при перевод — основной лингвистической информации оригинального текста). Соответственно целесообразно дифференцировать по меньшей мере три вида свойств слова, рассматриваемых на разных уровнях абстракции*).

I. Свойства слова, обеспечивающие понятность высказывания, связаны с семантическими множителями, образующими его значение. Их нарушения колеблются от утраты или подмены всех множителей до утраты или добавления единичных вторичных множителей при сохранении семантического стержня слова. Кроме того, в реальной речевой коммуникации эти нарушения могут компенсироваться контекстом тем в большей мере, чем шире контекст и чем выше степень его семантической избыточности. Наиболее серьезные помехи возникают, если билингв отождествляет несоотнесительные значения слов с полностью или преимущественно расходящимися семантическими множителями (resp. межъязыковые синонимы и паронимы). Искажение семантики высказывания часто оказывается при этом непоправимым, хотя и незаметным для небилингвов. Так, в предложении «... к президенту Рузвельту примкнули почти все либеральные члены Конгресса, . . . , а также губернаторы Флойд Олсен и Олин Джонсон и майор Ла-Гардиа» (С. Льюис, У нас это невозможно. Пер. З. Выготской. — Собр. соч. в девяти томах, т. 6, М., 1965, стр. 93) неясно, что речь должна была бы идти не о некоем майоре, а о мэре (A mayor) Нью-Йорка. Иногда контекст не допускает реализации подобного калькированного значения, не позволяя, впрочем, и восстановить утраченный смысл. Например, современному русскому читателю понятно лишь, что применительно к XVI веку речь не может идти о летчике: «. . . историк Жоао де Барруш сообщал: «Он [мавр — В. А.] сказал, что арабские пилоты** Красного моря пользуются приборами . . . для того, чтобы измерить высоту солнца» (Т. А. Шумовский,

* См. [10, 77—78], а также § 55.

** Порт. *piloto* «лоцман». В XIX в. в этом значении иногда употреблялось слово пилот (от Ф *pilote*).

Арабы и море, М., 1964, 19). Особенно незаметное извращение смысла возникает, если несоотнесительные значения отождествляемых билингвом слов по одному из основных множителей пересекаются: «Потом он быстро свернул с главной улицы в сторону и исчез в слабо освещенной аллее [A alley — «переулок» — В. А.]» (Г. К. Честертон, Бесславное крушение одной блестящей карьеры. Пер. В. Стенича. *НиЖ*, 1969, 1, 103). Наконец, кальки этого типа могут не нарушать понятность текста, если его избыточность достаточно велика для восстановления значения данного слова при его пропуске: «... в этих легендах обезглавливание почти всегда считается самым эффективным средством экзекуции (A execution «казнь» — В. А.), тогда как другие виды казни: травля дикими зверями, сжигание, утопление — бесполезными» (Перев. из «Ньюсуик» — *ЗР*, 1967, 28, 19).

Интерференции, основанные на отождествлении интернационализмов с неполностью соотносительными значениями (кальки-инновации) в случае включения или пересечения значений отождествленных слов замечаются как ошибки словоупотребления, но не мешают понятности текста: «Элизабет была именно такой девушкой, какую я искал, — дочь весьма уважаемого дипломата, сама имевшая некоторый опыт секретарской работы на дипломатической службе, прекрасный лингвист*» (Л. Мойзиш, Операция «Цицерон». Пер. Д. Игнатовой. М., 1957, стр. 149). Но даже и такое нарушение не ощущается, когда в оригинале встречается промежуточный случай между двумя значениями, одно из которых полностью соотносительно со значением употребляемого русского слова. Например, в предложении «... все были восхищены любезностью и добрым юмором, проявленным актером» (Д. Джекобсон. Король алмазных полей. Пер. В. Тельникова. «Вокруг света», 1968, № 7) слово *юмор* допустимо, так как речь идет о снисходительном и даже шутливом замечании известного киноактера во время прерванных неизвестным бродягой съемок; однако в подлиннике *good humor* колеблется между значениями: «юмор» и более вероятным «добродушие, благодушие».

II. Утрата информации отсутствует при интерференциях, нарушающих нормативно-языковые свойства слова — закономерности его традиционного построения и включения в словосочетания. Их результаты ощущаются как не мешающая понятности ошибка или оригинальная манера автора. Примером являются калькиро-

* Р лингвист — «ученый — языковед», A linguist — также и «полиглот». В тексте речь явно идет только о знатоке языков — практике.

ванные словосочетания с переносом семантической или лексической сочетаемости наподобие *интимная сущность реальности, демонстрировать мало энтузиазма по отношению к наукам, фальшивая угроза* и т. п. в переводах с английского. Таковы же словообразовательные инновации типа *директорат* (вм. *дирекция*).

III. Наконец, могут нарушаться закономерности употребления слова в функциональных стилях, подстилях, жанрах, привычных формулах, предпочтения тех или иных слов, тропов и т. д. Такие явления ощущаются как речевые ошибки, нарушающие общепринятое стилистическое согласование элементов высказывания, объективную эстетику речи. Они могут быть результатом интерференций, основанных на отождествлении интернационализмов, которые различаются только стилистической или эмоционально-экспрессивной окраской, привычными особенностями переносного употребления, употребления в речевых формах. Например, с точки зрения стилистики русского языка нежелательно в любом контексте книжное слово *аспект* вместо нейтрального *сторона* (*явления, вопроса*) или книжное, нередко неодобрительное *визитер* вместо обычных *посетитель, приезжий, гость*. Зато при переводе отказ от передачи нормативно-речевых особенностей, не являясь интерференцией, ведет к утрате дополнительной лингвистической информации — языково-эстетических, оценочных, эмоциональных и прочих подтекстных оттенков подлинника, причем читателем, незнакомым с оригиналом, такая утрата не замечается. Так, М. Дьяконов, переведя название главы VIII в первой части «Ярмарки тщеславия» У.-М. Теккерея как «Приватная и конфиденциальная» (Academia, М.-Л., 1933, 178), пожалуй, не допустил интерференции: книжные слова в данном случае вполне уместны. Перевод точно соответствует значениям слов оригинала (*Private and confidential*) и отражает содержание главы, где приводится доверительное письмо, написанное девушкой подруге. И все же утрата дополнительной информации несомненна: перевод не отразил приема автора — использования в качестве заголовка специальных помет на конверте (приблизительно означающих «Только в собственные руки»).

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ПУТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА 1. ПУТИ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 61. Некоторые особенности историко-этимологического анализа лексических интернационализмов. **§ 62.** Пути возникновения интернациональной лексики в русском языке. **§§ 63—64.** Появление интернационализмов в русском языке до начала XIX в. **§§ 65—66.** Пополнение и развитие фонда интернациональной лексики в русском языке в XIX—XX вв. **§ 67.** Русский язык как источник интернационализмов.

§ 61. Рассмотрение диахронического аспекта проблемы интернационализмов осуществляется путем исторического и этимологического анализа явлений, ранее установленных в результате применения ареального и синхронно-сопоставительного методов. Такое разграничение синхронии (в данном случае — той единственной плоскости, в которой возможна идентификация и адекватное описание характерных признаков рассматриваемых явлений) и диахронии отнюдь не означает их разрыва и противопоставления. Напротив, материалы предыдущих разделов свидетельствуют о тесной связи обоих аспектов. Уже ареальный анализ интернационализмов неизбежно подводит к вопросу о причинах и путях появления изоглосс и наглядных даже в пределах одного временного среза колебаниях изоглосс. То же относится к синхронно-сопоставительному изучению лексики, при котором неизбежно затрагиваются вопросы выбора, предпочтения, а следовательно, в перспективе — и изменения явлений. Но, вероятно, в наибольшей мере динамика синхронии проявляется при изучении интернационализмов в ситуациях двуязычия (в частности при переводе), прямо подводящем исследователя к диахронической стороне вопроса. Диахронический анализ интернационализмов, в том числе интернациональной лексики, свидетельствует об их определенной

специфике и в этом плане. Разумеется, к ним относятся все требования, обычно предъявляемые к историко-этимологическому анализу лексики. В частности, здесь важно различать понятия исторического источника, этимологического источника и этимологического материала.

Известно, что каждый говорящий пытается воспроизводить ранее усвоенные языковые образцы, стремясь справиться с возникающими перед ним новыми ситуациями; билингв (или полиглот) может воспроизводить образцы одного языка в контексте другого [см. 210, 212]. Это обстоятельство лежит в основе языковых контактов; в конечном счете им и объясняется возможность расхождений исторического и этимологического источников и этимологического материала слова.

Этимологическим источником является язык, в котором впервые возник образец, воспроизводимый в рассматриваемой лексической единице. Историческим же источником является язык, непосредственно передающий этот образец в данный язык, то есть находящийся с ним в прямом контакте. Для собственных образований данного языка и части заимствований оба явления совпадают, но для многих заимствований расходятся. Например, слова *тайга* — якутского происхождения, в русском первоначально диалектизм (в Сибири), вошедший в литературное употребление лишь во второй половине XIX в.; в XX в. из русского это слово распространилось во многих языках как географический термин (А *taiga*, Н *Taiga*, Ф *taïga* и пр.). Здесь можно считать этимологическим источником якутский язык, т. к. терминологизация слова в русском языке не привела к отрыву от первоначального значения «непроходимый хвойный лес». Вместе с тем, в случаях, когда новое значение, в котором заимствуется слово, возникло не в первоначальном языке-источнике, а в другом языке, именно этот последний следует считать этимологическим источником заимствования*. С этой точки зрения можно согласиться с Ю. А. Бельчиковым, что А *tank* и *tanker* одинаково «возникли целиком на почве национального (английского — В. А.) языка» [ср. 32, 19], хотя история этих слов различна. Слово *tank* пришло в английский язык через португальский из маратхи в значении «резервуар, цистерна» в XVII в. и получило здесь в 1915 г. новое значение «танк», в котором оно интернационализировалось. Слово же *tanker* было образовано на английской почве от предыдущего не позже 1905 г.

* Ср. аналогичное мнение Ю. С. Сорокина [154, 160].

Из сказанного ясно, что этимологический материал не всегда определяется этимологическим источником. Имеются в виду не использование языком — этимологическим источником когда-то ранее заимствованного, но потом усвоенного материала: в этом случае этимологический материал принадлежит языку-источнику. Так, этимологический материал русского слова *Совет* — «орган советской власти» — русский, хотя в свое время слово в ином, общем значении было заимствовано из старославянского языка. Точно так же нельзя признать *Р арабеска* арабизмом [см. 32, 22]. И по этимологическому источнику и по материалу это слово итальянского происхождения (ит. *arabesco* «арабский орнамент» образовано от прилагательного *arabesco* «арабский»); оно пришло в русский язык в форме *арабеск* в конце XVIII в. через французский (Ф *arabesque*), а затем в форме *арабеска* через немецкий язык (Н *Arabeske*). Все упомянутые слова не являются арабизмами, в том числе и ит. *arabesco* «арабский», образованное, в свою очередь, от *arabo* «араб» (из лат. *arabus*, восходящего к араб. *араб*). Расхождение же этимологического источника и этимологического материала имеет место, когда при создании нового слова в каком-то языке используется не усвоенный им иноязычный материал. Материал для таких «искусственных заимствований» обычно берется из языка, пользующегося большим культурным авторитетом, чаще всего — мертвого. Примерами слов с различными этимологическими источниками и этимологическим материалом могут служить *Р агностицизм* (из А *agnosticism*, созданного в 1869 г. Т. Гексли из др.-гр. ἄγνωστος «непознаваемый» + *ism*), *Р аспирин* (из Н *Aspirin*, созданного из др.-гр. ἀ — «не-», лат. *spirare* «жить, дышать» + *in*), *Р фагоцит* (созданный в 1883 г. И. И. Мечниковым из др.-гр. φαγεῖν «пожирать» и κύτος «клетка»). Вместе с тем, у *Р неотектоника*, созданного в 1948 г. В. А. Обручевым, и этимологический источник и этимологический материал — русские, так как морфемы и модель имелись в самом русском языке. Таким образом, понятие этимологического материала связано не с восстановлением древнейших доступных состояний слов, морфем и моделей, прослеживаемых в генетически и исторически взаимосвязанных языках, а с конкретной языковой принадлежностью формального материала, использованного первым создателем слова для передачи того или иного значения.

В языковых контактах вообще нередки случаи перманентного заимствования, то есть разновременной ориентации различных носителей данного языка на один и тот же иноязычный образец. Они особенно характерны при перенятии интернационализмов, причем здесь сходные образцы представлены в ряде языков, а нередко

заложены и в возможностях структуры и нормы собственного языка. Так возникают явления множественности исторических, этимологических источников и этимологического материала*.

Множественность исторических источников означает, что заимствованное слово появилось в языке в результате воспроизведения языковых образцов разных языков, причем за всеми образцами стоит один и тот же этимон. Примерами являются уже упоминавшиеся *Р арабеска* или *Р агрессия*, новообразование начала XX в., опирающееся не только на *Ф aggression*, но и на *А aggression* и *Н Aggression*. Подобные случаи весьма характерны, поэтому трудно разделить уверенность составителей многих словарей в наличии у каждого интернационализма одного исторического источника. Правильно поступают, например, авторы польского «*Słownik wyrazów obcych*» под редакцией З. Рысевича (Warszawa, 1962), обычно приводящие в качестве возможных источников четыре «мировых языка»: русский, немецкий, французский, английский. Еще конкретнее решает вопрос «Български етимологичен речник» под ред. В. Георгиева (София, 1962 и след.), называющий для многих интернационализмов два реальных исторических источника или более: например, болг. *автомат* — через *Р автомат* и *Н Automat* от гр. *αὐτομάτος*, болг. *авторитет* — через *Р, Н, Ф* от лат. *auctoritatis*.

Множественность этимологических источников встречается, когда в одном слове отражается несколько образцов, являющихся независимыми образованиями разных языков. Например, если *Р абсолютный*, *академик*, *экспорт* восходят непосредственно к *Н absolut* (из лат.), *Н Akademiker* (из лат., из гр.), *А export* (из лат.), хотя и здесь не исключена возможность других параллельных исторических источников, то *Р абсолютно*, *академический* и *экспортировать* являются самостоятельными производными образованиями русского языка, поддержанными, однако, перманентным воспроизведением разноязычных европейских образцов сходного звучания и строения и того же значения (в частности, немецких, французских и английских).

Множественность этимологического материала обычно является следствием множественности этимологических источников; она встречается в интернационализмах, одновременно восходящих к нескольким образцам, фактический материал каждого из которых в момент его создания принадлежал соответствующему языку. Часто в ходе дальнейшего анализа все такие образцы могут быть в конеч-

* Понятие множественной этимологии введено и обосновано А. Грау-ром [204]. Развивая его, мы дифференцируем множественность нескольких видов [ср. 8, 8—9].

ном счете сведены к единому источнику, откуда они распространились в ходе языковых контактов. Иногда, как в последних примерах, процессы словообразования и воспроизведения иноязычного образца (с соответствующим словообразовательным оформлением и звуковым освоением) практически не могут быть разграничены, хотя единого источника здесь, по-видимому, нет. Его явно нет в случаях контаминаций, основанных на случайном звуковом сходстве близких по значению слов и ведущих к появлению в языке нового слова или нового значения в уже существующем слове. Так, Р *тайфун*, пришедшее через А *typhoon* и Н *Taifun* (из англ.), восходит к английской контаминации араб. *түфән* «вихрь» (из др.-гр. *τυφών* «ураган») и вост.-кит. *т'ай фунг* «большой ветер»; фин. *kaasu* «газ» является результатом совмещения швед. *gas* и т. п. со старым диалектным *kaasu* «холодный туман» [168]; возможно, индон. *pribadi* «личный» восходит не только к яванскому *pribadi* «сам» [12], но и отражает влияние голл. *privaat* «частный; личный».

Последние случаи затрагивают семантику, а в этой сфере следы языковых контактов устанавливаются и отграничиваются от собственных инноваций языка с особенно большими трудностями. В сфере интернационализмов и связанной с ними лексики семантические сдвиги, представляющиеся, на первый взгляд, естественным развитием значения слова в пределах одного языка, могут отражать далеко идущие процессы, в которые вовлечены многие языки. Ограничимся одним примером. В семантической структуре Р *лист* — слова славянского происхождения с национально-специфическим звучанием, сравнительно с его неславянскими соответствиями, — естественно сочетаются, по данным ССРЛЯ, четыре значения: 1. «орган растения, обычно в виде тонкой зеленой пластинки», 2. «тонкий и плоский пласт чего-л. (бумаги и т. д.)», 3. *типогр.* «шестнадцать страниц как единица исчисления размера книги», 4. «документ, свидетельство». Соотношение первых двух значений, однако, отражает также и влияние Н *Blatt*, Ф *feuille* (а в конечном счете и лат. *folium*): это семантический интернациональный аналог. Но наиболее неожиданной может представиться определенная связь четвертого значения с рядом интернационализмов многих иностранных языков, означающих «список, реестр» (ит. *lista* — первоисточник, Ф *liste*, исп. *lista*, порт. *lista*, Н *Liste*, швед. *lista*, норв. *liste*, фин. *lista*, пол. *lista*, А *list*, откуда фарси-кабули *list(a)* и пр.). В целом русское слово является межъязыковым

* И. Ф. Дорофьева, видимо, недостаточно учитывает семантику, выводя слово фарси-кабули из Р *лист* [см. 32, 19].

омонимом по отношению к этим словам, но его последнее значение, которое, кстати, делится далее на «документ» и «список, реестр», во всяком случае частично возникло под влиянием калькирования сочетаний типа *Ф* *feuille de souscription*, *A* *subscription list*, *H* *Subskriptionsliste*, пол. *lista składowa* — *Р* *подписной лист*, *Ф* *liste civile*, *H* *Zivilliste*, *A* *civil list* — *Р* *гражданский лист* и пр., где в ряде случаев имела место контаминация сходных слов, приведшая к определенной интернационализации слова в этом значении.

§ 62. При традиционном подходе к интернационализмам они отождествляются с заимствованиями [115, 45]. Но еще в 1950-х годах ряд исследователей возражал против такого отождествления [30, 63; 4, 100; 32, 8], ссылаясь на тот очевидный факт, что в каком-либо языке часть интернационализмов может оказаться его собственными, не заимствованными словами. Этот аргумент не всегда признается убедительным [ср. 154, 158—159]. Действительно, хотя, например, для русского языка слово *спутник* не является заимствованным, но интернациональный характер ему придает параллельное существование заимствованных из русского языка аналогичных слов во многих языках. Казалось бы, круг все же замыкается в пределах заимствованных слов, но взятых не в одном, а в нескольких сопоставляемых языках.

Однако принципиальное различие между заимствованиями и интернациональными словами имеется, и сущность его намного сложнее, чем отмечалось выше. Оба эти явления не могут приравниваться друг к другу прежде всего потому, что интернационализмы являются объективно существующей межкультурной категорией синхронии со своими специфическими характеристиками, а «заимствования» суть вспомогательное построение исследователя, условная для синхронии группа фактов, вычленяемых на основе совершенно иных, диахронических критериев [см. подробнее в 11, 57—58]. Это методологическое различие имеет принципиальный характер.

В плане же диахроническом процессы интернационализации словаря языка, то есть возникновения и развития в нем интернациональных элементов, отнюдь не сводятся к процессу заимствования этим языком слов других языков. Интернационализмы любого типа появляются в результате взаимодействия целого комплекса сложившихся взаимосвязанных процессов. Интернациональная лексика, в частности, возникает в том или ином языке в результате фонетического заимствования (как *Р* *никель* < *Nickel*), словообразовательного калькирования и полукалькирования (как *Р* *генерал-майор* < *H* *Generalmajor*, *Р* *гуманность* < *H* *Humanität*, *Ф* *humanité*). При этом в ряде случаев эти процессы при перенимании

интернационализмов не могут быть разграничены (ср. укр. *генерал-майор* < Р *генерал-майор*, укр. *гуманність* < Р *гуманность*). Слово, заимствованное ранее языком в каком-то ином значении и не имевшее интернационального характера, может приобрести этот характер в результате семантического калькирования*: например, древнерусск. *деспотъ* (из гр. *δεσπότης*) значило «господин, повелитель» (в словаре XIV в. слово толкуется как «владыка»: 101, 190; 123, 450]; современное же, отрицательное значение «жестокий повелитель» приходит из Н *Despot*, Ф *despote*. В подобных случаях не всегда возможно отграничить собственно семантическую кальку от повторного фонетического заимствования. Там же, где употребление слова в предшествующем значении явно не связано отношением преемственности с современным интернационализмом, можно уверенно говорить о повторном заимствовании: так, древнерусск. *асфальтъ* (из гр. *ἄσφαλτος*) — название минерала, добываемого в Мертвом море [см. 123, 225], не связано с Р *асфальт* «масса для заливки покрытий дорог» (из Ф *asphalte*). В результате распространения в ряде языков сходных слов из какого-то языка может оказаться интернациональным слово-когната в другом, близкородственном языке, не участвовавшем в этих контактах: скажем, после заимствования Р *стол* некоторыми языками СССР (башк. *0стэл*, кабард. *стол*, каз. *устэл*, лакск. *устул*, тат. *0стэл*, уйгур. *устäl*, чув. *сётел* и др.), к этой изоглоссе «автоматически» подключились укр. *стіл* и бел. *стол* без изменения их значения; несколько иной случай представлен в укр. *спутник*, также интернационализировавшемся вместе с русским словом *спутник*, но при одновременной терминологизации значения («искусственный спутник Земли»).

Выше говорилось о возможности совмещения фонетического заимствования с переосмыслением собственного слова; в интернационализмах русского языка такие случаи крайне редки (например, Р *мушка* «искусственная родинка» — контаминация Ф *mouche* и уменьшительной формы Р *муха* [61, 38]; Н *Mouche* заимствовано из Ф *mouche*). Интернационализмом может стать собственное слово языка после его заимствования другими языками (таковы Р *большевик* > А *Bolshevik*, Н *Bolschewik* Ф *bolchéviste*, Р *подзол* > А *podzol*, Н *Podsol*, Ф *podzol*, Р *спутник* > А *sputnik*, Н *Sputnik*, Ф *spoutnik*

* Процесс семантического калькирования Б. А. Серебренников называет также семантической инклинацией [145, 14], а Ю. С. Сорокин — семантической индукцией [154, 171]. Впрочем, последний термин обозначает более широкое понятие, включающее все случаи семантического видоизменения под влиянием иноязычного образца.

и т. д.). Параллельно образованные в ряде языков производные от интернациональных слов также приобретают интернациональный характер (таковы Р *абсолютный* — *абсолютно*, А *absolute* — *absolutely*, Н *absolut* — *absolut*, Ф *absolu* — *absolument*, исп. *absolut* — *absolutamente*). Здесь нередко трудно, а иногда невозможно разграничить процессы собственного словообразования и словообразовательного калькирования или даже фонетического заимствования (ср. Р *совет* — *советский* и Ф *soviet* — *soviétique*, Ф *asphalte* — *asphalter* и Р *асфальт* — *асфальтировать*). Особый тип собственных образований языка представляют «искусственные заимствования» (по терминологии Л. А. Булаховского: [44, 100]), построенные на не принадлежащем языку морфемном материале; при этом возникает расхождение этимологического источника и этимологического материала. Например, создавая термин *нафтенy*, В. В. Марковников использовал лат. *parphtha* (из гр. < авест.) и международного характера русский суффикс химической терминологии *-ен*, указывающий на углеводы. Частным случаем искусственных заимствований являются «обратные кальки» (термин предложен в 66, 71) типа упомянутого выше Р *фагоцит* (< *пожирающая клетка*). Наконец, в отдельных случаях интернационализмы являются результатом фонетических универсалий (Р *мама*) или близких результатов звукоподражания в разных языках (Р *кукушка*, Н *Kuckuck*, Ф *coucou*, но ср. А *cuckoo* — фонетическое заимствование из Ф *coucou**).

Таким образом, установление реальных путей возникновения интернациональной лексики подтверждает общее правило: ни одна синхроническая категория не является результатом только одного процесса и не может быть выведена из одной диахронической категории (ср. 11, 51]. Интернационализация лексики языков, протекающая в форме как описанных выше процессов, так и не менее сложных и многообразных процессов возникновения международных аналогов различных типов, не только не сводится к единичному процессу заимствования слов, но не может быть вложена даже в намного более широкое русло языковых контактов: она является результатом наиболее универсальной группы процессов — конвергентного развития языков.

§ 63. Изучение истории интернационализации лексики русского языка (ограниченное в настоящем разделе путями становления интернациональной лексики, но по сути включающее и вопросы возникновения в языке международных морфем и аналогов всех

* Детальнее см. в § 25.

видов и, в известной мере, — смежные вопросы выработки прямых семантических соответствий словам многих языков, так наз. «интернациональной семантики») едва ли может сводиться к перечню основных этимологических и исторических источников международных слов, хотя такой перечень весьма показателен. Речь должна идти о лингвистических контактах русского языка с языками Запада и Востока в связи с внутренними закономерностями развития самого русского языка на разных ступенях эволюции и на фоне социально-культурной истории народа и его отношений с другими народами. Специфика истории русского языка требует, в частности, учета его взаимосвязей с другими славянскими языками, так как для него проблема интернационализации имеет двойственный характер: она органически связана с проблемами национализации и индивидуализации международных элементов в его структуре, с одной стороны, и с вопросами создания нового межславянского литературного словарного фонда [см. 52, 26].

Говорить о первых явлениях интернационализации русской лексики можно с возникновением в X в., в период христианизации восточных славян, письменного древнерусского литературного языка. К эпохе праславянской общности восходят лишь единичные интернационализмы (такие, как *вино*). Древнерусская же письменная речь благодаря своему скрещенному, амальгамному характеру (сочетанию стихии общелитературного языка славянства IX—X вв. — старославянского языка и собственно восточнославянского начала) оказалась сразу же включенной в греко-славянский мир в целом. Старославянский язык, легший в основу церковно-книжного типа языка, принес в Киевскую Русь многочисленные грецизмы, включив древнерусский язык в средневековую европейскую культуру. Так приходят сюда слова типа *аметист*, *аминь*, *анафема*, *апокалипсис*, *апостол*, *аромат*, *астролог*, *деспот*, *дьявол*, *иконом*, *кентр*, *климат*, *стратиг* и т. п. Нетрудно увидеть, что значения некоторых из них отличны от современных, как отлично и звучание ряда слов, оформленных по греко-византийскому звуковому стереотипу (см. 140, 6—7). Подобная лексика приходит с общеевропейскими понятиями: например, появление в древнерусском языке через старославянское и византийское посредство латинских названий месяцев, общих с западноевропейскими языками, означало изменение понятий года, времени года, месяца [см. 165, 115]. Другие старославянизмы (типа *лев*) взяты прямо из латыни или через древневерхненемецкий язык. Важным путем проникновения и распространения заимствований были многочисленные переводы. Перенятие иноязычной лексики

стимулировалось тем обстоятельством, что несмотря на богатство словаря древнерусского и старославянского языков здесь не всегда находились свои формы для выражения новых понятий, а синонимическое разнообразие однокоренных форм порой свидетельствовало о неустойчивости ряда новообразований [см. 123, 70]. Далеко не вся лексика этого рода распространялась в тот период в остальных типах письменного языка: деловом языке на чистой восточнославянской основе и литературном языке, совмещавшем оба вида элементов.

Но грецизмы проникали в древнерусскую письменную речь и минуя старославянское посредство из словоупотребления билингов (слова наподобие *апокриф*, *астрономия*). Кроме того, восточнославянскими диалектами непосредственно из среднегреческого языка устным путем заимствовалась бытовая лексика (*вишня*, *левада*, *лиман*^{*}, *мак*, *цыган*) в результате непосредственных связей с Византией и ее черноморскими колониями: последнего рода слова позже объединят русский язык с рядом языков Балкан и вообще Восточной Европы. Интернационализмы восточноевропейского или также кавказского и ближне- и средневосточного распространения стали проникать в древнерусский язык устным путем через тюркские языки (ср., например, *базар*, *булат*, *казна*, *кафтан*, позже *нефть* и т. д.).

В XIV—XVI вв. на основе частей ранее единой древнерусской народности постепенно формируются три близкородственные народности со своими языками. С того времени история интернационализации словаря русского языка несколько отличается от аналогичных процессов в украинском и белорусском языках несмотря на тесные связи всех трех языков. На великорусской почве длительное время продолжают развиваться стилистические традиции древнерусского языка, но уже в XV—XVI вв. здесь нарастает роль норм московской деловой письменности, превращающихся в стиль литературного языка, противостоящий церковно-книжному стилю языка. По-прежнему за пределами литературной нормы остается разговорно-бытовая речь. Интернациональные элементы проникают в церковно-книжную письменную речь в ходе «второго южнославянского влияния» (с конца XIV — начала XV в. по середину или конец XVI в.) в результате усиления влияния греческого языка. Кроме того, продолжается проникновение тюркских элементов и ориентализмов через тюркское посредство в разговорную речь.

^{*} Древнерусск. лимень < гр. λιμένας; современная форма *лиман* объясняется позднейшим повторным заимствованием слова через тур. *liman* и крым.-тат. *лиман*.

Интернационализация словаря заметно усиливается в ходе формирования русского национального языка в XVII — начале XVIII в. В этот период завершается начавшийся еще со второй половины XVI в. процесс образования единой системы литературного языка с тремя стилями, объединившей славянские и собственно русские элементы. «Процесс развития национального языка всегда сопровождается расширением его связей с другими языками. Через их посредство в национальном языке происходит своеобразное накопление общего интернационального речевого фонда, — конечно, в творческой народной обработке» [53, 14]. Не порывая традиционных связей с греко-славянским миром, русский язык все более начинает вступать в контакты с языками Западной Европы.

В XVII в. славяно-русский тип книжного языка обогащается заимствованиями не только из греческого языка, но и из латыни. Здесь сказывается развитие в Московской Руси с XVI в. богатой переводной литературы с латинского, польского, немецкого языков, организация латинского образования в Москве, польское и украинское влияние. Вырабатывается латинский звуковой стереотип оформления заимствований, причем повторные заимствования ведут к преобразованию части гречизмов по новому стереотипу (*икон*ом > *экон*ом, *артирия* > *артерия*, *академия* > *академия*, *кентр* > *центр* и т. п.). Сохранение в современном языке следов как греко-византийского, так и латинского стереотипов привело к непоследовательности звуко-буквенных соответствий ряда интернационализмов в русском и западноевропейских языках. Наряду с гречизмами в латинской оболочке приходят и собственно латинизмы (типа *аффект*, *инструмент*, *глобус*, *минута*, *градус*, *дистанция*, *вертикальный* и пр. [см. 56, 31]).

Проникновение в русский язык европеизмов в XVII в. связывается, прежде всего, с польским влиянием. Вместе с собственно полонизмами и польскими кальками приходят слова наподобие *аптека*, *каштан*, *солдат*, *майор*, *монарх*, *математический*, *музыка*, *паспорт* (в форме *начпорт*), *приватный* и т. д. Но многие исследователи, начиная с В. Христиани, переоценивают роль польского посредничества, упуская из виду позднейшие повторные заимствования многих европеизмов из западноевропейских языков. Аналогичную ошибку делает исследовательница польских элементов в украинском языке Р. Рихардт, нередко абсолютизирующая первый известный ей случай фиксации европеизма без учета позднейших существенных изменений его формы или значения. Между тем исследование Е. М. Иссерлин степени употребительности в

русском языке XVII в. европеизмов, в частности пришедших через польский язык, показало, что они нередко употреблялись лишь окказионально или находились на периферии словарного состава. Это относится не только к словам типа *пирамида*, *фонтан*, *студент*, *инженер*, но даже и к таким популярнейшим культурным терминам, как *библиотека* и *школа*: несмотря на употребление первого слова в русском переводе Библии 1499 г. и использование второго в старобелорусских текстах с конца XIV в., оба слова в русском языке XVII в. еще не закрепились и при переводах с польского обычно заменялись другими словами или словосочетаниями [см. 95, 60—62].

Параллельно с Польшей проводником латино-европейских влияний выступает Юго-Западная Русь (Украина и Белоруссия). Украинский язык, связи с которым русского языка особенно крепнут с середины XVII в., после воссоединения обоих народов в едином государстве, служит передатчиком лексики, взятой им как из польского языка, так и непосредственно из латыни (слов типа *архитектура*, *вакация*, *гонор*, *декрет*, *доктор*, *канцелярия*, *натура*, *оратор*, *фамилия*, *форма*, *фортунa* и т. п.: [см. 48, 20]). За некоторыми из таких слов стоял старочешский язык — один из старейших литературных языков славян, заметно повлиявший на польскую, а затем и украинскую лексику (ср. Р *вириши* < укр. *virsh*, старая форма *вѣришѣ* < пол. *wiersz* < чеш. *verš* < лат. *versus*). Но, как и в предыдущем случае, только немногие слова закрепились в русском языке XVII — начала XVIII в. [ср. 35, 70—71].

§ 64. Переломным в истории русского языка явился период конца XVII — первой четверти XIX в., когда формировался национальный русский литературный язык. В это время устанавливались грамматические нормы языка, в определенной мере стали закладываться основы современной стилистики, происходили коренные перемещения старых лексических элементов в сочетании с множеством новых, в том числе интернациональных. Русский язык вступил в непосредственные и все более частые контакты с западноевропейскими, что ускорило сближение его лексики (и не только лексики) с другими языками Европы.

Фонд интернациональной лексики русского языка XVIII — начала XIX в. интенсивно пополнился за счет заимствований из западноевропейских языков. Определились некоторые типы грамматико-словообразовательного оформления европеизмов, установились словообразовательные отношения между определенными разрядами интернациональных слов, стали вычленяться некоторые международные морфемы и основы. Особенно важно, что с этого времени

интернациональная лексика (как и остальные типы интернационализмов) перестала быть латентной в русском языке, как это имело место в прошлом: в ходе соприкосновения русского языка с западноевропейскими все более стала ощущаться ее специфика, что влияло на ее использование и дальнейшую судьбу.

Петровская эпоха — последние годы XVII в. и первая четверть XVIII в. — характеризовалась бурным притоком западноевропейских заимствований, обусловленным причинами как внешнего по отношению к лексике порядка (возникновением множества новых явлений и понятий, стилистическими сдвигами в языке, модой), так и внутренними факторами (отсутствием в языке лексических форм для воплощения этих понятий). Новая лексика и терминология, часто интернационального распространения, приходит через еще более участвовавшие сравнительно с XVII веком переводы и распространяющееся индивидуальное двуязычие представителей правящих классов. На первое место среди исторических источников заимствований выступает немецкий язык, оттесняющий польский, хотя последний еще сохраняет определенное влияние, в частности, при передаче латинизмов. Заимствования осуществляются также из голландского, английского, французского и итальянского языков. Конкретные источники заимствований в различных терминологических сферах оказывались неодинаковыми. Например, для военной терминологии это были немецкий и французский языки, хотя новые термины встречались с уже существовавшими русскими и польскими терминами и некоторыми ориентализмами. В отношении морской терминологии русского языка едва ли можно ограничиться традиционным упоминанием наиболее наглядных голландского и английского источников. Как показали авторитетные исследования Б. Л. Богородского, история развития русской морской терминологии весьма сложна: здесь столкнулись в петровскую эпоху две заимствованные системы (новая западноевропейская, пришедшая через Балтику, и средневековая средиземноморская, появившаяся раньше через Черное море), причем их размежевание происходило на базе и при участии собственной русской терминологии. Обе заимствованные системы имели международный характер, но вторая, как более региональная, оказалась постепенно вытесненной из официальной русской терминологии, хотя долгое время держалась в торговом флоте и на рыболовецких судах, главным образом Черного моря [см. 36; 37; 38 и др.]. Поэтому здесь возможны случаи множественности исторических источников как в пределах западноевропейских влияний, так иногда и в пределах обеих столкнувшихся систем. Таковы заимствования петровской эпохи

типа *флот* < Ф *flotte* (по ср. Н *Flotte*, голл. *vloot*), *матрос* < голл. *matroos* (по ср. Н *Matrose*, откуда недолговременная форма *матроз*) и т. п. Объясняя происхождение морского термина *компас*, Б. Г. Унбегаун справедливо указал, что в начале XVIII в. соответствующие слова во всех языках Европы имели конечное, французское ударение [264, 179]. Но именно поэтому можно допустить при основном голландском источнике (*kompas*) параллельное влияние и Н *Kompas* и итал. *compasso* [ср. 204, 87]. Форма же *компас* может быть объяснена повторным заимствованием в конце XIX в. Н *Kompas* с уже изменившимся ударением [264, 180].

В язык петровской эпохи входит прежде всего нужная для него специальная терминология: научно-техническая и производственная, военная и морская, официально-административная и общественно-политическая. В ходе общей политехнизации книжной речи она, оттесняя старославянизмы, распространяется в литературной и даже разговорной речи образованных кругов. Наряду с собственно новыми терминами (типа *физика*, *геометрия*, *фрегат*, *навигация*, *генерал*, *адмирал*) возникает книжная околотерминологическая и просто культурная лексика (типа *календарь*, *мода*, *фантазия*, *театр*, *публика*, *триумф*) и модные слова, оттесняющие русские названия знакомых явлений (*виктория*, *баталия*, *дефензия*, *кураж*, *пардон* и т. п.). Даже последнего рода *Luxuslehnwörter* в это время привычно выступают в фразовых сочетаниях [154, 44], хотя впоследствии обычно оказываются в числе многих не удержавшихся в языке заимствований начала XVIII в.

Начиная с 40-х гг. и почти до конца XVIII в., наступает период сдержанного отношения к прямым заимствованиям, что нередко ведет к калькированию иноязычных слов и появлению разного рода международных аналогов. Впрочем, не прекращается и процесс заимствования слов, но теперь главным образом из французского языка — авторитетнейшего языка Запада XVII—XVIII вв., знание которого в России надолго становится классовой приметой дворянства и средством приобщения к подлинным и ложным, модным культурным ценностям Европы. Несмотря на свои уродливые стороны галломания не смогла причинить ущерба развитию русского языка, встретив решительное противодействие подлинных авторитетов в этой области. Зато французский язык передал в русскую лексику немало европеизмов, оформляемых по установившемуся к этому времени в русском языке латинско-немецкому стереотипу [ср. 43, 1, 196].

Во второй половине XVIII в. распространяется противодействие употреблению иностранных слов, объясняемое стремлением

защитить еще неустойчивую систему русского языка, отсутствием твердых лексических норм, неупорядоченным использованием заимствований, нередко используемых как смысловые дублиеты русско-славянских слов и калек [154, 97]. Формы многих заимствований оказываются неопределенными, возникают ряды фонетических и словообразовательных вариантов одних и тех же слов, наподобие *журнал—юрнал, театр—феатр, проба—пробация, архитектор—архитект, визит—визита* [см. 45]. Все это поддерживает пуристические настроения, по-разному проявляющиеся и у Тредиаковского, и у Новикова; и у Крылова, и, наконец, в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг.

И все же основной фактор заимствования слов сохранился. Несмотря на свою избыточность (наличие множества вариантных форм, тождеств и пр.) лексика русского литературного языка осталась недостаточной: ей по-прежнему не хватало многих необходимых звеньев, лексических форм выражения новых понятий, семантически и стилистически определенных и размежевавшихся элементов [154]. Об этом убедительно говорят, например, материалы книг Г. Хютль-Ворт, где приводятся многочисленные недолговечные кальки и описательные обороты, которые заменяли интернационализмы, впоследствии усвоенные русским языком [см. 214, 215]. Не случайно в 1776 г. против прямолинейного пуризма выступило Вольное Российское Собрание [48, 156—157], а в языковой практике создателя современной научной терминологии — М. В. Ломоносова [см. 105 а, 243] проявилось, наряду с его борьбой против излишних заимствований, понимание неизбежности использования интернациональных форм в терминологии, в том числе греко-латинских международных терминов (типа *горизонт, горизонтальный, сфера, сферический, барометр, микроскоп, оптика, эфир* и мн. под.). Тем не менее прямое заимствование во второй половине XVIII в. сократилось. Зато увеличился приток калек — главным образом латинских и немецких слов, что в ряде случаев вело к созданию в языке международных аналогов.

§ 65. В русском литературном (деловом и научно-теоретическом) языке XVIII в., складывавшемся на основе среднего стиля Ломоносова, русские, «славянские» и заимствованные европейские элементы объединились как члены единой системы. Но он не сделался еще языком художественной литературы, а процесс интернационализации национального языка в целом протекал в XVIII в. неравномерно, колеблясь между такими крайностями, как пуризм и попытки реславянизации, с одной стороны, и макароническая речь пети-метров, — с другой.

Разрешение этих противоречий стало на грани XVIII и XIX веков целью реформы слога Н. М. Карамзина, стремившегося сделать литературный язык также языком художественного творчества и обеспечить ему последовательную дальнейшую европеизацию при сохранении его национально-русского характера. Понятие литературного языка распространилось теперь и на разговорную речь: «. . . тот идеал языка, о котором мечтал Карамзин, и должен был вытеснить собой французскую речь из русского образованного быта» [56, 90].

Сторонники нового слога, выступая против галломании, ограничивали использование заимствованных слов. Так Карамзин в работе над своими произведениями заменял не только такие слова, как *вояж*, *визитация* и *литтеральный*, но и *интересный*, *диалог*, *энтузиазм* и под. [48, 159; 99, 235—236]. Карамзину же принадлежат удачные новообразования, обычно являющиеся прямыми семантическими соответствиями слов европейских языков. Вместе с тем, он вводит и новые заимствования международного характера — главным образом термины и полутермины из области культуры, литературы и искусства (*артист*, *дуэт*, *кризис*, *отель*, *полиглот*, *профан*, *симметрия*, *терраса*, *фаза* и пр. [см. 99, 246—247]).

Разгоревшаяся вокруг реформы слога дискуссия представляла скорее общественно-идеологический, чем лингвистический интерес. Филологическая беспомощность пуристических доводов А. С. Шишкова и его сторонников, их искусственная архаичность, отождествление любых проявлений европеизации с галломанией были достаточно очевидны. И все же дискуссия способствовала поддержанию и даже росту критического интереса к проблеме заимствований в языке и показала некоторые слабые стороны реформированного языка художественной литературы.

В литературе 1820—1830-х гг. и прежде всего в творчестве А. С. Пушкина завершается формирование основного ядра современного русского литературного языка. Этимологически различные пласты русских, старославянских, заимствованных элементов выступают здесь в неразрывном синтезе. На место разъединенных стилей прошлого с их особыми языковыми средствами Пушкин ставит единую национальную языковую норму, в пределах которой развивается все богатство функциональных стилей. При этом он преодолевает стилистически ограниченные галлицизмы в области фразеологии, лексики и синтаксиса, но свободно включает в язык интернационализмы [ср. 48, 239].

Преодоление галломании в русском языке совпало с общим спадом популярности французского языка в Европе. Наполеонов-

ские войны и разгром наполеоновской империи привели к разрушению того, пусть социально ограниченного, европейского языкового единства на французской основе, которое в XVIII в., казалось, обещало возродить в расширенной зоне прежнее латинское единство Запада. Рост национализма во многих странах выразился и в пуристической практике.

Правда, в русском языке пуризм ни в XVIII, ни в XIX вв. не был слишком эффективным. Он не принимал общенациональных масштабов, как это было в чешском языке конца XVIII — начала XIX в., в венгерском, финском, исландском, эстонском языках, и не имел того реакционного характера, который был свойственен прежде всего немецкому пуризму. Показательно, что если в немецком языке XIX в. «негативистский пуризм» (как называл подобное явление Гете) стал ведущей линией языковой политики [81, 367—368; 28; 233—4], то в русский язык в этот период вливается новый интенсивный поток заимствований.

Интернационализация русского словаря в XIX в. продолжается в ходе все более учащающихся переводов и через индивидуальное двуязычие образованных кругов. Интернациональная лексика приходит в числе заимствований прежде всего из французского языка, во вторую очередь — из немецкого. Все еще ограничена роль английского источника, хотя англо-русские языковые контакты крепнут с 20-х годов; спорадический характер имеют непосредственные заимствования из итальянского [ср. 43, 194—202]. Но если число непосредственных исторических источников интернационализмов невелико, то этимологически они становятся намного более разнообразными. Кроме уже традиционных для русского языка классических греко-латинских слов и средневековых латинских элементов, приходящих через новые языки (за частью таких элементов скрывались ориентализмы, гебраизмы, арабизмы), все больше появляется вновь образованных неоклассических терминов — «искусственных заимствований» и результатов переосмысления классической лексики в новое время. Удельный вес неоклассических элементов резко возрастает и в языках Запада: по мнению Дж. Шерда, в английском языке после 1800 г. они составляют основную массу заимствований [252, 264]. Гораздо шире, чем в XVIII в., приходят образования западноевропейских языков из их собственного материала, а также — через их посредство — слова из языков Азии, Африки, Америки. Это этнографизмы, термины географии, естествознания, отражающие ознакомление с культурами многих народов, расширение круга понятий. Частью сближаются с последнего рода терминами, частью имеют бытовой характер проникающие в раз-

говорную народную речь или только в беллетристику непосредственные заимствования из тюркских языков (с разнообразной этимологией).

Кроме того, в XIX в. русский язык сам становится источником интернационализмов, распространяющихся в Западной Европе, а также в славянских — особенно восточнославянских языках; русская терминология и культурно-бытовая лексика начинает проникать во многие языки Восточной Европы и Азии*.

Наконец, накопившиеся в русском языке XIX в. интернациональные слова и морфемы при параллелизме ряда живых и продуктивных моделей словообразования используются при создании производных, также оказывающихся интернационализмами и имеющих сходные соответствия в ряде европейских языков. Ранее аналогичное явление в славянском словообразовании встречалось лишь на основе генетически общего материала [ср. 50, 29].

В начале XIX в. продолжает остро ощущаться недостаточность лексики (особенно отвлеченного и терминологического характера) при одновременном параллелизме средств выражения многих новых понятий. Эти факторы стимулируют появление множества новых слов и переосмысление ряда старых. При этом, как показало исследование русской лексики первой трети XIX в., проведенное В. В. Веселитским, проявились две тенденции: среди новых слов преобладали заимствования интернационального характера, переосмыслению же в этот период подвергалась только незаимствованная, русско-славянская лексика [47, 159—160]. Эти процессы протекали в ходе постепенного упорядочения лексических норм, семантико-стилистического размежевания синонимов, устранения формальной вариантности заимствований.

Семантические особенности ряда интернационализмов современного русского языка объясняются их историческим источником (чаще всего — французским), семантической структурой слов-прототипов в тот период, степенью ее отражения в заимствованиях, историей размежевания интернационально-специфических пар слов (*гравитация — притяжение, реальность — действительность, революция — переворот* и т. д.).

Еще более увеличивается потребность в отвлеченной лексике, философской и научной терминологии в 30—40-е годы, во время перестройки системы стилей, вызванной причинами общественно-культурного порядка. В центр выходит беллетристика нового типа с заметным оттенком публицистики, растет значение отвлеченных

* См. ниже, § 67.

стилей — газетно-журнальной, научно-популярной речи. По утверждению Ю. С. Сорокина, в это время окончательно складывается национальная норма русского литературного языка в самой обширной и многообразной сфере — сфере словоупотребления [154, 542]. Упрочение нормы снимает ограничения на пути прямых заимствований, количество которых значительно возрастает за счет калек. В частности, с этого времени почти прекращаются попытки калькирования международных греко-латинских терминов, которые начинают особенно легко включаться непосредственно в язык [см. 154, 167]. Волна заимствований 30-40-х годов приносит многочисленную общественно-политическую и книжную лексику общего характера, философскую и литературно-эстетическую терминологию главным образом интернационального распространения.

Новая волна заимствований приходится на 60—70-е годы: это прежде всего научно-техническая и общественно-политическая терминология, а также книжная неспециальная лексика. Одновременно активно осваиваются заимствования предшествующего периода: упорядочиваются их фонетико-графическая форма и грамматические особенности, многие слова частично переосмысливаются, а сфера их применения расширяется. Если первые случаи переноса естественнонаучных терминов (типа *организм, кризис, орган, атмосфера, масса, элемент, сфера, реакция*) в литературно-книжный обиход наблюдались еще в первой четверти века [47, 92—98], то теперь научная, в первую очередь интернациональная, терминология массово переходит в словоупотребление прогрессивной публицистики, печати, в повседневную речь образованных слоев общества.

Этот процесс, несомненно, связан с обострением идейно-политической борьбы в русском обществе. Но нельзя не видеть и все нарастающих межъязыковых, общеевропейских тенденций семантико-стилистического развития: к этому периоду качество интернациональности языковых элементов благодаря усилению контактов языков становится активным, как никогда ранее. Ю. С. Сорокин — автор наиболее глубокого исследования лексики XIX в. — замечает: «Переносное употребление ряда научных терминов было элементом своего рода интернациональной фразеологии (ср. *апогей, горизонт, зенит, фаза, кризис, парализовать* и т. п.)» [154, 450]. Эта мысль по сути справедлива в отношении множества интернациональных слов: *атмосфера, прогресс, машина, микроскопический, организм, гротеск, инерция, инертный, амальгама, кристаллизация, абберрация, сцена* [ср. 108, 156] и мн. под., а также неинтернациональных — типа *направление, движение, течение* и пр.

[ср. 171, 110], превращающихся в международные аналоги. По словам Г. Хютль-Ворт, «этот параллелизм охватывает все типы лексического обновления: термины-интернационализмы, кальки, переносные значения и фразеологические сочетания. . . Популяризация научной терминологии является самым важным общеевропейским языковым явлением после христианизации» [171, 111].

Разумеется, разграничение моногенезиса и полигенезиса языковых изменений — задача нелегкая, а иногда, как мы отмечали выше, нерешимая. Так, возникновение идентичных (хотя бы частично) семантических структур интернационализмов может быть результатом различных процессов, описанных В. Д. Левиным: независимого параллельного развития, повторного одновременного заимствования одного и того же слова в терминологическом (и шире — прямом) и переносном значении и одновременного заимствования слова в нескольких, необязательно всех, значениях [108, 156]. Добавим сюда еще случай семантического калькирования применительно к ранее заимствованному слову, который несколько отличается от повторного прямого заимствования слова в разных значениях.

Те же трудности ожидают исследователя словообразования на интернациональном языковом материале. В 30—90-х годах XIX в. заимствования, составившие около трети всех новообразований, создали около 2000 лексических гнезд. При этом нередко в синхронической плоскости оказывались связанными словообразовательными отношениями в русском языке слова, диахронически являющиеся однокоренными заимствованиями разного времени, а иногда и из разных языков (типа *абсолют*, XIX в. < Н, *абсолютный*, XIX в. < Н; *астма*, XVIII в. < гр., *астматик*, XIX в. < Н, *астматический*, XVIII в. < Ф; *атлет*, XVIII в. < Н, *атлетика*, XVIII в. < Ф, *атлетический*, XIX в. < Ф и т. п.). В других случаях имели место словообразовательные процессы под внешним влиянием или без него, не всегда поддающиеся несомненному разграничению [см. 170, 149].

Интернациональный фонд в системе русского словообразования почти полностью складывается в течение XIX в. Если в XVIII — начале XIX в. заимствования оформлялись по ограниченному числу моделей, то с 30-х гг. бурно растут словообразовательные разряды интернациональных производных существительных, складываются разряды прилагательных, в том числе с осложненными суффиксами [154, 178; 84, 13]. Глагольные разряды на *-ировать*, *-изировать*, *-изовать*, активные еще в XVIII в., в 60-х гг. дополняются глаголами с осложненным суффиксом *-фицировать* [2, 155]. Хотя большинство заимствованных аффиксальных элементов вычле-

нялось, оставаясь замкнутым пределами заимствованных слов, некоторые — типа *-изм*, *-ист*, *-аж* и др. — приобрели активность в литературном языке и даже в ненормированной разговорной речи. Для литературного языка XIX в. было характерным параллельное функционирование прилагательных и глаголов с осложненными и неосложненными суффиксами (типа *-н-ый*, *-озн-ый*, *-ическ-ий*, *-арн-ый* или *-изовать*, *-изировать*), что, однако, обычно заканчивалось победой слова с осложненным суффиксом, сходного с остальными словами в изоглоссе интернационализмов.

На протяжении всего XIX в. процессы интернационализации русского словаря протекали в ходе дискуссий, причем за филологическими доводами часто скрывалась социально-идеологическая борьба. В отличие от антиварваристических выступлений многих писателей и журналистов, в реакционной журналистике, в среде консервативных литераторов и филологов систематически выдвигались пуристические идеи. Но они не могли сдержать европеизации языка, которая была связана с новой реалистической литературой и демократической публицистикой, завоевавшими ведущее место в русской общественной жизни. Тенденции интернационализации словаря получили авторитетную поддержку идеологов демократического движения 40—60-х гг. и прежде всего В. Г. Белинского. В результате почти все интернационализмы, подвергавшиеся нападкам пуристов в XIX в., сохранились в современном языке. Освоение русским языком ведущей части тогдашнего фонда интернационализмов Европы завершилось уже к 90-м годам*.

§ 66. Заимствование терминологии из западноевропейских языков не прекращается и в конце XIX — начале XX в., но теперь особую роль начинают играть новые термины, относящиеся к общественно-политической и экономической сферам. Их появление связано со сдвигами в социально-экономическом развитии страны, с успехами революционного движения. Социальная сфера их применения ограничена [105, 61], как и собственных новообразований русской общественно-политической терминологии того времени [5, 77]. Только со времени революции 1905 г. ряд таких терминов входит

* Проведенное под руководством автора выборочное сопоставление интернационализмов в «Полном англо-русском словаре» А. Александрова (СПб., 1891) и «Англо-русском словаре» В. К. Мюллера (М., 1967) показало, что большая часть интернационализмов английского языка начала 90-х гг. уже имела интернациональные соответствия в русском языке, а дальнейший рост и сближение фондов интернационализмов в обоих языках протекали прежде всего за счет параллельного распространения в них новых элементов, а также в ходе дальнейшего освоения и популяризации международных терминов в русском языке.

в широкое употребление (*баррикада, бойкот, демонстрация, директива, интернационал, манифестация, марксизм, прокламация, социал-демократ* и т. д.).

Период 10-х—первой половины 20-х гг. XX в. главным образом характеризуется постепенным освоением народными массами не только новой терминологии, но и многих интернационализмов, появившихся в прошлом веке (типа *революция, партия, митинг, агитация, контрреволюция, демократия, авангард, комитет, комиссар, эвакуация, электричество, телефон, аэроплан* и мн. др.). Этот процесс особенно активизируется после Великой Октябрьской революции в результате вовлечения многомиллионных масс в общественную и культурную жизнь страны, когда строго нормативный литературный язык вначале захлестнул поток неупорядоченной речи, лишь в потенции стремящейся к литературности. Новые общеупотребительные интернациональные термины, заимствуемые в 20-х гг., немногочисленны: *такси, кино, авто, фильм* и пр., причем употребляются в ряде вариантов [см. 105, 76—84]. Зато продолжается пополнение и интернационализация специальных терминологий: так, в русской электротехнической терминологии с 1886 по 1926 г. появилась двадцать одна тысяча терминов [136, 21].

Во второй половине 20- и в 30-х гг. стабилизируются литературно-языковые нормы, причем в центре стилистических возможностей стоят наиболее традиционные и устойчивые формы речи. «Ориентация на книгу как на главного учителя языка обусловила массовое проникновение элементов книжной речи в разговорную, нечеткое разграничение книжных и разговорных норм языка [132, 6]. Поэтому в это время продолжается широкое освоение книжной лексики и особенно технической терминологии, иногда сопровождаемое семантико-стилистическими сдвигами в ее употреблении. В ряде случаев переосмысленные интернациональные термины находятся в отношениях омонимии к старым терминам и к интернационализмам других европейских языков (*пионер, партизан, аппарат, бригада, бригадир, диверсия*), в других случаях речь должна идти скорее о специфическом развитии семантических структур (*линия, норма, план*). Характерно переосмысление военных терминов, употребляемых в новых сочетаниях (таких, как *фронт работ, легкая кавалерия, комсомольский рейд, кампания борьбы за что-л.* и т. п.). Заимствования этого периода количественно ограничены: это научно-технические термины (типа *комбайн, ротор, рентген, танкер, телевизор, телетайп, троллейбус, метро*), политические термины (*агрессор, фашизм*), бытовая лексика (*пижама, коктейль,*

свитер, джемпер, маникюр). Часть заимствований не связана с новыми реалиями и скорее отражает словоупотребление западноевропейских языков (*джем, детектив, сейф, приоритет, репортаж* и пр.: [ср. 105, 108—117]), специфику иностранной действительности (*бизнес, ковбой, продюсер*). Среди исторических источников таких слов на первое место выходит английский язык, оттесняющий французский и немецкий языки.

В 40-х — первой половине 50-х годов XX в. в русскую лексику поступает мало заимствований в связи с войной и послевоенной идеологической борьбой против иностранных влияний.

Отмечаются лишь отдельные заимствованные термины (*бульдозер, радар, адаптер* и пр.), хотя в целом интернациональная лексика, в частности экзотизмы, широко используется в литературной речи [ср. 142, 88]. Продолжается образование производных интернационального характера и установление словообразовательных отношений между однокоренными интернационализмами разного происхождения (типа *глобальный — глобус*). Усиливается влияние русского языка, вступившее в новую фазу еще с первых лет советской эпохи.

Заметная активизация различных форм языковых контактов русского языка, связанная с укреплением и расширением международных связей Советского Союза, приходится на вторую половину 50-х и на 60-е годы. Беспрерывно возрастает число переводов, увеличивается роль языка научно-технической литературы и форм массовой коммуникации: периодической печати, радио, телевидения. Эти каналы, наряду с быстро расширяющимся индивидуальным двуязычием специалистов, учащейся молодежи, приносят в литературный язык множество новых международных терминов, часть которых приобретает широкую известность (ср. *антибиотик, пенициллин, лазер, пластик, лайнер* и мн. под.), а также обозначения новых явлений быта (типа *транзистор, мотель, кемпинг, нейлон, стюардесса, акваланг, шорты* и пр.), новые международно известные экзотизмы (наподобие *лобби, битник, хиппи* и т. п.) и международную лексику, не несущую, строго говоря, новых понятий (типа *хобби, интеллектуал, юниор*). Создается ряд интернационализмов в русском языке, нередко приобретающих особо широкое распространение. Но особенно характерными для русского языка, как и остальных европейских языков, а в значительной мере и народов СССР, во второй половине XX в. становятся, во-первых, наибольший рост употребительности и популярности интернационализмов и, во-вторых, появление семантико-стилистических сдвигов в международной лексике — сдвигов общих для многих язы-

ков и почти совпадающих во времени, что связано с чрезвычайной активизацией качества интернациональности.

§ 67. Лексическое влияние русского языка на другие языки впервые широко отмечается в литературе по поводу двух вопросов, связь которых долгое время не была очевидной. Во-первых, применительно к задачам языкового строительства в СССР оживленно обсуждался вопрос о распространении русских слов и терминов, в частности европейского происхождения, в развивающихся языках СССР. Во-вторых, внимание исследователей не могли не привлечь новообразования русской общественно-политической лексики, быстро распространившиеся во многих языках, — советизмы. Оба явления были подведены под единый разряд процессов интернационализации словарей в 1936 г. В. М. Жирмунским, принципиально уточнившим и расширившим самое понятие интернационализации лексики языков [79, 183—185].

Вопрос о русском языке как источнике интернационализмов, однако, восходит еще к дооктябрьскому периоду. Кроме того, следует подчеркнуть, что содействуя интернационализации словарей других языков (как этимологический или исторический источник интернационализмов), русский язык, несомненно, тем самым также интернационализируется, и поэтому все эти процессы являются неотъемлемой частью его истории.

Первые заимствования из русского языка начинают распространяться еще в древнерусский период в ходе непосредственных устных контактов с носителями соседних языков и со скандинавами или через средневековую латынь. Иногда они представлены в нескольких языках Восточной и Северной Европы (как швед. *tolk*, норв. *tolk*, фин. *tulkki*, лтш. *tulks* «переводчик, толмач — из древнерусск. толкъ «переводчик», ср. эст. *tõlkima* «переводить»), но первым широким европеизмом русского происхождения становится в средние века *Р соболь*.

С XVI в. по первую половину XIX в. все более регулярные контакты русского языка с западноевропейскими языками приводят к международному распространению ряда заимствуемых из русского языка слов — преимущественно историко-этнографизмов и этнографизмов (типа *боярин*, *казак*, *самовар* и т. п.), и слов, связанных с явлениями природы и переходящих позже в номенклатуру географии и природоведения (типа *степь*, *тайга*, *тундра*, *белуга* и под.). Вместе с тем в ходе устных контактов с языками остальных народов, входящих в состав Российского государства, и с языками ряда соседних народов русский язык уже с XVIII — первой половины XIX в. распространяет объединяющую их администра-

тивную, производственную, военную терминологию, культурно-бытовую лексику. Старописьменные языки, как, например, украинский, начинают перенимать через русское посредство и новую европейскую лексику и терминологию.

Займствований из русского языка дооктябрьского периода качественно меняются и вырастают количественно с 50—60-х гг. XIX в. Приобретающие международную известность в европейских языках новообразования русской общественно-политической лексики и научной терминологии выражают новые понятия, связанные с общественными сдвигами в стране, развитием революционно-освободительного движения (*декабрист, дума, нигилист, интеллигенция* и т. д.), успехами русской науки (*ртутений, изобутилен, нафтен* и пр. — в химии, *фагоциты* — в физиологии, *александрит, астраханит, белугит, гладкаит* и пр. — в петрографии, *подзол, подзолистый, чернозем, солончак* и пр. — в почвоведении). Калькирование русских терминов ведет к возникновению в европейских языках международных аналогов (типа термина Н. Н. Бекетова *физическая химия*, терминов Д. И. Менделеева *периодическая система, периодический закон* и т. д.). Меняется и характер русизмов и европеизмов, распространяющихся в языках народов России. Наряду с интернациональной культурной лексикой они начинают заимствовать общественно-политическую и научную терминологию: например, в азербайджанском языке в начале XX в. уже употреблялись термины *капитализм, социализм, капитал, большевик, коммунист, анархизм, митинг, поэзия, драма, телеграф* [89]. Одновременно в них проникали международные аналоги.

В советскую эпоху русский язык становится одним из наиболее авторитетных языков мира. Это сказывается и в его роли в процессах интернационализации многих современных языков. С первых лет после победы Октября огромное международное распространение приобретает ряд советизмов, которые обычно, хотя и не всегда, принадлежат к новообразованиям послереволюционных лет (ср. дооктябрьскую историю таких слов, как *совет, советский, большевик, большевистский, большевизм, ленинец, ленинизм* и др. [5]). Еще в 1919 г. В. И. Ленин отметил: «Мы достигли того, что слово «Совет» стало понятным на всех языках».[112, 37]. В настоящее время это слово представлено в сходной фонетической форме в большинстве литературных языков; в остальных же обычно употребляются международные семантические аналоги. Термин *ленинизм*, известный в идентичной форме в десятках языков, в ряде языков Востока полукалькирован с переводом суффикса *-изм* его ре-

гулярными соответствиями, что не мешает отождествлению всех слов изоглоссы при условии элементарного знания соответствующих языков (ср. Р *ленинизм*, А *Leninism*, Н *Leninisms*, Ф *léninisme* и мн. под. и хинди *лэнинва́д*, бенг. *ленинбат*(д), бирм. *лининшвада*, а также кит. *ленинчжу'и*, япон. *рэннинсюги*, кор. *лениндюи*). При перенимании советизмов в европейских языках преобладает калькирование, ведущее к возникновению рядов международных аналогов.

Впрочем, широко известны и интернациональные слова русского происхождения: общественно-политические и экономические термины (типа *колхоз*, *совхоз*, *коллективизация*, *пионер* — в новом значении, *партизан*, *президиум* и т. д.), научные термины (типа *агробиология*, *совпрен*, *варитроны* и т. д. вплоть до знаменитого *спутника*).

Западноевропейские языки нередко выполняют функции посредников при распространении советизмов (ср. афган. *sovîet*, хинди *совийат*, урду *совийат*, маратхи *sovhiat*, синдхи *soviēt* и др. < А *soviet* «советский»).

Особую роль играют советизмы в языках народов, вступивших в послевоенный период на путь социалистического развития. Ряд таких интернационализмов начинает применяться к собственной действительности этих народов; растет фонд международных элементов, общих с русским языком, за счет как русских новообразований (типа *радиофикация*, *тракторист* и т. п.), так и европеизмов (*трактор*, *комбайн* и пр., как, скажем, в кор. (КНДР) *ттрак-типоры*, *ккомбайн*).

Наконец, русский язык советской эпохи является основным источником интернационализации словарей языков народов СССР [см. 72, 73 и мн. др.]. Он распространяет международные элементы всех типов прежде всего в младописьменных языках: так, например, в калмыцком «Кратком словаре общественно-политических терминов 42% терминов являются интернациональными, пришедшими через посредство русского языка, а в общем калмыцком словаре не менее 9,6% слов заимствованы из русского [64, 31]. Но и в языках со старой литературной традицией количество советизмов и интернационализмов, общих с европейским ареалом, быстро увеличивается, а их удельный вес в речевой коммуникации возрастает благодаря русскому влиянию.

Например, если в узбекской прессе в 1924 г. советско-интернациональные слова составляли 0,9%, то в 1930 г. их было 11,11, а в 1952 г. уже 15—20%, в зависимости от характера текста [124, 73].

ГЛАВА 2. МЕСТО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

§ 68. О положении интернационализмов в лексике современного русского языка. **§ 69.** Семантико-стилистическое закрепление интернационализмов. **§ 70.** Внутриязыковые и межъязыковые факторы в функционировании и развитии фонда международной лексики современного русского языка.

§ 68. Вопрос о месте интернационализмов (интернациональной лексики) в словарном составе языка и о соотносительных с ними категориях вызвал значительные споры [см. 199, 208—209; 4; 103—104 и др.]. Большинство авторов стремятся определять международную лексику по отношению к заимствованиям в языке, рассматривая ее как особый разряд заимствований. Реже делаются попытки отделить интернационализмы от заимствований и, ввиду их особой важности, отнести к собственным словам языка. В обоих случаях интернационализмы трактуются как монолитная масса выделяющаяся при внутреннем расчленении лексики языка.

При этом обычно возникают противоречия, во-первых, из-за совмещения этимологического и функционального подходов и, во-вторых, из-за подмены межъязыковой точки зрения точкой зрения внутриязыковой. Многие интернационализмы в языках, где качество интернациональности таких элементов активно, имеют определенный своеобразный статус, но он является лишь отражением синхронических связей и соотношений данного языка. Фактически в синхронически рассматриваемом языке интернациональная лексика противостоит неинтернациональной, национально-специфической лексике. Определение же ее по отношению к исконной, заимствованной и освоенной или заимствованной и неосвоенной лексике по сути не правомерно.

Не касаясь здесь вопроса о нередкой условности граней между этимологическими категориями исконной и заимствованной лексики — условности, неизбежной даже при диахроническом подходе, отметим, что в синхронии такие категории вообще не существуют: применительно к синхронии речь идет при этом лишь о вспомогательных построениях исследователя. Не отражают никаких реальных категорий и введенные еще в 1859 г. А. Шлейхером понятия *Lehnwörter* и *Fremdwörter*. За ними стоят вспомогательные группировки фактов, вычленяемых в синхронии путем

проецирования на нее диахронического процесса заимствования слов с дополнительным учетом синхронических признаков — степени соответствия требованиям системы и нормы языка (resp. степени освоенности). «Чужие» («иностранные») слова могут быть признаны реальной категорией языка в ином качестве и в ином, синхроническом противопоставлении — «своих» и «иностранных» слов. При этом они не совпадают с *Fremdwörter* Шлейхера уже потому, что определяются независимо от реального происхождения: наряду с результатами заимствования здесь могут оказаться и собственные образования языка типа производных от заимствованных слов, искусственных заимствований и пр. Иностранное качество таких слов, ощущаемое средним носителем языка, заключается в их нерегулярности, частичных отклонениях от системы или нормы [ср. 210, 32—33; 229, 180.] Отклонения могут касаться формальной стороны слова — его грамматических, словообразовательных, фонетических или орфографических признаков, а также особенностей его функционирования — сферы и частотности употребления [см. 203; 212 а; 234; 261; 260]. Так, известными примерами фонетических нерегулярностей, выделяющих иностранные слова в современном русском языке, могут служить произношение [о] в предударном слоге, отсутствие редукции [о] и [а] во втором предударном слоге, твердость согласных перед [э], обозначаемым буквой *е*, сочетания фонем типа [дж], [кс] внутри морфем и мн. под. Несмотря на значительные колебания при определении иностранных слов, объясняемые различием в общей и специальной лингвистической подготовке разных лиц [ср. 212 а, 17—18], все же при достаточно широкой базе опроса и при учете типичных ошибок в употреблении иностранных слов, несомненно, могут быть установлены характеристики последних, воспринимаемые говорящей массой в целом.

Интернациональная лексика русского языка распределяется между синхроническими категориями его словаря — «своими» и «иностранными» словами, причем, как и в подавляющем большинстве языков, бо́льшая ее часть относится ко второй категории.

Все это отнюдь не означает выключения интернационализмов из общей перспективы истории языка. Уже в плане синхронного подхода к интернациональной лексике наблюдается несколько различное отношение говорящих к разным ее прослойкам, связанное с этимологическим материалом и историей слов и часто определяющее степень устойчивости слов в языке. Так, советизмы, построенные на русском материале, и русизмы, получившие международное распространение в языках СССР или в любых иностранных, ничем

не выделяются среди «своих» слов русского языка (ср. *совет, коммунист, спутник* и т. д.), хотя рост знания иностранных языков заставляет предполагать интернациональность ряда таких слов. Прочно входят в число «своих» слов лишенные примет чужеродности заимствования, обычно имеющие достаточно длительную историю развития в русском языке (ср. *школа, аптека, порт, сорт, армия, солдат, партия*). Это прежде всего непроизводные существительные, так как строение русских существительных разнообразно и заимствования легко включаются в их состав без добавления типизированных формантов. Производные существительные с интернациональными суффиксами (кроме некоторых слов на *-ист*), а также глаголы и прилагательные со стяжениями иноязычного и русского формантов, где первый играет роль интерфикса, обычно воспринимаются как иностранные слова. Такие слова достаточно устойчивы, но форма их иногда может меняться: показательна тенденция к замене в разговорной речи и в специальной терминологии ряда прилагательных с интерфиксами словами без интерфиксов (типа *комфортабельный — комфортный* [см., 143, 57—59]). Стабильностью формы и легкостью усвоения характеризуются неоклассические термины типа *телеграф, телевизор, автобиография, синхрофазотрон*. Они воспринимаются как «иностраные» (в описанном выше смысле) слова, имеющие книжный характер и принадлежащие к терминам. Зато новые заимствования из современных языков нередко воспринимаются не только как «иностраные», своеобразные слова: здесь свежо ощущение их конкретного иноязычного происхождения, явная чужеродность, заставляющая одних отбрасывать их, а других — использовать как «модные слова» (*Modewörter*). Такие интернационализмы (типа *битник, хобби, шорты, модерн*) наименее устойчивы в языке.

Интернациональные слова и термины «иностранного» характера по своей морфологической мотивированности делятся на две группы. Одни из них не мотивированы в современном русском языке: это прежде всего основная часть новоязычных заимствований, построенных на этимологическом материале современных языков (типа *комбайн, танкер, транзистор, свитер, фокстрот, маникюр*). Другие (в частности, множество неоклассических терминов) в результате накопления образований с одними и теми же корнями и аффиксами и особенно — сложных слов с использованием одних и тех же основ приобрели в русском языке мотивировку*. Однако она значительно более ограничена социально, чем мотивировка

* См. § 65—66.

«своих» слов языка, так как проявляется лишь при достаточно высокой степени владения абстрактной и терминологической лексикой. В этом смысле иногда говорят о внутриязыковом барьере; порождаемом иностранной лексикой и интернационализмами [см. 206].

Но наличие в слове мотивировки нельзя абсолютизировать. В языке борются две противоположные тенденции: к произвольности и к мотивированности языкового знака. Неслучайно «наиболее жизненными оказываются или слова с предельно ... мотивированной формой, или же, наоборот, вообще исключаящие анализ «внутренней формы» [142, 128].

Замена немотивированных интернациональных слов «понятными» кальками или описательными оборотами может дать языку выигрыш в коде (наборе составляющих слов и морфем), но сказывается на длине текстов, примером чего служат германские языки, кроме английского, финский, венгерский и т. д. Между тем существует возможность, сохраняя интернациональную терминологию, удобную при межкультурных связях, недвусмысленную и сокращающую длину высказываний сделать значительную ее часть мотивированной для широких масс. Для этого требуется внести в преподавание родного языка некоторые коррективы, аналогичные тем, которые предложил исследователь английской лексики В. Гроув [206]: следует знакомить учащихся с основными греко-латинскими терминологическими элементами, вычленившимися в современном русском языке.

§ 69. Положение интернационализмов в словаре языка определяется также их принадлежностью к различным подъязыкам (книжной или разговорной литературной речи, социальным или территориальным диалектам, частным терминологическим системам) и семантико-стилистическими соотношениями с лексикой, связанной с ними. Весьма знаменательны в этих отношениях процессы развития интернационализмов в современном русском языке и особенно в советскую эпоху.

Большая часть интернационализмов, связывающих современный русский язык как с европейско-американским ареалом, так и с районом языков народов СССР относится к терминам. Остальные интернационализмы обоих ареалов в русском языке преимущественно принадлежат к книжной или нейтральной литературной лексике. В пределах литературной нормы находятся и международные ориентализмы бытового характера. Лишь отдельные интернациональные слова имели в свое время социально-жаргонный характер (*лев* — «светский щеголь, пользующийся успехом», *комильфо* — «приличный» и т. п.), сегодня все они устарели. Единичные европеизмы и ориентализмы международного распространения принадлежат к

территориально-диалектной лексике (типа *крейда* — «мел», *май-дан* «площадь», «сборное место» и т. д.).

Но терминологический и книжный характер преобладающей массы интернационализмов не поставил их в изолированное положение. На протяжении почти полутораста лет специальная терминология систематически «олитературируется» в русском языке. В советскую эпоху широко популяризуется терминология не только естественных и гуманитарных наук, политики и экономики, но и новых областей точных наук, военного дела, спорта. За пределами специальных текстов термины и абстрактная лексика обычно употребляются не в узкоспециальных значениях, а переносно-расширительно (*гвардия, армия, фронт, командир, мобилизовать, проблема, резонанс, старт, финиш, координаты* или более окказиональных: *амортизация, девальвация, параметр, энтропия, радиация, протоплазма, орбита* и мн. под.). При этом если детерминологизация в XIX в. вела к пополнению книжных слоев лексики, то теперь она обычно формирует нейтральные или даже разговорные слои литературной лексики. В ряде случаев популяризация терминов приводит к закреплению в них новых значений в результате метафорического сдвига или наполнения их новым общественно-политическим содержанием (*объект, сигнал, элемент, шеф* и пр.). Новые значения возникают в терминах в связи с номинацией новых явлений (*комиссар, секретарь, бригадир, ферма, фирма, трест* и т. п. [ср. 142, 96]), вследствие вовлечения нейтральных слов в административно-государственную и общественную сферу (*бюро, актив, пионер* и мн. др.), а также в ходе нового экспрессивного наименования ранее известных понятий и явлений (*актуальный, реализовать, реализация, система* и пр.).

Переход научно-технических терминов в общее употребление является общеевропейской современной тенденцией. В ряде случаев закономерности переносного употребления параллельных терминов совпадают во многих языках*, но часто они оказываются специфичными: перечисленные выше новые значения интернационализмов русского языка, как правило, неизвестны западноевропейским.

* Ср. проявления межъязыковой моды в детерминологизации некоторых важных терминов. Так, не без влияния иностранных языков, хотя и в соответствии с распространённым стремлением высказываться внушительно (языковой снобизм, языковая мимикрия) употребляются в неспециальных значениях термин *система* там, где говорящий не подразумевает действительной системности, или *информация* там, где речь идет просто о новостях, сведениях или даже о беседе, имеющей характер ритуала и служащей для «выражения солидарности», по определению А. Мартине.

Международный характер имеют и обмен терминами между разными областями науки и техники и стремление использовать термины другой области в качестве выразительного средства. Вызываемый современным сближением многих наук перенос терминов одной специальности в другую в том же или аналогичном новом, но строго специальном значении оказывается общим в русском и других языках (таково, например, применение некоторых терминов математики, кибернетики и даже физики и химии в лингвистике). При использовании же терминов в новых областях в целях экспрессивности русский язык часто проявляет большую сдержанность сравнительно с западноевропейскими: так, в искусствоведческих работах на русском языке употребляются некоторые термины литературоведения (возможно и обратное), но в отличие от французского языка не применяются термины многих других наук, вызывающие, впрочем, возражения и во французской печати. Совершенно невозможно в русском языке употреблять термины спорта или карточной игры, говоря о международных отношениях, как это делает английский язык в США: здесь сказываются не только лингвистические, но и идеологические и этические факторы.

В русском языке XX в., особенно в советскую эпоху, окончательно устраняется семантическая дублетность основной массы интернационализмов, завершается их дифференциация с ближайшими синонимами; в случае же сохранения полной синонимичности определяется специфика их стилистических характеристик. Тем самым обуславливается незаменимость интернационализмов, внутренняя их оправданность в семантических и стилистических системных связях русской лексики.

Типы семантического соотношения интернационализмов с синонимами аналогичны в различных языках: показательны, скажем, близость основных разрядов и даже прямой параллелизм некоторых примеров в схемах, разработанных на материале русского и немецкого языков Ю. С. Сорокиным и К. Геллером [154, 64—66; 212а, 48—95].

Значительная часть интернациональной терминологии и культурной лексики, выражающей общие понятия науки, техники, искусства, общественной жизни и связанной в европейской традиции с определением объема этих понятий, не имеет соответствий в русском языке. Таковы *реализм, идеализм, романтизм, музыка, политика, культура, университет, физика, химия, органический, коммунизм, социализм* и мн. др. Такие термины сравнительно трудно заменимы, и там, где они имели в истории русского языка синонимические связи, они их нередко утратили (*литература —*

словесность; буржуазия — мещанство и пр.) В тех же случаях, когда термины и слова этого рода имеют синонимы, последние обычно являются частичными, менее выразительными, менее определенными, зависящими от контекста (*абсолютный — безотносительный, безусловный, полный, абстрактный — отвлеченный; умозрительный, спекулятивный, академический; автономия — независимость, самоуправление; антагонистический — враждебный, противоположный* и т. п.). Иногда соответствия к тому же не имеют терминологического характера (ср. также *амнистия — помилование, прощение; атеизм — безбожие, безверие, неверие*).

Термины тем легче заменяются, чем в большей степени им свойственен характер предметной номенклатуры, хотя и здесь есть ряд обстоятельств, способствующих закреплению иноязычных, особенно интернациональных, слов в качестве единственных или основных названий. Так, не заменяются синонимами названия иностранных реалий, в частности переходящие в номенклатуру географии, этнографии и т. п. (типа *раджа, лорд, мэр, прерия саванна джунгли* и т. п.), а также многие названия новых по характеру, назначению явлений (*аэродром, троллейбус, автомат, фотограф, корреспондент, митинг* и пр.). В случае существования синонимических соответствий нередко происходит смысловое размежевание (*автобиография — жизнеописание, адвокат — защитник, локомотив — паровоз*). Иногда такие замены ведут к вытеснению или оттеснению интернационализма, но наряду с внутриязыковыми причинами здесь может сказываться распад или ослабление всей изоглоссы (ср. оттеснение синонимами слов типа *аэроплан, автомобиль* — в разговорной речи, *шофер* и др. во многих европейских языках).

За пределами собственно терминологии в общелитературном словаре многие интернациональные слова имеют синонимические соответствия как интернационального, так и — чаще — неинтернационального характера. Тем не менее они прочно закрепились в словаре и несут значительную функциональную нагрузку в речи благодаря своей большей выразительности, часто объясняемой книжным характером. Таковы, например, соотношения типа *абсолютно — совершенно, хаос — беспорядок; демонстрировать — показывать; монументальный — величественный; нюанс — оттенок; абсурд — нелепость; дефект — недостаток; недочет, пробел; грациозный — изящный; экзальтированный — восторженный* и мн. под. Семантическое размежевание таких синонимов может отражать также различия вещественного порядка (ср. *десерт — сладкое; комфорт — удобство, уют* и т. п.).

Стилистические различия интернациональных — неинтернациональных пар или рядов синонимов могут присоединяться к семантическим расхождениям (ср. *о́вация* — *аплодисменты*; *эксперт* — *специалист*); иначе они являются основным дифференцирующим признаком (*функционировать* — *работать*, *действовать*; *инфекционный* — *заразительный*, *заразный*; *астральный* — *звездный*; *маис* — *кукуруза*; *визит* — *посещение* и т. д.). Стилистическая специфика интернационализмов часто проявляется в их книжной, у терминов — специальной или книжно-специальной окраске в противоположность их нейтральным и разговорным синонимам. Однако число нейтральных интернационализмов в современном языке постоянно увеличивается в ходе «олитературирования» терминов и распространения абстрактной лексики. Сравнительно редки случаи, когда интернационализм является разговорным словом, противостоящим нейтральному или книжному синониму (как *доктор* — разговорное слово, уместное в обращении или при упоминании фамилии врача, в отличие от нейтрального *врач*). Группа интернационализмов политического и социально-экономического характера используется только при описании иностранной действительности, придавая слову особый оттенок «чужого» (типа *лидер* — *руководитель*; *конгресс* — *съезд* и т. п.). Наконец, интернационализмы используются также в противопоставлении возвышенного — нейтрального, негативного — нейтрального и т. д.

§ 70. Популяризация фónда интернационализмов в русском языке нашего времени ведет ко все более активному его использованию в речи. Именно при их функционировании происходят упоминавшиеся выше семантико-стилистические сдвиги в словах, меняются фразеологические связи, у носителей языка обостряется ощущение интернациональных морфем и свойственных интернационализмам словообразовательных моделей, что способствует объединению однокорневых слов в синхронические гнезда и образованию новых производных. Здесь, как и всегда, диахронические процессы реализуются через синхронию языка. При этом интернационализмы, являясь органической составной частью русского словаря, используются и изменяются в неразрывных связях с остальными его частями и по общим его закономерностям.

Но несмотря на всю правомерность выведения окказиональных или узуальных изменений в форме, значении и употреблении интернационализмов из возможностей системы и нормы русского языка, только внутриязыковой подход часто оказывается односторонним. Необычайно активные и многосторонние контакты русского языка в советскую эпоху и прежде всего со второй поло-

вины 50-х гг. не могут не сказаться на функционировании и развитии его лексики вообще и интернационализмов в особенности. Поэтому следует признать правильными, но неполными объяснения исследователей, которые видят в уподоблении термина *флот* в сочетании *воздушный флот* лишь результат давнего употребления в русском языке выражения — «движение по воздуху и по воде», в новом значении слова *атака* «нападение на кого-л., борьба против кого-л. — «пример активизации и переосмысления военных терминов [142, 95, 106], в новых значениях слов *вакуум* «пустота», *контакт* «связь», *аккумулировать* «собирать, накапливать» — следствие популяризации и детерминологизации русских технических терминов. Наряду с этими причинами здесь выразилось и влияние аналогичных сдвигов в авторитетных европейских языках (ср. A air fleet, H Luftflotte, Ф flotte aérienne; A attack, H Attacke, Ф attaque «нападение, нападки»; A vacuum, H Vakuum «пустота»; A contact, H Kontakt, Ф contact «связь»; A accumulate, H akkumulieren, Ф accumuler «накапливать»).

Взаимодействие внутриязыковых и межъязыковых факторов проявляется, в частности, в области образования производных от интернациональных основ и корней. В ведущих европейских языках алфавиты интернациональных морфем сходны с русским, а многие неинтернациональные морфемы регулярно соответствуют русским. Близки и модели словообразования интернационализмов. Возникают как бы ареальные схемы образования производных от параллельных корней и основ, и если часть схемы в языке не реализовалась, то «пустая клетка» может подвергнуться давлению не только изнутри языка, но и со стороны других языков. Результатом такого воздействия и являются новые производные — более окказиональные (типа *глобализация*, *результитировать*, *электролизовать* и т. п.) или общепринятые (типа *партнерство*, *лидерство* и пр.). Межъязыковые словообразовательные соотношения могут прямо или опосредствованно влиять на статус интернационализмов в языке. Например, в тех случаях, когда в русском языке невозможно образование неинтернационального прилагательного терминологического характера, это содействует закреплению не только интернациональных прилагательных (типа *дефектный*, *гравитационный*), но и существительных (*дефект*, *гравитация*) независимо от наличия у них синонимов.

Аналогичное положение складывается и в области семантики. В частично совпадающих семантических структурах соотносительных интернациональных слов существуют потенции дальнейшего развития, определяемые как приемлемыми для данного языка

направлениями, так и межъязыковыми соответствиями и существующими в них пробелами. Межъязыковая нивелировка семантических структур интернационализмов является, однако, только тенденцией, которая реализуется в случае внутренней потребности языка, нередко поддерживаемой влиянием языковых контактов. Показательно, что в приводимых ниже семантических сдвигах в интернациональных словах русского языка нередко очевидна двоякая их обусловленность. С одной стороны, многие из них уже окказионально встречались в подобных значениях или новых сочетаниях у русских авторов XX, а иногда в XIX в. С другой стороны, факты нового оригинального словоупотребления явно совпадают с новейшими, единичными или частыми семантическими инклинациями билингвов, в частности переводчиков*.

При установлении сдвигов в значениях интернационализмов не всегда можно опереться на толкования, приводимые в словарях, так как именно в случае подобной лексики некоторые толкования механически переносились в старейшие русские словари из словарей языков — источников слов. Так, уже отмечалось, что в языке современной прессы слово *автор* стало употребляться не только применительно к созданию художественного и т. п. произведения, текста, теории, изобретения, но и к лицу, добившемуся спортивного достижения, и, наконец, к виновнику ошибки, оплошности. В лексикографии XIX в. все эти значения представлены: «сочинитель, писатель» (Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847), «творец чего-л.» (Даль, 1863) и даже «начинатель, виновник, заводчик» (Яновский, Новый словотолкователь, 1803); в современных толковых словарях последние значения отсутствуют. Фактически слово в широком значении «создатель, творец» начинает использоваться в советскую эпоху (см. в КССРЛЯ только «земли гениальный автор» у В. В. Маяковского, «автор начинания, . . . направления в нашей политике» у С. М. Кирова, к которым можно добавить шутливое «автор неба, солнца и прочих чудес» в письме 1920 г. А. И. Куприна — «Лит. Россия», 1970, № 36, 12). Постепенное развитие новых значений в 50—60-х гг. связано как с этой тенденцией расширения фразеологических связей слова*, так и с активизацией сближения данного слова с аналогичными словами ряда западноевропейских языков.

С точки зрения возможности употребления, обычно окказионального, слов в тех же новых значениях и оттенках значений в оригинальных текстах предшествующих периодов, все рассматривает-

* См. ценные обобщения В. Г. Костомарова [103^a, 238].

мые семантические инновации, распространяющиеся в 50—60-х гг., делятся на две группы. Слова первой группы, по данным КССРЛЯ, в XIX в. и в начале XX в. не употреблялись. Эти инновации свойственны русскому языку советской эпохи, причем если часть таких значений встречалась в 20—40-х гг., но закрепились именно с середины 50-х гг., то многие значения впервые появились в 50—60-х гг. Таковы *адекватный* — «соответствующий, приемлемый, подходящий», *администрация* — «правительство — о США, изредка о зависимых от США странах»; *аккумулировать* «собирать, концентрировать»; *аккумуляция* — «собрание, концентрация»; *амбиции* — «претензии»; *атлет* — «спортсмен, физкультурник»; *барьер* — «граница между явлениями, препятствие — в абстрактном смысле»; *вакуум* — «пустота — в абстрактном смысле», *ветеран* — «участник войны»; *горилла* — «представитель военного руководства, захватившего власть, — о ставленниках США в Южной Америке»; *драматически* — «сенсационным образом»; *драматический* — «поразительный, сенсационный»; *зебра* — «тип пешеходного перехода»; *инструктивный* — «поучительный, полезный»; *инструмент* — «орудие, средство — в широком смысле», *контакты* — «связи, отношения — о политике, культуре и пр.»; *корректный* — «строго сформулированный, точно соответствующий правилам, условиям»; *корреспонденция* — «соответствие — в языках»; *марш* — «поход с целью демонстрации чего-л.»; *национальный* — «в масштабах страны; относящийся ко всей стране»; *патетический* — «трогательный»; *практически* — «по сути, фактически»; *старт* — «начало»; *тривиальный* — «несерьезный, несущественный»; *эксперт* — «специалист»; *финиш* — «конец, окончание» и т. п.

Другая группа распространяющихся сейчас новых значений или оттенков значений интернациональных слов связана еще со словоупотреблением XIX в. Например, новые, не фиксируемые еще Словарем современного русского литературного языка, значения слова *альтернатива* встречаются с 1860-го г.; *атака* — «борьба против кого-л., чего-л.» и *атаковать* — «нападать на кого-л.» отмечались и ранее (первый случай в КССРЛЯ — в письме Н. М. Карамзина от 1817 г.: «Но многие ждут моей истории, чтобы атаковать меня»); *баланс* — «равновесие» отмечается с 60-х гг. XIX в. и т. д. Признание словарями значения слова *машина* — «организация, обеспечивающая бесперебойную работу чего-л.» — в сочетаниях типа *общественная, государственная и т. д. машина* встречается с начала XIX в.; новым является сочетание *партийная машина* (только о партийном аппарате республиканской и демократической

партий США), причем намечается семантико-стилистическое противопоставление слов *машина* и *аппарат* в данном значении.

В конкретной истории семантического развития интернационализмов внутриязыковые и межъязыковые факторы тесно переплетаются. Например, вполне естественен переход на протяжении XIX в. в общее употребление военного термина *атака*, заимствованного из французского языка в XVIII в., с одновременной его детерминологизацией. Переносный характер имеют обороты типа «атака на правительства» у Г. С. Батенькова, «ведение ... атак против женских сердец» — у Д. И. Писарева, «несколько житейских атак» — у М. М. Антокольского (КССРЛЯ). В XX в. это употребление продолжается, поддержанное общей тенденцией к популяризации терминологии. Наряду с использованием слова *атака* в переносном, неспециальном значении «нападение» в советскую эпоху и особенно в последние полтора десятилетия оно начинает все шире употребляться в значении «нападки» обычно в политических контекстах. При этом в значениях «наступление», «нападение» слово может использоваться в единственном и множественном числе («атака на пневмонию» — *Пр.* 8, 9. 70, 6), тогда как грамматическим признаком последнего значения является только форма множественного числа (см. *Пр.*, 5. 1. 68, 5; 27. 8.68, 1; 28. 8. 68, 4; 9. 9. 68, 4 и т. д.). Однако ко всему сказанному необходимо добавить в XIX в. влияние французского языка (Ф *attaque* также «нападение»: une *attaque* d'un *malfaiteur*, une *attaque* à *main armée*), а в XX в. и особенно в наше время одновременное влияние английского, немецкого и французского языков (ср. Р *атаки против кого-л., чего-л. (на кого-л.)* — А *attacks against smb., smth.*, Н *Attacke(n) gegen jmdn, etw.*, Ф *les attaques contre qn., qch.*).

Особенно сложно переплетаются внутриязыковые тенденции с параллельным влиянием многих взаимосвязанных европейских языков во второй половине XX в. Едва ли можно однозначно ответить на вопрос о происхождении нового значения слова *практически* («по сути, фактически»). Здесь существовали собственные тенденции семантического развития (ср. в КССРЛЯ переходные случаи между основным значением «на практике» и новым в сочетаниях типа *практически здоровый, практически полезный, практически мало сделано* или «простое детское сердце, практически восставшее против благочестивой нелепости...» у А. И. Герцена). Вместе с тем очевидны новейшие влияния со стороны наиболее авторитетного А *practically*, но также и Ф *pratiquement*, Н *praktisch*, ит. *praticamente* и др.

Ярким примером семантического развития интернационализмов в настоящее время является история слова *альтернатива*. В толковых словарях русского, как и большинства европейских языков, указано лишь одно значение этого и параллельных слов — «необходимость выбора между двумя возможностями». Фактически слово употребляется сейчас еще в двух значениях «одна из двух или более возможностей, вариант» и «противоположный случай, другой выход». На первый взгляд, источником новых, калькированных значений является *An alternative*, которому издавна были свойственны все три значения. Но сопоставительный анализ не словарей, а реального словоупотребления в европейских языках показывает, что новые значения встречаются во множестве языков, причем английский язык является этимологическим их источником, а историческими источниками для каждого языка наряду с английским выступают и многие другие языки.

Каждый из языков Европы испытывает сейчас то или иное влияние ряда других языков и, в свою очередь, влияет на них. Так возникла новая возможность — быстрых семантических нивелирующих процессов по всему ареалу, семантических «цепных реакций», опирающихся на переводы и их роль в языке средств массовой информации.

Интернациональность — это явление особого рода среди разнообразных форм межъязыковой общности, встречающихся в языках Земли. Она проявляется в сходстве по линии как содержания, так одновременно и выражения лексических знаков ряда соприкасающихся и сопоставляемых языков. В терминах теории двуязычия это означает, что к интернационализмам следует отнести любые омологичные полиморфемы, полилексемы и полифраземы. Особенно часто и произвольно отождествляясь в сознании билингвов сравнительно с другими межъязыковыми соответствиями, также объясняемыми синхронической общностью языков, такие знаки существенно сближают языки и играют важную роль в процессах межъязыкового обмена информацией.

Качество интернациональности относительно, что проявляется и в вопросах количества, социальной базы, генетических отношений языков, входящих в изоглоссы интернационализмов, и в соотношении их форм и значений. По сути оно колеблется между двумя и всеобщностью, нарастая с увеличением количества языков и представляемых ими семей, расширением стоящей за ними социальной базы и, главное, с ростом активного соприкосновения языков.

Интернациональность языковых знаков не существует в одном изолированно рассматриваемом языке. Эта межъязыковая синхроническая категория может быть выявлена только в нескольких сопоставляемых языках, однако не на наиболее абстрактном уровне языковой структуры (resp. не путем применения структурно-типологического метода), а на уровне нормы — путем применения ареального и синхронно-сопоставительного методов. Полностью же реализуется эта категория на уровне индивидуальной речи в ситуациях двуязычия и, в частности, в процессах перевода.

Сходство значений и форм интернационализмов не означает конгруэнтности, полной тождественности. Напротив, наряду с

совпадающими признаками здесь возможны в каждом языке специфические отличия, не мешающие практическому отождествлению международных знаков. Дифференциация, осуществляемая путем сопоставления звучания, написания и синхронной мотивированности лексических единиц, позволяет установить типы интернационализмов. Принципиально возможны семь типов интернационализмов, причем все возможности реализованы в современных языках: пять типов представлены в языках всех ареалов, тогда как два типа, связанных с применением иероглифической письменности, встречаются только в языках зарубежного Дальнего Востока. Традиционно привлекавшая основное внимание исследователей международная лексика и терминология преимущественно греко-латинского происхождения (интернационализмы в узком понимании термина) представляет лишь частный, хотя и особенно важный случай интернационализмов, относящихся к четырем типам и свойственных прежде всего языкам европейско-американского ареала.

Интернациональность — качество, неизбежно развивающееся в любых группах языков, вступающих в длительные и достаточно интенсивные контакты. Интернационализмы возникали в разное время и обычно спонтанно в пяти больших объединениях языков Земли, образовав пять основных ареалов (европейско-американский, ближне- и средневосточный, языков народов СССР, языков Индостана и Индийского океана, зарубежного Дальнего Востока) и целый ряд субареалов. Наряду со старыми взаимосвязями отдельных ареалов сегодня происходит явное сближение всех ареалов за счет распространения в них европеизмов и советизмов, а также путем семантического сближения интернационализмов разных ареалов и выработки в них некоторых универсальных соответствий.

Место русского языка на лингвистической карте и многообразие его исторических связей обусловили его активное включение в изоглоссы пяти типов интернационализмов и прежде всего интернациональной лексики и терминологии двух ареалов: европейско-американского и языков народов СССР. Группа изоглосс международной лексики связывает его также с языками ближне- и средневосточного ареала.

Интернационализация словарного состава языков протекает в ходе их конвергентного развития: в первую очередь она связана, хотя и не прямолинейно, а весьма сложными путями, с процессами языковых контактов. В частности, появление и развитие в языке интернациональной лексики и терминологии не может быть сведено к результатам процесса заимствования слов. Сложность

путей возникновения и изменения интернационализмов, обусловленная взаимодействием внутриязыковых и межьязыковых факторов, нередко ведет к полигенезису интернационализмов, к явлениям множественности этимологических и исторических источников и этимологического материала лексем.

В европейских языках развитие интернациональных элементов связано в конечном счете с несколькими основными волнами культурных и лингвистических взаимодействий: с распространением абстрактной лексики и терминологии в период христианизации; позже — после выхода латыни из международного употребления — со становлением национальных научных терминологий; с середины XIX в. — с процессом внедрения специальных терминов и абстрактной лексики в литературные языки в связи с распространением новых социальных, философских и научных идей и концепций; наконец, с середины XX в. — с семантическим сближением интернационализмов многих языков в ходе небывало быстрых и интенсивных языковых контактов. Основными источниками влияний здесь выступили латынь и французский, частично также — немецкий, итальянский, испанский, в наши дни — прежде всего английский и русский языки. Русский язык освоил первый пласт европеизмов с X в., с XVIII в. он активно включился в освоение, а затем — развитие и обогащение основных слоев европеизмов. В языках же народов СССР наиболее существенным для их интернационализации (наряду с иными, вторичными процессами) явилось необычайно активное обогащение и развитие их словарей в советскую эпоху, в котором огромную роль сыграло влияние русского языка.

Особое значение интернационализмов в развитии современных языков обусловлено тем, что они являются общепризнанными естественными формами лексико-семантического выражения важнейших понятий современной культуры. В прикладном аспекте с этим связывается их роль во всех основных путях преодоления языкового барьера, будь то обучение языкам, перевод, осуществляемый человеком и даже машиной, создание международных вспомогательных языков.

Поэтому сознательная ориентация на интернациональные элементы в языках неизбежна в научно обоснованном языковом строительстве. Спонтанность и неорганизованность процессов сближения языков в прошлом, нередко осложнявшихся проявлениями различных видов пуризма, вели порой к ненужным осложнениям в языковом развитии, порождали опасные явления псевдоинтернациональности. Учет интернациональных традиций и соот-

ношений оправдывает себя при создании и нормализации литературных языков, в работах по культуре речи, по стандартизации терминологий, созданию письменностей и реформированию орфографий.

При этом интернационализация никогда не создавала и не может создавать угрозы самобытному развитию языков, потому что в языках, как и во всех остальных областях и формах человеческой деятельности, интернациональное не противостоит национальному, а воплощается в нем, составляя, наряду с национально-специфическими чертами, важнейшую составную часть национального.

- А — английское
 А (ам.) — английское, употр. в США
 адыг. — адыгейское
 аз. — азербайджанское
 алб. — албанское
 араб. — арабское
 арм. — армянское
 афг. — афганское (пушту)
 башк. — башкирское
 бел. — белорусское
 бенг. — бенгальское
 бирм. — бирманское
 болг. — болгарское
 букв. — буквально
 бур. — бурятское
 венг. — венгерское
 виз.-гр. — византийско-греческое
 вм. — вместо
 ВЯ — «Вопросы языкознания»
 вьетн. — вьетнамское
 голл. — голландское
 гр. — греческое
 груз. — грузинское
 дат. — датское
 др. — древне-
 ЗР — «За рубежом»
 Изв. — «Известия»
 индон. — индонезийское («бахаса Индонезиа»)
 исл. — исландское
 исп. — испанское
 ит. — итальянское
 ИЯШ — «Иностранные языки в школе»
 кабард. — кабардинское
 каз. — казахское
 калм. — калмыцкое
 кирг. — киргизское
 кит. — китайское
 книжн. — книжное
 кор. — корейское
 КССРЛЯ — картотека Словаря современного русского литературного языка [Ин-та русского языка АН СССР]
 кто-л. — кто-либо
 лакск. — лакское
 лат. — латинское
 ЛГ — «Литературная газета»
 лит. — литовское
 лтш. — латышское
 мал. — малайское
 мар. — марийское (луговое)
 молд. — молдавское
 морд. — мордовское (эрзянское)
 монг. — монгольское
 Н — немецкое
 Н (австр.) — немецкое, употр. в Австрии
 нгр. — новогреческое
 Нед. — «Неделя»
 нейтр. — нейтральное
 ненец. — ненецкое
 неодобр. — неодобрительно
 НиЖ — «Наука и жизнь»
 нов. — новое (слово, значение)
 норв. — норвежское
 Н (швейц.) — немецкое, употр. в Швейцарии
 осет. — осетинское
 перс. — персидское
 пол. — польское
 полит. — политический термин
 порт. — португальское
 Пр. — «Правда»
 проф. — профессиональное
 Р — русское

разг.— разговорное
редк.— редкое
рум.— румынское
РЯШ — «Русский язык в школе»
серб.— употр. в сербском варианте
сербохорватского языка
скр.— санскритское
слвн.— словенское
слц.— словацкое
спорт.— спортивный термин
ССРЛЯ — «Словарь современного русского литературного языка», тт. 1—17, М.—Л., 1950—1965.
ст.-сл.— старославянское
суах.— суахили
с.-х.— сербохорватское
тадж.— таджикское
тат.— татарское
тех.— технический термин
тур.— турецкое
удм.— удмуртское

узб.— узбекское
укр.— украинское
уст.— устаревшее
Ф — французское
фин.— финское
хорв.— употр. в хорватском варианте
сербохорватского языка
чеч.-инг.— чечено-ингушское
чеш.— чешское
что-л.— что-либо
чув.— чувашское
швед.— шведское
эст.— эстонское
яп.— японское
etw — etwas
jmd — jemand
qch — quelque chose
qn — quelque'un
smb — somebody
smth — something

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. П. О языковом субстрате. — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. IX, М., 1956.
2. Авилова Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой) М., 1967.
3. Аврорин В. А. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР. — ВЯ, 1960, № 4.
4. Акуленко В. В. Об интернациональных словах в современном русском языке. — Уч. зап. Харківського ун-ту., ХСІХ Труды філол. ф-ту», 6, 1958.
5. Акуленко В. В. Из истории русской общественно-политической терминологии начала XX века. — Уч. зап. Харьковского ун-та. Труды филол. ф-та» т. 8, 1960.
6. Акуленко В. В. Существует ли интернациональная лексика? — ВЯ, 1961, № 3.
7. Акуленко В. В. Две заметки об интернациональной лексике и терминологии. — Уч. зап. Харьковского ун-та. СХVІ Труды филол. ф-та», 10, 1962.
8. Акуленко В. В. Проблеми вивчення історії фондів лексичних інтернаціоналізмів у східнослов'янських мовах. — «Вісник Харківського ун-ту, серія філологічна», № 12, вип. 3, 1966.
9. Акуленко В. В. О «ложных друзьях переводчика». — В кн. В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова, В. Л. Юхт. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969.
10. Акуленко В. В. Вопросы изучения лексических интернационализмов и процессов их образования. — В кн. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.
11. Акуленко В. В. Синхронія і діакронія в лексикології. — В кн. «Питання структурної лексикології», Київ, 1970.
12. Алиева Н. Ф. Индонезийский язык на современном этапе. — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
13. Андреев Н. Д. Метаязык машинного перевода и его применение. — «Материалы по машинному переводу», 1., 1958.
14. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967.
15. Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы. — ВЯ, 1969, № 4.
16. Аракин В. Д. Индонезийские языки. М., 1965.
17. Арутюнов С. А. Современный быт японцев. М., 1968.

18. А х м а н о в а О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
19. А х м а н о в а О. С. О стилистической дифференциации слов. «Сборник статей по языковедению. Профессору Московского университета акад. В. В. Виноградову», М., 1958.
20. А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. ✓
21. А х у н з я н о в Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968.
22. А л е ш и н а И. Е. Заметки о современном вьетнамском литературном языке.— В сб. «Современные литературные языки стран Азии», М., 1965.
23. А м о с о в а Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956.
24. Б а б к и н А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. М., 1970.
25. Б а б к и н А. М., Ш е н д е ц о в В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, кн. 1, 2. М.—Л., 1966.
26. Б а р х у д а р о в А. С. Санскритские элементы в современном литературном хинди.— Кн. «Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования», М., 1960.
27. Б а р х у д а р о в А. С. К вопросу о способах передачи новой терминологии в хинди.— В сб. «Краткие сообщения Института народов Азии (№ 62). Языки Индии», М., 1964.
28. Б а х А. История немецкого языка. (Пер. с нем.) М., 1956.
29. Б е л е ц к и й А. А. Принципы этимологических исследований. (На материале греческого языка). Киев, 1950.
30. Б е л е ц к и й А. А. Об интернационализмах.— «Наук. зап. Кіів. ун-ту, т. 14; вип. 2. Збірник філологічний», 1955, № 8.
31. В е л о д е д И. К. Развитие языков социалистических наций СССР. Киев, 1969.
32. Б е л ь ч и к о в Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959.
33. Б е р г А., А р м а н д Д., Б о к а р е в Е. 64 языка... и еще один. «Литературная газета», 28 августа 1968 г.
34. Б е с к р о в н ы й В. М. О роли санскрита в развитии повондийских литературных языков.— В кн. «Современные литературные языки стран Азии», М., 1965.
35. Б л о к Г. П. К характеристике источников «Словаря русского языка XVIII века» (художественная литература первой половины века).— В кн. «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века», М.—Л., 1965.
36. Б о г о р о д с к и й Б. Л. О двух синонимичных мореходных терминах «матка» и «компас». — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. 1, 1955.
37. Б о г о р о д с к и й Б. Л. Термин «мачта» и его синонимы.— «Ученые записки Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 144, 1958.
38. Б о г о р о д с к и й Б. Л. К истории судебных терминов шайка и чайка.— В кн. «Вопросы теории и истории языка», Л., 1969.
39. Б о д у э н д е К у р т е н э И. А. О смешанном характере всех языков.— В кн. «Избранные труды по общему языкознанию», т. I, М., 1963.
40. Б у д а г о в Р. А. Введение в науку о языке. изд. 1, 2-е. М., Учпедгиз, 1958, М., «Просвещение», 1965.
41. Б у д а г о в Р. А. Проблемы развития языка. М.—Л., 1965.
42. Б у д а г о в Р. А. Соответствие и тождество в сопоставительном синтаксисе.— «Omăgiu lui Alexandru Posetti», Bucureşti, 1965.

43. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века, т. I. Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1941.
44. Булаховский Л. А. Нариси з загального мовознавства. Київ, 1955.
45. Василевская И. А. К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке (На материале русского языка XVIII в.).— В кн. «Процессы формирования лексики русского языка (от Кантемира до Карамзина)». М.—Л., 1966.
46. Вережанин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
47. Веселитский В. В. Развитие отвлеченной лексики в русском языке первой трети XIX в. М., 1964.
48. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938.
49. Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка.— «Русский язык в школе», 1940, № 3, 4, 5.
50. Виноградов В. В. Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков.— «Научный бюллетень Ленинградского ун-та», 1946, № 11—12.
51. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
52. Виноградов В. В. Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков.— «Вестник Москв. ун-та, серия филология, журналистика», 1949, № 7.
53. Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка.— ВЯ, 1966, № 1.
54. Виноградов В. В. Заметки о стилистике современной советской литературы.— «Литературная газета», 19 ноября 1965 г.
55. Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.— ВЯ, 1969, № 6.
56. Винокур Г. О. История русского литературного языка.— «Избранные работы по русскому языку». М., 1959.
57. Вујаковић М. Лексикон страних речи и израза. У ред. д-ра С. Ристића и д-ра Алексина. Београд, 1954.
58. Вюллер Е. Международная стандартизация языка в технике. (Сокр. пер. с нем.). Л.—М., 1935.
59. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих источках? М., 1965.
60. Гак В. Г. Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков.) М., 1966.
61. Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958.
62. Георгиев Вл. Езиково сближение на славянските народи.— «Език и литература», год. 3, 1948, кн. 4.
63. Георгиев В. И. Проблема возникновения индоевропейских языков.— ВЯ, 1956, № 1.
64. Городовников В. Жизненная сила социалистических преобразований.— «Коммунист», 1970, № 15.
65. Готлиб К. Междязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках. Кемерово, 1966.
66. Григорьев В. П. Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке.— ВЯ, 1959, № 1.

67. Г у х м а н М. М. Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования. — ВЯ, 1957, № 5.
68. Д е р к а ч Л. Т. Интернациональные слова общего значения в современном английском языке. (Группа существительных и прилагательных). Автореферат канд. дис. М., 1954.
69. Д е с н и ц к а я А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л. 1955.
70. Д е с н и ц к а я А. В. К вопросу о взаимодействии языков. — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», IX, М., 1956.
71. Д е ш е р н е в Ю., К а м м а р и М., М е л и к я н М. Развитие и взаимное обогащение языков народов СССР. — «Коммунист», 1965, № 13.
72. Д е ш е р н е в Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
73. Д е ш е р н е в Ю. Д., П р о т ч е н к о И. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.
74. Д м и т р и е в Н. К. Грамматика башкирского языка. М. — Л., 1948.
75. Д м и т р и е в Н. К. Турецкий язык. М., 1960.
76. Д о в г о п о л ь с к и й А. Б. Сохраняемость лексики, универсалии и ареальная типология. — В сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965.
77. Д о р о ф е е в а Л. Н. Язык фарси-кабули. М., 1960.
78. Д р е з е н Э. Интернационализация научно-технической терминологии. История, современное положение и перспективы. М.—Л., 1936.
79. Ж и р м у н с к и й В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
80. Ж и р м у н с к и й В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии. — ВЯ, 1954, № 4.
81. Ж и р м у н с к и й В. М. История немецкого языка, изд. 4-е, М., 1956.
82. Ж и р м у н с к и й В. М. О целесообразности применения в языковедении математических методов. — В сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965.
83. Ж л у к т е н к о Ю. О. Мовні контакти. Проблеми інтерлінгвістики. Київ, 1966.
84. Ж л у к т е н к о Ю. О. Українсько-англійські мовні відносини. Київ, 1964.
85. З е м с к а я Е. А., П л о т н и к о в а-Р о б и н с о н В. А., Х о х л а ч е в а В. П., Ш а п и р о А. Б. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
86. З в е г и н ц е в В. А. Очерки по общему языкознанию. М. 1962.
87. З в е г и н ц е в В. А. Современные направления в типологическом изучении языков. — В кн. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.
88. З о г р а ф Г. А. Иранские и арабские элементы в урду. — В сб. «Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования». М., 1960.
89. И з м а н л о в а Г. Г. Некоторые замечания по поводу нескольких статей, написанных о словарном составе. — «Известия АН Азербайджанской ССР, сер. обществ. наук», 1961, № 5.
90. И л ь я ш е н к о Т. П. Языковые контакты (На материале славяно-молдавских отношений). М., 1970.
91. Интернациональный. — В кн. «Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова», т. I, М., 1934.
92. Интернациональный. — В кн. «Словарь современного русского литературного языка», т. 5, М.—Л., 1956.

93. И р а ч е к И. Существительные с интернациональными суффиксами — словообразовательная база в современном русском языке. — «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», 1967, A 15.

94. И с а ч е н к о А. В. Сопоставительное изучение языков как особая лингвистическая дисциплина. — В сб. «Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии. Под ред. Г. П. Сердюченко». М., 1961.

95. И с с е р л и н Е. М. Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961.

96. И с с е р л и н Е. М. Иноязычная лексика и ее место в словарном составе современного русского литературного языка. М., 1965.

97. К а ц н е л ь с о н С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965.

98. К е л т у я л а В. В. О переводе интернациональных слов. — В сб. «Тетради переводчика». М., 1967.

99. К о в а л е в с к а я Е. Г. Иноязычная лексика в произведениях Н. М. Карамзина. — В кн. «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в.» М., 1965.

100. К о в т у н Л. С. О значении слова. — ВЯ, 1955, № 5.

101. К о в т у н Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963.

102. К о в т у н Л. С. К истории русской идиоматики (Геркулесовы столпы, колосс родосский). — В кн. «Вопросы теории и истории языка», Л., 1969.

103. К о с т о м а р о в В. Г. К вопросу об интернациональных суффиксах в русском языке. — РЯШ, 1956, № 6.

103а. К о с т о м а р о в В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

104. К р о т е в и ч С. В., Р о д з е в и ч Н. С. Словник лінгвістичних термінів. Київ, 1957.

105. К р ы с и н Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

105а. К у т и н а Л. Л. Формирование терминологии физики в России. М.—Л., 1966.

106. Л а в р е н т ь е в Б. П. Японские аббревиатуры. — В сб. «Японский язык». М., 1963.

107. Л а р и н Б. А. Наши задачи. — В кн. «Теория и практика перевода». Л., 1962.

108. Л е в и н В. Д. Рецензия на работу Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX века)». — ВЯ, 1966, № 2.

109. Л е н и н В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3.

110. Л е н и н В. И. Тезисы по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 23.

111. Л е н и н В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 24.

112. Л е н и н В. И. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде 13 марта 1919 г. Полн. собр. соч., т. 38.

113. М а е в с к и й Е. В. О некоторых принципах составления частных словарей в Японии. — «Труды ЦНИИПИ», сер. 3, 67, вып. 1, М., 1967.

114. М а з у р Ю. Н. Корейский язык. М., 1960.

115. М а к о в с к и й М. М. К проблеме так называемой «интернациональной лексики». — ВЯ, 1960, № 1.

116. М а к о в с к и й М. М. Теория лексической аттракции. — ВЯ, 1965, № 6.

117. Мальмберг Б. Проблема метода в синхронной фонетике (Пер. с франц.).— «Новое в лингвистике», вып. 2, М., 1962.
118. Мартине А. Основы общей лингвистики. (Пер. с франц.) — «Новое в лингвистике», вып. 3, М., 1963.
119. Маслов Ю. С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема». — Сб. «Проблемы языкознания. В честь акад. И. И. Мещанинова. Уч. зап. Ленинград. ун-та, № 301, серия филол. наук, 1960, вып. 60.
120. Маслов Ю. С. Промежуточные уровни в структуре языка. — Сб. «Проблемы языкознания». М., 1967.
121. Международный. — В кн. «Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Том II, М., 1938.
122. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. (Пер. с франц.). М., 1954.
123. Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.
124. Мирзаяв М. Советско-интернациональные слова и термины в узбекском языке. — В сб. «К вопросам узбекской орфографии и терминологии», Ташкент, 1952.
125. Морев Л. Н. О тайском литературном языке. — В сб. «Современные литературные языки стран Азии», М., 1965.
126. Население земного шара. Справочник по странам. М., 1965.
127. Неверов С. В. Заметки о иноязычных словах в современном японском языке. — «Народы Азии и Африки», 1965, № 4.
128. Никольский Л. Б. Из истории становления национального литературного языка в Корее. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 6.
129. Никольский Л. Б. Нормирование национального литературного языка в Корее. — В кн. «Современные литературные языки стран Азии», М., 1965.
130. Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.
131. Ольшкн Л. История научной литературы на новых языках (Пер. с нем.), т. I (1933), II (1934), III (1933). М.—Л.
132. Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе. — ВЯ. 1962, № 3.
133. Пашковский А. А. Типы многозначных имен существительных в японском языке. — «Сборник трудов по языкознанию» (Воен. Академии Сов. Армии), № 3, 1959.
134. Пизани В. Этимология. История — проблемы — метод. (Пер. с итал.). М., 1956.
135. Пизани В. К индоевропейской проблеме. — ВЯ, 1966, № 4.
136. Пиотровский Р. Г. К вопросу об изучении термина. «Уч. зап. Ленинград. ун-та». № 161, серия филол. наук, вып. 18, ч. 2, Л., 1952.
137. Пулатов М. П. Влияние русского языка на узбекский язык. (Вопросы лексики и словообразования). М., 1953.
138. Рождественский Ю. В. Проблема слова в свете данных китайского языка. — В сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.
139. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964.
140. Розенцвейг В. Ю. Заметки о кальке. «Omgiu lui Alexandru Rosetti», București, 1965.
141. Романеев Ю. А. Структура слов греческого происхождения в русском языке. М., 1965.
142. Рубинчик Ю. А. Современный персидский язык. М., 1960.

143. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
144. С в а д о с т Э. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968.
145. С е р е б р е н н и к о в Б. А. О взаимодействии языков (Проблема субстрата).— ВЯ, 1955, № 1.
146. С и б а т а Т. Многоязыкая Азия.— «За рубежом», 1967, № 16.
147. С к а л и ч к а В. К вопросу о типологии.— ВЯ, 1966, № 4.
148. Словарь иностранных слов. Изд. 6. Под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова (гл. ред.), Л. С. Шаумяна. М., 1964.
149. С м и р н и ц к и й А. И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955. —
150. С м и р н и ц к и й А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
151. С о к о л о в А. Н. К вопросу о неероглифической письменности. «Японский лингвистический сборник», М., 1959.
152. С о л н ц е в В. М. Относительно роли суффиксов — пзы, -эр и тоу в современном китайском языке. (К вопросу о двух формах существования слов). — В сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., 1958.
153. С о л н ц е в В. М. К вопросу о приложимости общеграмматических терминов к анализу китайского слова.— В кн. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963.
154. С о р о к и н Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX века). М.—Л., 1965.
155. С т а р о с т о в Л. Н. Из истории становления турецкого литературного языка.— В сб. «Современные литературные языки стран Азии». М., 1965.
156. С т е п а н о в Ю. С. Европейский языковый союз и европейская грамматика наших дней.— ИЯШ, 1969, № 3.
157. С т е п а н о в а М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.
158. Т р у б а ч е в О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования.— ВЯ, 1959, № 1.
159. Т р у б е ц к о й Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме.— ВЯ, 1958, № 1.
160. У с п е н с к и й Б. А. Структурная типология языков. М., 1965.
161. Ф е д о р о в А. В. О задачах сопоставительного изучения языков. В кн. Федоров А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Е. Н., Цыганова И. А. Немецко-русские языковые параллели. М., 1961.
162. Ф е д о р о в А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк). М., 1968.
163. Ф е д о р о в А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики, М., 1971.
164. Ф е л ь д м а н Н. И. Японский язык. М., 1960.
165. Ф и л и н Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, т. 80, Л., 1949.
166. Ф и л и н Ф. П. О лексико-семантических группах слов.— В кн. «Этимологические исследования в честь акад. Стефан Младенов», София, 1957.
167. Ф и л и н Ф. П. О слове и вариантах слова.— В сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963.
168. Х а к у л и н е н Л. Развитие и структура финского языка, ч. I, II. М., 1953.

169. Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.
170. Хютль-Ворт Г. Проблемы межславянских и славяно-неславянских лексических отношений. София, 1963.
171. Хютль-Ворт Г. Рецензия на работу Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX века)». — ВЯ, 1966, № 3.
172. Шахрай О. Б. К вопросу о смысловых взаимоотношениях интернациональных слов в различных языках. ИЯШ, 1955, № 1.
- 172а. Шведова Н. Ю. Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы», — ВЯ, 1970, № 3.
173. Щерба Л. В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку). — В кн. «Избранные работы по русскому языку». М., 1957.
174. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикологии. — «Избранные работы по языковедению и фонетике», т. I. Л., 1958.
175. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения. — Там же.
176. Щерба Л. В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. — Там же.
177. Щуцкий Ю. К. Строй аннамского языка. Л., 1936.
178. Юшманов Н. В. Грамматика иностранных слов. — В кн. «Словарь иностранных слов». М., 1937.
179. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. (Пер. с англ.). — «Новое в лингвистике», вып. 3, М., 1963, стр. 95—105.
180. Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. (Пер. с англ.). — «Новое в лингвистике», вып. 2, М., 1962.
181. Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков. «Филологические науки», 1960, № 1.
182. Ярцева В. Н. Принципы типологического рассмотрения родственных и неродственных языков. — В сб. «Проблемы языкознания». М., 1967.
183. Яцунский В. К. Изменение численности говорящих на главнейших языках мира и роль этих языков в общении между народами в XVIII—XX вв. VII международный конгресс антропологических наук. М., 1964.
184. Bailey Ch. Le langage et la vie, 2 éd. Zürich, 1935.
185. Becker H. Der Sprachbund. Berlin—Lpz., 1948.
186. Becker H. Zu Begriff und Name des «Sprachbundes». «Zeitschrift für Slawistik», 1965, Bd. 10, Nr. 4.
187. Beirardi W. Le lingue dell' Europa e dell' Asia. Napoli, 1958.
188. Benson M. American influence on the immigrant Russian press. — «American Speech», vol. XXXII (1957), No 4.
189. Benson M. American-Russian speech. — «American Speech», vol. XXXV (1960), No 3.
190. Betz W. Die Lehnbildungen und der abendländische Sprachenaussgleich. — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 67. Bd., 3 Hft., Lpz., 1944.
191. Catford J. C. A linguistic theory of translation. L., 1965.
- 191a. Chase S. T. The roads of agreement. N. Y., 1951.
192. Chatterji S. K. Languages and the linguistic problem. Oxford, 1945.
193. Christophersen P. Bilingualism. L., 1948.
194. Darmesteter A. De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française et des lois qui la régissent. P., 1887.
195. Dauzat A. La géographie linguistique. P., 1922.
196. Dauzat A. L'Europe linguistique. Nouv. éd. P., 1953.

197. D e r o y L. L'emprunt linguistique. P., 1956.
198. E i t z e n W. Der Irrgarten der Sprachen. Gefährliche Fremdwörter, Missverständnisse und Entgleisungen. Berlin—Bonn, 1929.
- 198a. F o g a r a s i M. Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen. Budapest, 1965.
199. F r i e d V. Mezinárodní slova, jejich shoda a úskali. «Časopis pro moderní filologii», r. XXXVIII, s. 4—5, 1956.
- 199a. G a f d i n e r A. The theory of speech and language, 2-nd ed. Oxford, 1954.
200. G l e a s o n H. A. Linguistics and English grammar. N. Y., 1965.
201. G e o r g i e v V. Le problème de l'union linguistique balkanique.— «Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique. Rapport pour la séance plénière». Sofia, 1966.
202. G r a m m o n t M. Traité de phonétique. 3-e éd. P., 1946.
203. G r a u r Al. Désinences pour mots étrangères.— «Bulletin linguistique de la faculté des lettres de Bucarest», II. Paris — București, 1934.
204. G r a u r Al. Etimologii multiplă. «Studii și cercetări lingvistice», I (1950), 1.
205. G r e e n b e r g J. H., O s g o o d Ch. E., J e n k i n s J. J. Memorandum concerning language universals.— «Universals of language». Ed. by J.H. Greenberg. 2-nd ed. Cambridge (Mass.) — L., 1966.
206. G r o v e V. The language bar. L., 1949.
207. G u i r a u d P. Les mots étrangers. P., 1965.
208. Haben wir Kunstwörter nötig? «Der Sprachdienst», 1958, 2. Jg., Hft. 10.
209. H a l l i d a y M. A., M a c I n t o s h A., S t r e v e n s P. The linguistic sciences and language teaching. L., 1964.
210. H a u g e n E. The analysis of the linguistic borrowing.— «Language», 1950, vol. 26, No 2.
211. H a u g e n E. The Norwegian language in America. A study in bilingual behavior. Vols. 1—2. Philadelphia, 1953.
212. H a u g e n E. Bilingualism in the Americas. N. Y., 1956.
- 212a. H e l l e r K. Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart. Lpz. 1966.
213. H o c k e t t Ch. F. The problem of universals in language.— «Universals of language». Ed. by J. H. Greenberg. 2 nd. ed. Cambridge (Mass.) — L., 1966.
214. H ü t t l - W o r t h G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XYIII. Yh. Wien, 1956.
215. H ü t t l - W o r t h G. Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550—1800. Berkeley — Los Angeles, 1963.
- 215a. International.— «The Oxford English Dictionary». Ed. by J. A. H. Murray, H. Bradley, W. A. Craigie, C. T. Onions. Vol. Y. Oxford, 1933.
216. J a b e r g K. Aspects géographiques du langage. P., 1936.
217. J a k o b s o n R. Why 'Mama' and 'Papa'? — «Perspectives in Psychological Theory». Ed. by B. Kaplan and S. Warner, N. Y., 1961.
218. J e s p e r s e n O. Papers in international language. L., 1921.
219. J e s p e r s e n O. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. L., 1946.
220. J e s p e r s e n O. Language, its nature, development and origin. 8th impr. L., 1949.
221. K e p p l e r K. Irreführende Fremdwörter. — «Lebende Sprachen», Berlin — Schöneberg, 1957, Nr. 5.
222. K l u c k h o h n C. Universal categories of culture.— «Anthropology today». Ed. by A. L. Kroeber. Chicago, 1953.

223. Kunstwörter — Gefahr oder Rettung? — «Der Sprachdienst», 1958, 2. Jg., Hft. 11.
224. Lado R. Linguistics across cultures. Applied linguistics for language teachers. 2nd print. Ann Arbor, 1958.
225. Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur in Deutschen und Englischen. 2 Aufl. Heidelberg, 1961.
226. Licklider J. C. R. The manner in which and the extent to which speech can be distorted and remain intelligible. «Cybernetics. Transactions of the 7-th Conference». N. Y., 1951.
227. Mac Murray G. M. Meaning associated with the phonetic structure of unfamiliar foreign words. «Canadian Journal of Psychology», vol. 13, 1960, No 3.
228. Malmberg B. Linguistic barriers to communication in the modern world. Ibadan Un-ty Press, 1960.
229. Malmberg B. New trends in linguistics. An orientation. Stockholm, 1964.
230. Martinet A. Réflexions sur le problème de l'opposition verbo-nominale. — «Journal de psychologie normale et pathologique», 1950, No 1.
231. Martinet A. Diffusion of languages and structural linguistics. «Romance Philology», Berkeley — Los Angeles, vol. VI, 1952, No 1.
232. Martinet A. Structural linguistics. In: Anthropology today. An encyclopedic inventory. Prepared under the chairmanship of A. L. Kroeber. Chicago, 1953.
233. Martinet A. Are there areas of 'affinité grammaticale' as well as of 'affinité phonologique' cutting across genetic language families? — «Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists». Parts I—II, L., 1956.
234. Mathesius V. Zur synchronische Analyse fremden Sprachgutes — «Englische Studien», 1935, 70. Bd., 1 Hft.
235. Meillet A. Différentiation et unification dans les langues. — «Linguistique historique et linguistique générale». P., 1921.
236. Meillet A. A propos des noms du vin et de l'huile. — «Linguistique historique et linguistique générale», P., 1921.
- ✓ 237. Meillet A. Les langues dans l'Europe nouvelle. 2-e éd. P., 1928.
238. Meillet A. Le bilinguisme des hommes cultivés. «Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», 2 (1934).
239. Meillet A. Les interférences entre vocabulaires [1925]. — «Linguistique historique et linguistique générale», t. II, P., 1938.
240. Meillet A. Introduction à la classification des langues — «Linguistique historique et linguistique générale», t. II, P., 1936.
241. Møller Chr. Zur Methodik der Fremdwortkunde. — «Acta jutlandica», vol. I. «Aarskrift for Universitetundervisningen i Jutland», Y. København, 1933.
242. Mounin G. Les problèmes théorique de la traduction. P., 1963.
243. Pagliaro A., Belardi W. Linee di storia linguistica dell' Europa. Roma, 1963.
244. Peano G. Vocabulario commune ad linguas de Europa. Torino, 1909.
245. Peano G. Interlingue ed algebra della grammatica. — «Opere scelte», vol. II. Roma, 1958.
246. Peruzzi E. Saggi di linguistica europea. (= Tesis y estudios Salaman-ticos, X). Salamanca, 1958.
247. Preusler W. Are there areas of *affinité grammaticale* as well as areas of *affinité phonologique* cutting across genetic language families? [Intervention]. — «Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists». L., 1956.
248. Richter E. Fremdwortkunde. Lpz. — Berlin, 1919.
249. Rundle St. Language as a social and political factor in Europe. L., 1946.

250. Sauvageot A. Une langue universelle? Et laquelle? — «Vie et langage», 1954, No 3.
251. Sandfeld Kr. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats, P., 1930.
252. Sheard J. A. The words we use. L., 1954.
253. Schmidt-Hidding W. Die Kultur-Zivilisations Antithese.— «Sprachforum», I, 1955, Hft. 3—4.
254. Schmidt-Hidding W. Kernwörter des internationalen Gesprächs, Plan eines neuen Nachschlagewerkes.— «Sprachforum», I, 1955, Hft. 3—4.
255. Schmidt-Rohr G. Die Sprache als Bildnerin der Völker. Jena, 1932.
256. Schuchardt H. Slavo-deutsches und Slavo-italienisches. Graz, 1884.
257. Seidel E., Seidel-Slotty J. Sprachwandel im dritten Reich. Halle (Saale), 1961.
258. Soffiety J. P. Bilingualism and biculturalism. «The Modern Language Review», vol. XLIY, No 6, 1960.
259. Toynbee A. J. Hellenism. The history of a civilization. N. Y. — Toronto, 1959.
260. Trnka B. O fonologických cizostech v češtině — «Slovo a slovesnost», r. VIII, 1942.
261. Trnka B. A phonological analysis of present-day standard English. Prague, 1935.
262. Ullmann S. Semantic universals.— «Universals of language». Ed. by J. H. Greenberg. 2nd ed. Cambridge (Mass). L., 1966.
263. Unbegaun B. O. Le calque dans les langues slaves littéraires.— «Revue des études slaves», t. II, fasc. 1—2, 1932.
264. Unbegaun B. O. Le nom de la boussole en Russe.— «Slavistična revija» (Ljubljana), XI, 1—4, 1957.
265. Unbegaun B. O. La formation des langues littéraires slaves: problèmes et état des questions.— «Langue et littérature. Actes du VIII-e Congrès de la Fédération Internationale des Langues et Littératures Modernes», vol. 21, Liège. 1961.
266. Vildomec V. Multilingualism. Leyden, 1963.
- 266a. Vinay J.—P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958.
267. Vossler K. The spirit of language in civilization. L., 1932.
268. Wartburg W. Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft. 2. Aufl. Tübingen., 1962.
269. Weinreich U. Languages in contact, findings and problems. N. Y., 1953.
270. Weisgerber L., Die Muttersprache in Aufbau unserer Kultur. (2.Aufl.). Düsseldorf, 1957.
271. Weisgerber L. Übersetzungsfehler in Südtirol-Konflikt. Innsbruck, 1961.
272. Whatmough J. Language. A Modern Synthesis. N. Y., 1957.
273. Wolff H. Subsystem typologies and area linguistics. «Antropological Linguistics», Indiana University, vol. 1, No 7, 1959.
274. Wüster E. Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektrotechnik. Berlin, 1931.
275. Wüster E. Technische Sprachnormung. Aufgaben und Stand. «Sprachforum». 1955, Heft 1.
276. Wüster E. Intervention in discussion. «Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists». II. L., 1956.

SUMMARY

International elements are a phenomenon sui generis among the synchronic forms of common traits in languages. Based on the identity or near-identity of meanings in different languages, the international quality, however, is manifest in both sides of the lexical signs: words, morphemes and phrases. The similarity of international signs in many languages both in content and expression makes them especially important in the linguistic and cultural interrelations among nations.

The author's aim in the first part of the book is to give a comprehensive definition of the concept of «internationalism» in language. A detailed discussion of all aspects of similarity makes it possible to establish seven potential types of international elements. They all actually exist in the languages of the globe: five of them are found in all areas, and two only in the Far-Eastern languages with hieroglyphic writing. The interlinguistic category of internationalisms appears in any languages that have been in lasting and regular contacts. In this respect the most developed languages of the world fall into five main areas and a number of subareas which nowadays evidently tend to draw closer to one another.

The second part of the book shows the peculiar ways of formation, development and functioning of international words, their role in interlinguistic communication. The illustrative material is drawn from Russian, a language occupying a special place on the linguistic map. Russian belongs simultaneously to two areas: the European-American area and that of the languages of the Soviet nations. The study of the internationalization of its vocabulary proves that not mere transition of words from one language to another is in question. It is a complex process involving the convergent aspect of the development of languages in which numerous internal and external linguistic factors interact.

RÉSUMÉ

Les éléments internationaux représentent un fait particulier parmi les formes synchroniques des traits communs interlinguistiques. Basée sur la similarité complète ou presque complète des significations dans les langues différentes, l'internationalité se manifeste cependant de deux côtés des signes lexiques : dans les mots, dans les morphèmes et dans les tournures phraséologiques. La ressemblance des signes internationaux dans plusieurs langues, concernant le sujet ainsi que l'expression prouve l'importance particulière de ces signes dans les relations linguistiques et culturelles des peuples.

Le but de la première partie du livre consiste dans la précision de la notion «internationalisme» dans la langue. En examinant tous les aspects de la ressemblance d'une manière différenciée, l'auteur établit sept types potentiels d'éléments internationaux. Tous ces types existent réellement dans les langues de la terre : cinq types se revelent dans les langues de toutes les aires géographiques et les deux derniers existent seulement dans les langues avec l'écriture hiéroglyphique de l'Extrême Orient. La catégorie interlinguistique des internationalismes se declare dans les langues différentes mises en contacts longs et réguliers. Les langues du monde, les plus développées, se réunissent sous ce rapport en cinq aires principales et dans une rangée d'aires secondaires, qui se rapprochent à présent d'une manière évidente.

Dans la seconde partie du livre sont indiquées les voies spécifiques de l'origine, du développement et du fonctionnement du lexique international dans la langue, son rôle dans la communication interlinguistique. Les illustrations sont tirées de la langue russe, qui occupe une place particulière sur la carte linguistique. La langue russe se rapporte en même temps à deux aires : a celle de langues européennes-américaines et à l'aire linguistique des peuples de l'URSS. L'étude de l'internationalisation de son lexique ne se borne pas à l'analyse de la transition des mots d'une langue dans une autre. Ce processus compliqué est lié avec la convergence dans le développement des langues ou plusieurs agents linguistiques, intérieurs et extérieurs, sont en action réciproque.

	Стр.
Предисловие	3
Часть I. Понятие лексического интернационализма	9
Глава 1. Общие элементы в языках Земли и лингвистические интернационализмы	9
Глава 2. Типы лексических интернационализмов	28
Глава 3. Об ареалах лексических интернационализмов и путях их становления	57
Часть II. Интернациональные элементы в русской лексике	86
Раздел первый. Интернационализмы современного русского языка в процессах соприкосновения и сопоставления языков	86
Глава 1. Изоглоссы интернационализмов в современном русском языке	86
Глава 2. Соотношение фомоморфологических оболочек интернационализмов	96
Глава 3. Общность и специфика семантико-стилистических характеристик интернационализмов в русском и западноевропейских языках	112
Глава 4. Интернационализмы при двуязычии и переводе	136
Раздел второй. Пути интернационализации словарного состава русского языка	157
Глава 1. Пути и этапы формирования фонда интернационализмов русской лексики	157
Глава 2. Место интернационализмов в современной русской лексике и особенности их функционирования и развития	183
Заключение	196
Принятые сокращения	200
Литература	202
Резюме	213